

sf_fantasy
humor_prose
humor_fantasy

Оксана
Алексеевна
Алексеева
281357

Егор
Серебрянский
314795
<https://coollib.net/a/188427>

Наследник черного престола

Жил себе и жил, никому не мешал: любил девчонок, часто врал, нередко пользовался обаянием, играл в карты и занимал один из постов на нижнем уровне бесконечной трудовой иерархии. Не образец приличия, но вполне себе хороший человек. И тут передо мной встает красотка и заявляет, что я наследник престола в каком-то другом мире. Ладно бы какого-нибудь нормального престола, а-то ведь олицетворения злых сил. И я обязан усестыся на него как лучший претендент на роль исчадия ада. Нет, я, конечно, не образец приличия, но такое...

Сатира, юмор, становление героя, приключенческое фэнтези, Добро и зло
2019

ru

Tibioka

Fiction Book Designer, FictionBook Editor Release 2.6.6
14.08.2019
Текст предоставлен правообладателем
73795094-b9ad-11e9-96df-0cc47a545a1e
1.0

v 1.0 — создание документа — Tibioka
v 1.1 - дополнительное форматирование, оптимизация обложки (predator_606)

2019

678538
16+

Егор Серебрянский, Оксана Алексеева

Наследник черного престола

Пролог

— Черный лорд умер, да здравствует черный лорд. Опять, — произнес первый хоасси, равнодушно разглядывая ногти. — Друзья, я начинаю подозревать нас в преступной халатности.

Тринадцатый хоасси, самый дряхлый и самый слабый маг из всех советников, нервно дернул плечом.

— Ваш тон неприемлем, господин Ноэ! Наша вина или нет, но это катастрофа!

— Вы правы, правы, господин Таш. За моим равнодушием скрывается страх и трепет, просто нет смысла паниковать внешне, если только ваше самолюбие бледностью лица потешить. — Он дождался, пока тринадцатый смущенно умолкнет и ответит взгляд, затем продолжил: — Для истерики нет оснований, для нее вообще никогда нет оснований, но господин Таш в чем-то прав. Это катастрофа. Такого же никогда не было, чтобы черные лорды мёрли, как мухи?

— Было, — занудно поправил господин Киrr, пятый советник и главный любитель покопаться в архивах. — Пять тысяч семьсот лет назад. Падение династии Лоре. Правитель не оставил завещания с полным списком наследников, а все известные его сыновья вскоре скончались. К счастью, хоасси тогда смогли выкрутиться и все-таки отыскать обладателя черной крови, но династия, как сами понимаете, все-таки сменилась. С тех пор к власти и пришли Корды.

— Вот только мир не рухнул? — уточнил Ноэ все так же лениво.

— Глупый вопрос, при всем уважении. Не рухнул, как видите. Но был на грани. И мы с вами сейчас, если позволите, в нескольких месяцах до этой точки.

Двенадцатый советник все же не сдержался и громко хлюпнул носом. Ноэ поморщился, справедливо полагая, что хоасси не имеют права быть такими жалкими. Если надвигается конец мира, надо искать пути предотвращения, а не носами шмыгать. Если конец неотвратим, то уж с чистой совестью расслабиться и дожить с миром остатки его дней. Нос в этом процессе тоже не участвует. Потому Ноэ выпрямился, откинул темный капюшон и заговорил строго:

— У нас, в отличие от тех хоасси, список имеется! Конечно, это плохой вариант, но, спасибо покойному лорду, он был весьма любвеобилен. Два его сына умерли в течение двух недель от ядов, думаю, это дело рук кого-то, кто идет в этом списке дальше. Следующим значится его черное высочество Зиак. Предлагаю не рассматривать его в качестве подозреваемого.

Советники только усмехнулись. Само собой, девятимесячного Зиака сложно подозревать в организации отравлений предшествующих наследников. А вот за Зиаком разворачивается список из двух десятков мужских имен, все разного возраста и статуса, но умерший правитель не просто так писал их в этом порядке. К настоящей власти готовили только первого — его отравили через десять дней после начала правления. Труп следующего лорда сожгли сегодня утром. И отравителем мог быть любой, значащийся на пергаменте, который держал в руке первый хоасси.

— Я больше скажу, — подал голос седьмой советник. — Если мы коронуем Зиака, то, наверняка, и он не проживет больше недели. Пройдут десятилетия, прежде чем мальчик сможет за себя постоять. Уж если первый наследник, которого готовили к подобным вещам, не сумел...

— Вы правы, — Ноэ подался вперед. — А время не ждет. Я предлагаю вернуться к разговору, который уже заводил после смерти первого дофина зла.

— Немыслимо! — прокряхтел девятый хоасси.

— Это мало того что сложно осуществить, но и последствия могут быть еще более ужасающими, — подтвердил второй хоасси.

— Хуже падения черного престола? — Ноэ вскинул брови.

На это возразить было нечего. Все присутствующие прекрасно знали, чем чревато промедление и что случится, если черный трон так и не займет новый правитель. Изменения последуют не сразу, но непременно будут. А каждый из тринадцати темных хоасси принес клятву держать мир на своих плечах, каких бы жертв это ни потребовало. Знал это и Ноэ, и на этот раз решил настаивать:

— Мы пропустили его, уже нарушили список. Я предлагаю вернуться ко второй строчке престолонаследия и короновать Киана из династии Кордов.

Самый спокойный и неторопливый одиннадцатый хоасси медленно кивнул и вышел вперед.

— Боюсь, господин Ноэ излагает истину, это мы допустили ошибку, пропустив Киана Корда. Он не подходит на роль правителя и мог участвовать в заговоре с еще меньшей вероятностью, чем младенец Зиак. По крайней мере, мы обязаны проработать и этот вариант!

— А что вам заговор? — пожал плечами третий хоасси. — Мы ведь говорим о черном престоле — так пусть его возьмет тот, у кого самая черная душа. Думаю, человек, убивающий собственных единокровных братьев, сможет держать зло в кулаке.

Ноэ поморщился, но все же поразмыслил над предложением перед ответом:

— Не совсем так, господин Шур. Он есть зло, и это прекрасно. Но есть ли он ум и расчетливость? Почему не пришел в Совет с этим предложением? Почему не выдвинул ни одного требования? Да будь я на его месте, устроил бы террор и взял себе этот треклятый престол, раз могу усидеть на нем по праву крови. А он решил просто методично убивать всех наследников, пока до него очередь не дойдет? Прошу прощения, но это не самый простой и быстрый путь. Это путь труса или глупца. Вы точно хотите видеть на троне трусливого глупца, хоасси? Или того, кто предпочитает строить собственные планы без учета наших? Черному престолу нужен лорд, который первым делом не взывает к мудрости Тринадцати? Кажется, проще будет разрушить мир, вообще никого на трон не пуская, чем подарить корону такому идиоту.

С этим уже многие согласились, задумчиво закивали. Почти все присутствующие входили в Совет Тринадцати еще при прадеде почившего лорда, многие знали, что наследники зла часто не гнушаются никакими средствами. Но хитрость их должна быть умной, расчетливой, хороший политик не стал бы воевать с Советом прежде, чем попытается договориться. От нынешнего заговорщика же можно ожидать чего угодно, вплоть до полного отказа от советов хоасси. Чистое зло обязано быть умным, оно не имеет права на ошибки и отсутствие грамотных стратегий, за которые и отвечают советники. Глупое зло даже хуже, тьфу, много добра. Вот только сомнений оставалось предостаточно. Снова их высказать осмелился господин Таш:

— А если Киан окажется вариантом еще хуже? Все-таки он вырос в совсем другой среде.

Ноэ встал, спонтанно управляя длинную черную рясу.

— У нас есть время, чтобы это проверить. Если мы договорились, конечно.

— Договорились, — отозвался одиннадцатый советник.

— Думаю, выбора все равно нет, — вздохнул пятый. — И лучше потратить время на поиски вариантов, чем на ожидание беды. Кто этим займется? Все тринадцать шорсир бывшего лорда до конца жизни в трауре, но для нашей задачи их можно будет использовать.

— Нет, достаточно одной. И лучше взять кого-то из тех, кто служил старому лорду! Я составлю ей компанию, — удивил всех первый хоасси. — Дело чрезвычайно важное, потому я отправлюсь за Кианом сам. Господин Таш, выберите из них самую лучшую.

— Они все идеальны, — чуть склонил голову советник. — Шорсир не умеют предавать, как и мы. Но если мы служим престолу зла, то шорсир самому правителю. Уверен, будет несложно убедить одну из них, самую молодую, что если она поможет посадить на престол сына предыдущего господина, то тем самым отдаст долг его памяти. С этим проблем не возникнет — каждая будет готова умереть за Киана, если правильно поставить цель. Но ваше путешествие... прошу прощения, господин Ноэ, я считаю мальчишеством.

Второй советник тоже подошел ближе:

— Я согласен. Пусть важнее задачи перед нами не стояло, но вы первый хоасси империи! Мы не открывали врата уже больше двадцати лет, другие миры опасны и чужды. В том, где живет Киан, поговаривают, вообще нет магии. Вы будете беззащитны! И это при условии, что сможете пройти через врата. У нас нет черного лорда, чтобы он проконтролировал переход. А вас заменить сложнее, чем даже Киана Корда, если уж на то пошло.

Ноэ улыбнулся:

— Знаешь, Рой, я пережил уже четырех черных лордов, вел войны и побеждал свет, давал лучшие советы и праздновал торжество тьмы. И за это время немного устал. Я или посажу на престол Киана, или меня уже действительно пора заменить. Кстати, я ведь беру с собой шорсир, идеальную убийцу. Так что вряд ли можно назвать меня беззащитным.

— Возьмите всех шорсир, Ноэ! — воскликнул тот. — При переходе хоть кто-то из них выживет!

Ноэ подумал и покачал головой:

— Будет слишком подозрительно, если они все разом исчезнут. Не приведем ли мы этим заговорщиков к наследнику сами?

Он, не дождавшись ответа, вышел из зала. Ноэ все еще был высок и строен, никто из людей не смог бы представить его возраст. Древним стариком он был только под этой оболочкой. Да никто из людей и не смел поднять голову, чтобы заглянуть под капюшон и столкнуться взглядом с глазами первого хоасси черной империи.

Ноэ уже уселся в своем замке перед камином, потягивая вино и размышляя о будущем путешествии. Другой мир пугал своей немислимостью, до перехода предстояло ознакомиться со всеми архивными хрониками. И тем же привлекал — до своей кончины Ноэ захотелось увидеть еще что-нибудь, кроме извечного родного мрака. Он не удивился, что не услышал приближения гости, это было бы странно. Не вздрогнул и когда раздался тихий монотонный голос:

— Я пойду с вами за наследником, первый хоасси. И отдам жизнь за него, если потребуется. Меня зовут Тринадцатая.

Он медленно повернулся и с удовольствием рассмотрел девушку. На таких мужчины и не могут смотреть без удовольствия: молодая, красивая, темноволосая, складная, неземная, — шорсир другими и не бывают. Идеальное оружие и лучшая охрана властелина, безропотный инструмент в руках лорда. Если бы ее хозяина убили, она, не задумываясь, перерезала бы себе глотку — знак, что шорсир не считает себя вправе дышать дальше. Но поскольку черного лорда догнала старость, то эта, как и двенадцать ее сестер, просто обрекла себя на траур до конца дней. Хотя нередко наследники брали шорсир отца себе — это и был лучший выбор для обеих сторон. Эту бы точно взяли, поскольку молода, но, к сожалению, не успели. Так бы у них появился хоть один шанс выжить: сложно кого-то прикончить, если его охраняют тринадцать преданных до гроба убийц.

— Это хорошо, Тринадцатая, мне не помешает твоя помощь. Мы идем в чужой мир, где не работают законы природы. Там будет сложно. Еще сложнее убедить наследника в его важной миссии. Зови меня Ноэ.

— Простите, — так же сухо ответила она. — У меня не тот статус, чтобы называть вас по имени, хоасси.

Он совсем по-старчески, что никак не вязалось с мимикой, улыбнулся и махнул рукой. Пусть называет как хочет. У самих шорсир даже имен нет, ни к чему. Рожденным лишь для того, чтобы исполнять приказы хозяина, им достаточно номеров. Хоть на что-то в мире тьмы можно полагаться — например, на шорсир, которые скорее сохнут, чем предадут властелина. Проход через врата осуществляли на третий день после решения. Все хоасси, они же лучшие маги черной империи, присутствовали и помогали открыть почти недвижимые заслонки между мирами. Ноэ испытывал непривычный страх неизвестности — надо же, он и не думал, что способен так молодо ощущать сильные эмоции. Шорсир стояла рядом с абсолютно непроницаемым лицом. Для этой надо что-то побольше, чем светящийся желтым проход в иное пространство. Пятый советник быстро проговаривал все, что знает о новом мире, хотя повторил это уже раз десять. Девятый — сокрушался, что они не могут гарантировать точное попадание в нужное место, вратами пользовались очень редко, и чаще всего ими управляли черные лорды, только в таком случае система работала безотказно. Магия хоасси была иной, не нацеленной на такие действия, потому что господин Таш очень переживал о результате. Говорили они это одновременно, пока все остальные, пытаясь и краснея, тратили все силы на увеличение светящегося разрыва. Ноэ никому не отвечал. Он молча взял шорсир за руку и шагнул вперед. Врата созданы только для черных лордов, и только в их компании безопасны, потому Ноэ заранее приготовился к любым неприятным ощущениям. Но для такого опыта готовности не хватило. Он и сам не заметил, как выпустил руку девушки, вообще потерял ее из виду в беснующемся свете. Хотел окликнуть, но вопль болезненным хрипом забил ему горло: Ноэ,

самый старший и сильнейший из хоасси, полетел в мясорубку, уже точно ощущая, как за спиной схлопывается весь мир — и этот взрыв достигает его тела, перемальвает и разбрасывает ошметки во все стороны.

Глава 1

— Право, ваши намеки оскорбительны.

Николай поправил галстук и неспешно поднялся на ноги, чтобы напоследок окинуть присутствующих за столом взглядом, полным уязвленной гордости. Случайно в поле зрения попала стопка фишек и банкнот, но и на этом пороге парень не потерял нужное выражение лица. Об уже сделанных ставках лучше не упоминать — ноги бы унести с тем, что успел выиграть. Николай так же подчеркнуто медлительно вскинул руку и немного нервно поправил челку: нервно — чтобы каждый невнимательный увидел, как он расстроен, медлительно — с целью показать часы, ненароком выглянувшие из-под рукава. Отличная подделка, он за них когда-то туеву хучу бабла отстегнул, чуть ли половину стоимости оригинала. Эти часы обязаны стать последним штрихом образа — дескать, что ему с такими-то часиками и, соответственно, доходами незачем корчить из себя дворовую шелупень.

Вот только на одного мужика азиатской наружности образ должного впечатления не произвел. Наверное, он просто в часах не разобрался. Потому как мужик вскочил, весь красный, как круг на флаге Японии, очень патриотично, и без малейшего акцента заорал:

— Что ты тут нам чешешь, петушила?! Откуда пиковый туз взялся, если он в прошлом скиде улетел?

— В нашем интеллигентном обществе такие эпитеты нуждаются в переводе, — спокойно ответил Николай. — Если туз в прошлом скиде улетел, то откуда он взялся сейчас?

— А я гребу, откуда?! — на той же ноте вопил уже очевидно не японец. — Из рукава поди!

Николай начал морально настраиваться на то, что сейчас этот раздраженный не-японец заручится поддержкой других обиженных коллег по столу и примется его, Николая, зверски потрошить. И может, даже так качественно, что вытащит и бубновую даму, и валета — валет даже не нужен был, за компанию даме в рукав отправился. Однако предсказуемый всплеск азиатской мести предотвратил другой игрок. Он громко хлопнул по столу и тоже резко подскочил:

— Я думал, приличные люди собрались! А будто с шушерой какой-то во дворе в доминошку перекидываюсь. Это невыносимо!

И направился к выходу, еще успешнее изображая оскорбленность, чем и отвлек на себя внимание. Николай эту секундную задержку использовал, тоже растворяясь в почти ватном сигаретном дыме. Остановился за углом заведения, подальше от входа. Там выдохнул и рассмеялся.

— Ну ты и придурок, Петюня! — сказал он приятелю, уже тоже посмеивающемуся. — Они теперь поймут, что мы в паре играли, сюда нам путь надолго заказан.

— Да и ладно, — отмахнулся друг. — Не первое и не последнее место, где нам больше не рады! Пошли поклубимся, что ли? Стресс надо снять. Двенадцать тысяч в прибыли, не так уж и плохо, надо было до последней раздачи уходить, я тебе кончиком носа намекал.

— Так я ж не думал, что именно этот круг станет таким эпическим. Вызывай таксо, парниша, стресс снять точно надо. Но недолго, мне с утра на работу.

Петюню все друзья так и называли «Петюня». Не то чтобы двадцативосьмилетний мужчина выглядел ребенком, лишь на работе гордо называясь Петром Андреевичем, просто так еще с института повелось да закрепилось. Петюня прозвище хотя бы отчасти оправдывал: невысокий, полноватый и с широкой щербатой улыбкой, по мнению Николая, он никак не тянул на Петра Андреевича. Довольно сообразительный и открытый, Петюня мог составить компанию почти в любой операции. А уж развлекаться в его обществе Николай вообще любил. На фоне не слишком крутого ковбоя, под которым умер бы любой скакун, сам Николай, и без того довольно привлекательный, выглядел вообще феерическим мачо. Рядом с Петюней и не такой симпатичный парень смотрелся бы еще выше, стройнее и очаровательнее. Петюня же от такого

«сотрудничества» тоже свой куш имел, девушки нередко и ему уделяли внимание за компанию, ведь кареглазого брюнета, который их подцепил, на всех физически не хватит.

О завтрашней работе и пережитом стрессе было забыто уже через пару часов. Точнее, примерно на третьем круге шотов, оказавшихся весьма крепкими и многочисленными. Коля с Петюней уже развалились на диванчике перед столиком и принялись усердно осматривать обстановку в поисках милovidных жертв. Не сказать, что обоим можно было назвать неразборчивыми, процессу выбора они все же уделяли самое пристальное внимание, но здесь столько потенциальных жертв, что стоило бы последить за глазами, дабы не разбежались.

И вдруг добыча обозначилась сама, синхронно принятая друзьями за самый идеальный выбор. Девушка встала перед столиком, вынудив впечатлительного Петюню протяжно и совсем не круто выдохнуть. Николай сдержался, хотя захотелось сделать точно так же. Эту девушку можно было размещать на заставке к БДСМ-роликам, и тогда счастливый зритель дальше заставки бы не смотрел: стройненькая, фигуристая, обтянутая синим латексом так, чтобы фигура для заинтересованного не осталась секретом. И взгляд! Больше всего поражал взгляд, вызывающий даже в яром противнике БДСМ-игр желание хоть разок попробовать.

В довершение образа девушка сказала, перекивая музыку:

— Я нашла вас, господин. Вам стоит пойти со мной.

Если в Николае и наблюдались остатки самообладания, то «господин» их стер начисто.

— А-а-а, — он все-таки выдохнул, чтобы не задохнуться. И продолжил с того же звука: — А-а-хренеть.

Когда до него дошло, парень радостно пихнул товарища в бок.

— Петюнь, твоих рук дело? А я все думал, когда ж ты мне подарок на день рождения подаришь, два месяца ждал.

Петюня, такой же ошалевший, ответил:

— Это не я ее заказал. Может, реклама секс-шопа вышла на новый уровень? А это теперь мой любимый клуб, если кому интересно...

— Врешь? — с надеждой глянул на него Николай. Ему очень хотелось, чтобы друг врал. Если девушка на фрилансе, то дерет нехило. Да и не входило в его привычки платить за секс, тем более настолько экспериментальный.

— Не вру, — так же разочарованно ответил друг.

Значит, оставалось только два варианта: девушка разглядела поддельные часы и решила, что этот клиент вполне потянет, или попросту заблудилась, что в такой куче тел неудивительно.

Николай вмиг расслабился:

— Слушай, чудо чудное, диво дивное, ты, скорее всего, адресатом ошиблась.

— Нет, господин, — она совсем не впечатлилась душевным комплиментом и упрямо качнула головой, во взгляде появилось еще больше призыва пойти на любые эксперименты — и теперь даже с использованием посторонних предметов. — Я искала вас по выданным ориентирам и запаху, что нельзя считать надежной стратегией. Но вы очень похожи на своего отца, ошибки быть не может. Пойдемте, мой лорд, я все подробно объясню, здесь слишком многолюдно для таких разговоров.

Петюня тоже отмер и засмеялся:

— Иди, мой лорд, тебя на приват зовут. Слыхал, по запаху нашла? Таких подкатов я еще не видел!

Николай разделил бы товарищеское веселье, но настроение немного испортилось. Зачем красотка вдруг отца в такую интересную беседу впендюрила? Какой-то психологический трюк, после которого клиент обязан «дозреть»? Неизвестно, работает ли с другими, но Николай своего отца никогда не знал — тот свинтил, когда ребенок только появился на свет, оставив по уши влюбленную в него женщину всю жизнь ждать его возвращения невесты откуда. Мать, хоть всегда считалась красавицей, так замуж и не вышла, вообще больше с мужиками и пронирами не связывалась — вот так первая любовь может обрубить все последующие. Посему Николай не испытывал никакого желания обсуждать этого человека, как и вообще вспоминать о нем.

— Слушай, дорогуша, — он подался вперед. — Испарись и найди себе другого мальчика.

Она не сдвинулась с места, зато нахмурилась и даже от этого не стала выглядеть некрасивой.

— Я услышала ваш приказ, господин. Но осмелюсь настаивать...

— Испарись, — повторил Николай.

И девушку будто ветром сдуло.

Приятели еще немного выпили и со смехом обсудили прокачку ночных бабочек, но продолжать посиделки не захотели. Остальные «жертвы» по сравнению с той выглядели простовато, да и на работу же с утра!

Петюня поймал такси — он жил на другом конце города, а Николай решил прогуляться, заодно и выветрить хмель из головы. Вставать в семь, похмелье будет лишним. Ему восемь часов кряду сидеть на телефоне в офисе, изображая доброжелательную техподдержку. Платили средне, вроде грех жаловаться, но парень никогда не испытывал большого удовольствия от этой работы. Ведь есть такие люди, у которых и язык где надо, и харизмой не обделены, но все как-то не клеится. Хотя иногда клеится и даже зарабатывается, но никогда — легальными способами. Николай уже давно пребывал в убеждении, что без дополнительных телодвижений ни машину без кредита не купишь, ни в карьере не продвинешься. Пока жизнь складывалась удачно, потому Николай самые масштабные телодвижения оставлял на неопределенное будущее.

Шел он довольно быстро, летняя ночь выдалась прохладной, и, услышав за спиной шаги, собрался и резко бросился влево, разворачиваясь. Сегодняшние облапошенные кретины вполне могли его выследить и продолжить разборки, такое случалось. Николай нередко бывал бит и сам умел помахать кулаками на житейско-бытовом уровне, но дело это очень не любил. Особенно, когда физиономия долго заживает, синяки не украшают мужчину, как вещают голливудские боевики, а очень даже отпугивают адекватных представительниц прекрасного пола. Неадекватных Николай и сам не особо жаловал.

Но тревога оказалась преждевременной. Шагах в десяти от него топали два подростка наркоманской сутулости и явно миролюбивого настроения, они от его маневра испуганно подскочили и, косясь, поспешили дальше. Николай махнул им вслед рукой, смеясь над собой, и снова зашагал по аллее. Но через два шага застыл от спокойного голоса прямо за спиной.

— Господин, я все же осмелилась снова подойти к вам.

Сердце ухнуло в горло и там же замерло. Так можно и до нервного срыва довести. Стряхнув с плеч напряжение, Николай повернулся и уже ожидаемо встретился с пронзительным взглядом глаз необычного, почти янтарного, оттенка. А девица оказалась ниже, чем он решил в клубе. И все равно будто подавляла властностью. Или у нее голос такой, от которого жуткие мурашки бегут по рукам?

— Я рискую вызвать ваш гнев, господин, но меня об этом предупреждали. Конечно, по статусу с вами должен был говорить первый хоасси, а не я, но мы потеряли друг друга при переходе. Допускаю, что он мертв. Следовательно, миссию суждено закончить мне. Нижайше прошу выслушать недостойную, Киан из династии Кордов.

— Меня Коля зовут, — глупо ответил Коля, раз уж более умного ответа все равно не нашлось. — Ты кто такая вообще?

— Тринадцатая шорсир лорда Тария Корда и первая шорсир будущего лорда Киана Корда, если вы окажете мне такую милость, — она снова склонила голову. — Но вам это пока ни о чем не говорит. Я придумала выход, господин. Представьте меня своей матушке — она наверняка подтвердит хотя бы часть моих слов, потом вы уже сможете слышать.

На Николая нахлынуло жуткое раздражение. На работу в семь утра! С похмельем! А эта симпатичная идиотка явно с головой раздружилась окончательно. Он шагнул навстречу.

— Слушай сюда. Во-первых, я Коля, а не как-то там. Во-вторых, твой костюмчик впечатлял только в ночном клубе, а здесь ты выглядишь больной абстракцией вон тех двух торчков, что мимо проходили. В-третьих, представляют родителям девушек уже намного, намного позже первого секса. В-четвертых, я и сам бы побеседовал с матушкой, да вот только она умерла пару лет назад. Иди на кладбище и беседуй сколько влезет, от меня привет передавай. Достаточно пунктов, чтобы ты отвалила?

В ее глазах блеснуло то ли сомнение, то ли задумчивость.

— Боюсь, я не умею призывать мертвых, господин. Эта сила не была мне доступна даже в черной империи.

Точно, она совершенно больная, не просто двинулась кукухой, но и окончательно с ней простилась. Зарывав от бессилия, Николай поднял взгляд в звездное небо, пять раз выдохнул огнем, успокоился, снова уставился на девицу, которая на фоне остальных проблем перестала казаться симпатичной, и рявкнул:

— Всё, припадочная, всё! Разговор окончен. И даже не смей за мной ходить, я серьезно. Не люблю полицаев, но в твоём случае буду звать даже к их помощи. Хотя тут скорее санитары нужны.

Нервно развернулся и пошел к дому еще быстрее. Девике, к счастью, хватило ума не догонять.

Глава 2

Николай Анатольевич Радужкин имел все основания не считать себя трусом. Наоборот, он по праву гордился своей выдержкой, самоуверенностью, непрошибаемым блефом и умением держать лицо. Иногда ему это удавалось даже во время мордобития. Нижеописанный случай можно отнести к редчайшим исключениям из всех правил.

Выходя из душа и лениво насвистывая, он был вынужден подпрыгнуть, практически замереть в воздухе и совсем уж не по-мужски завизжать.

— Прошу прощения, господин, — существо под личиной миловидной девички ответило ему из коридора сухим, высокомерным тоном, не подразумевающим раскаяния.

Коля схватился за грудь и сложился пополам. Только через минуту вспомнил о том, что и дышать нужно, а не только за деятельность внутренних органов беспокоиться. И едва вдохнув, заорал:

— Ка-а-ак ты вошла?!

— Это было не так сложно, мой лорд. Хотя очень непривычно. Я провозилась почти семь минут. Надеюсь, вы простите мне неумелость, со временем я смогу справиться с любым подобным механизмом.

Николай постепенно, но слишком медленно, приходил в себя, придумывая, куда бы приложить мысли, чтобы не спятить. Ну точно, дешевый замок, а Петюня тогда говорил, что на безопасности экономить нельзя. Коля еще смеялся: мол, двери ему выносят так часто, что на замках разоришься, а все ценное обычно на нем и надето. Вот и вылилась бережливость...

Когда мысли приструнились, он смог соображать и о происходящем. И снова закричал:

— Чудовище ты латексное! До знакомства с тобой у меня проблем с сердцем не было!

— Прошу прощения, — так же неэмоционально повторило это ужасающее порождение большого рассудка.

— Выметайся! — взвизгнул Коля, совершенно не заботясь о том, как нехаризматично звучат настолько истерические нотки. — Выметайся отсюда, пока я полицию не вызвал.

Он даже тронуть ее уже боялся — всем известно, что сумасшедшие обладают немыслимой физической силой. Потому осторожно миновал, чтобы подобраться к двери. Распахнет и как-нибудь пнет, чтобы оно туда вылетело и никогда больше не возвращалось.

Вот только девушка шагнула в сторону, перекрывая путь, и повторила с угрозой:

— Прошу прощения, мой лорд, но я не вправе так поступить. Знаю, что за нарушение ваших приказов меня ждет мучительная смерть — я готова. Но лишь после того, как сделаю все возможное и невозможное для выполнения своей задачи. Я с ночи думала о вашей реакции. Вы не выслушаете меня, если вас не заставить. Потому я рискну.

— Заставить? — совсем уж высоким голосом спросил Коля.

— Именно. Если хоасси погиб, все равно больше никто этого не сделает.

Почему-то легко представилось, как эта термоядерная самонаводящаяся ракета может его заставить. Вообще что угодно сделать. Худенькая, стройненькая, таких в мужских журналах только на ню-разворотах печатают. Но отчего-то очень легко представилось, как она нежно берет его за руку и с хрустом ломает об колено все кости. Это у него от недосыпа фантазия разыгралась, конечно, но прикасаться к девике и пытаться вышвырнуть из квартиры силой все еще не хотелось.

— Мне на работу надо! — Коля в отчаянии указал на полотенце вокруг бедер. — Уволят, если опять опоздаю!

Она очень внимательно осмотрела его полотенце — так внимательно, что будь Николай в другом эмоциональном состоянии, то начало бы подавать признаки потусторонней жизни.

Сейчас ему было не до того, но девичка в разглядываниях не стеснялась. Затем снова посмотрела в глаза и слегка нахмурилась:

— О какой работе вы говорите, господин? У вас есть только одна работа — украшать мир своим существованием.

Последний комплимент тоже не имел успеха в поднятии настроения. Коля ответил раздраженно:

— Какие прекрасные перспективы! А пока я работаю на чужого дядечку, который мне платит зарплатушечку, которую я трачу на таких... нет, на таких, как ты, я сроду ни копейки не тратил!

— Вы... — она сделала длинную паузу, которая могла означать крайнюю форму замешательства. — Вы... работаете на кого-то, господин?

Сказано это было так, словно Николай только что признался в каком-то лютотом извращении типа «да, я за деньги сплю со всеми работодателями города, потом облизываю их с ног до головы, получаю свой доход и уставший, с мозолями на языке возвращаюсь домой». Потому, не придумав иного ответа, Коля просто развел руками. За чем последовало немислимое — девица вдруг рухнула перед ним на одно колено и склонила голову.

— Укажите мне этого недостойного, повелитель. Клянусь, он не доживет до конца следующего дня, я вырежу все его потомство, чтобы даже капли недостойной крови не ушло в наследие.

Николай отшатнулся. Выдохнул. И сказал теперь куда спокойнее — все-таки спорные хобби в нем хоть какую-то сопротивляемость к психологическим атакам выработали.

— Как тебя зовут? — спросил он. — Не то чтобы мне это было интересно, но давай уже хоть что-то умное говорить начнем.

Она встала, снова вытянулась в струну.

— Тринадцатая, господин.

— Отлично, — Коля решил теперь вообще ничему не удивляться и продолжил, уже привычно складывая руки на груди. — Умные разговоры, видимо, пока придется отложить. А по отчеству как?

— Я не понимаю вашего вопроса, простите.

— Тоже отлично. Видишь, как у нас отлично получается друг друга понимать? Сам радуюсь! Так вот, Тринадцатая, никого вырезать сегодня не надо. Шеф мой совсем немного идиот, но ровно в той степени, в которой полагается шефу. Окей?

— Как прикажете, господин.

— Вообще замечательно! — непонятно чему восторгался Коля. — Но работа мне нужна, потому сейчас я оденусь, а потом поеду туда. Ты же в это время можешь... не знаю даже. Домой к себе сходить. Таблетки принять, например. Хороший план, нравится?

— Я не вправе давать оценку тому, что вы говорите, господин. Потому не могу сказать, нравится мне или нет.

— Великолепно! Тогда я пошел одеваться, а ты...

— Я могу помочь вам с облачением, господин.

— Я уж как-нибудь сам! — на всякий случай и уже рефлекторно испугался Коля. — Кстати, а почему «господин»? А не какой-нибудь «верховный главнокомандующий» или «мой властный хозяин»?

— Как скажете, мой властный хозяин.

Коля подавился смешком.

— Слушай, кукла резиновая, а давай устроим жесткую сессию? Поиграем в твою игру, и никаких «стоп-слов»! Я сейчас пойду туда одеваться, — он указал на спальню. — А ты выходишь за дверь и идешь. Так идешь, идешь, идешь, пока не придешь.

— Куда?

— К себе домой. Или куда хочешь. Я — хозяин, вот такая моя сексуальная фантазия преследует, чтобы ты шла, шла, шла. Все поняла?

Она кивнула. Бегло глянув на часы, Николай поспешил в спальню, не зная, может ли рассчитывать на успех своей задумки. Но время действительно уже поджिमало, в крайнем случае выйдут в одну дверь и уже на ходу будут решать, в насколько разные стороны расходиться. Однако едва он скинул полотенце, как снова подскочил на месте от тихого голоса прямо за спиной.

— Я уже объясняла, мой властный хозяин, что не могу так поступить, пока не исполню свою задачу. Вы, должно быть, посчитали меня глупой. Но шорсир не бывают глупы.

Он, забыв о наготe, повернулся, уже готовый впервые в жизни ударить женщину — вот прямо кулаком и прямо в лицо. Она же продолжала спокойно, будто не видела его злости:

— Я взываю о пощаде, повелитель. Вынуждена признать, что бывают случаи, когда это не стыдно. Я взываю к вашему милосердию. Все мое нутро сейчас рвется на части: я хочу слепо исполнять любой ваш приказ, но обязана поступать иначе. Шорсир вынесет любое испытание, но это оказалось слишком трудным. Лучше попробуйте, возьмите нож и разрежьте меня на части, но не оставляйте перед этой дилеммой.

— Я тут голый стою! — Коля сегодня удивлялся бессмысленности собственных реплик.

— Я вижу.

— Выйди!

— Как прикажете.

Она покинула комнату, но уже не оставила надежды, что выйдет хотя бы в подъезд. Николай спешно натягивал рубашку, нервно застегивал пуговицы на пиджаке и скрипел зубами. Видит она, надо же! До чего молодежь дошла, что даже антиморалистов в ступор вгоняет!

Так и продолжая скрипеть зубами, он уже молча вышел в прихожую, схватил ключи от машины, открыл дверь и выжидательно посмотрел на свою неприятную гостью. Девушка безропотно последовала за ним. Так же молча он вышел из подъезда и дошел до гаража, выгнал свою не очень-то свеженькую машину, взятую в кредит, плюнул на распахнутые ворота и ударил по газам, пока синюшное чудище не успело опомниться.

Сначала с удовольствием наблюдал в зеркало заднего вида замершую на обочине фигурку. А потом с ужасом рассматривал, как та чуть склоняет корпус, сгибает локти и начинает бежать следом, уверенно сокращая расстояние. Он прибавил скорости — и она все равно сокращала расстояние! С заносом повернул на улицу и вынужден был ударить по тормозам: городское движение не позволяло свободно маневрировать. А впереди еще и светофор нагло и издевательски заискрился красным. Коля бы плюнул на это, если бы по дороге не шел сплошной поток машин, вклиниться в который не представлялось возможным.

Девушка уже настигла его и дернула за ручку задней двери. Конечно, не открыла, замки водитель успел запереть. Так она вынула откуда-то из-за пояса кинжал — показалось, что оружие даже мелькнуло синим свечением — и наклонилась, что-то там разглядывая и ковыряясь. Красный даже не успел смениться зеленым, как дверь вдруг открылась и впустила ее внутрь. Девушка села, поджав ноги, и принялась. Потом повернула голову к распахнувшейся двери, протянула руку и резко захлопнула.

Дальше Николай ехал очень медленно, как самый осторожный пенсионер на всем белом свете. Ему даже сзади сигналили, дескать, ничего страшного, если он увеличит скорость до четырех километров в час. Коля не увеличивал — ехал себе, осторожность еще никому не повредила. И, конечно, молчал. А что тут говорить? За дорогой надо следить — какие раздражительные все вокруг. Зато до офиса добрался живым, почти здоровым и с большим опозданием. Так же неспешно выключил зажигание, еще медленнее повернулся к девушке, но все равно вздрогнул, как будто подсознательно мечтал, что ее там не окажется, и только после сказал — так спокойно, чтобы даже воздух не колыхнулся ненужным напряжением:

— У меня сейчас дела, я должен идти.

— Я могу пойти с вами, господин.

— Не можешь, — так же ласково тянул Коля. — Не потому что ты странная, а потому что дико странная. Со мной потом не то что работать — разговаривать никто не станет. Потому я пойду один? — последнее прозвучало жалобным вопросом.

— Хорошо, я подожду вас здесь.

— Я вернусь только вечером.

— Хорошо, я подожду вас здесь, — точно тем же тоном отозвалось это исчадие худших кошмаров.

— Задохнешься, — почти с надеждой предсказал Коля. — Лучше выйди наружу.

— Как прикажете. Я подожду. А вечером мы поговорим.

И она выскользнула на свежий воздух. Коля, не оглядываясь, пошел в офис — сначала так же заторможенно, едва переставляя ноги, а потом все быстрее, на крыльцо он уже влетал, боясь оглянуться и увидеть на парковке экранизацию «Терминатора» с Тринадцатой пурхир, или как там ее, в роли Арнольда Шварценеггера.

Глава 3

Уже по началу можно было догадаться, что день не задался. Николай не догадался, а иначе вместо офиса летел бы в поликлинику — снова тормозить знакомого терапевта на предмет больничного. Обычно такая услуга обходилась недешево, потому Николай вспоминал о ней только в самых крайних случаях — например, когда в рабочий день просыпался уже после обеда. На этот раз ситуация не выглядела настолько пропашей, вот он и не подумал, как если бы все остальные события прошли мимо его сознания и не орали в полную глотку, что вот как раз сегодня лучше бы вообще ничем не рисковать.

На его появление в огромном кабинете никто внимания не обратил, коллеги были заняты работой. Николай, уже перестроившись на привычную зевоту, зашагал к своему столу... и был окликнут голосом, который никогда ни о чем хорошем не говорил.

— Радужкин, в мой кабинет, будьте добры.

Николаю пришлось быть добрым и последовать распоряжению.

— Здравствуйте, Виталий Игоревич.

— Здравствуй, — ответил шеф, усаживаясь за стол. — Итак, это последняя капля, дорогой Коля.

— Где? — тот делано удивился.

— А ты садись, садись, — совсем уж добродушно предложил директор. — Когда еще тебе придется здесь посидеть? Чует мое сердце, это последний раз.

— Увольняете? — почти равнодушно поинтересовался Николай.

— Угу. А сколько еще терпеть? Уходишь, когда хочешь, приходишь, когда хочешь, и это в те дни, когда не на больничном. Не напомнишь, с какого перепуга я вообще тебе последних сто шансов давал?

Виталий Игоревич даже раздраженным не выглядел — он просто констатировал факты. И решение уже принято, окончательное и бесповоротное, потому и злиться ни к чему. Николай тоже смысла раздражаться не увидел:

— Потому что я любого клиента могу уболтать до покупки абонемента?

— А, ну да, этого не отнимешь — врешь как дышишь, мы иногда всем офисом заслушивались.

Последнее вообще хорошо зашло: «Супер-Ай-Ти давно работают на иностранное правительство и передают все данные с любых электронных устройств вашего дома, включая микроволновку, по своим шпионским каналам. Вы точно уверены, что хотите участвовать и платить этим нелюдям? Всего лишь из-за нашей небольшой технической неполадки, серьезно?» — Виталий Игоревич усмехнулся в сторону, почти дословно припоминая, а затем продолжил: — Но, Николай, к сожалению, для этого надо бы почаще на работе бывать и не отсыпаться на диванчике в банкетном зале, перебрасывая звонки на коллег. Я вообще удивлен, что ты так долго продержался. Без обид, но такие скользкие типы редко долго остаются на приличной работе.

— Без обид, — поддакнул Коля. — Только приличная работа должна коррелировать с приличной зарплатой.

Виталий Игоревич поморщился, но все еще не хотел злиться:

— Приличная зарплата, Николай, светит только тем, кто прилично работает! Захотел бы — давно бы начальником отдела стал! А то и филиала.

— Ага. У начотделов зарплата выше на двадцать пять процентов, а геморроя больше на сорок, увольте от такой сказки.

— Так я и увольняю! — раздражение шефа, несмотря на все его усилия, все-таки просочилось в голос.

С тяжелым вздохом Николай поднялся на ноги и уточнил:

— Прям совсем-совсем увольняете? Или просто в отпуск, только не знаете, как об этом сказать, чтобы не выглядеть великодушным?

— Увольняю! Слышал? У-воль-ня-ю!

— И даже двухнедельной отработки не потребуете? Как-то жестоко это, не по-человечески.

— А толку с твоей отработки?! — теперь босс уже заорал. — Если ты даже в штате не особо-то работал! В понедельник явишься за расчетом, и чтобы больше глаза мои тебя не видели!

— Ну вот. А говорили без обид, — заметил Николай и покинул кабинет, пока истероид не начал еще и дыроколами швыряться в доказательство своей неправоты.

Он не особенно любил свою работу, но такого короткого рабочего дня еще не случалось. Николай вышел на улицу, глянул на машину, за которую еще не выплатил кредит, девицу рядом, которая устрасала сильнее любых коллекторов, и понуро поплелся к скамье. Сел, сцепил руки в замок и уставился в землю, решая, что делать целый остаток такого внезапно освободившегося дня.

Девица не медлила, тихо подкралась и села рядом, чем вызвала у него прилив ярости. Если уж совсем начистоту, то в увольнении ее вины нет. Ну, сегодня она немного помогла, спровоцировала, но Николай был с собой честным: не сегодня, так завтра бы уволили. Все предыдущие капли на темечко Виталию Игоревичу накопились задолго до появления страшилища в его жизни. Николай все это понимал, но и выход злости нашел:

— Из-за тебя меня уволили! Слышала? Из-за тебя!

Она ответила тихо и сухо:

— Мне не вполне понятен смысл этого слова, господин. Хоасси, конечно, магически включил в мой разум все общеупотребимые в этом мире термины, но некоторые нуждаются в дополнительном пояснении — он предупреждал. Если нет аналогов, которые разум мог бы принять, то слово так и остается просто набором звуков. Что скрывается за «уволители»?

— Выгнали! Больше у меня нет работы, а значит, и зарплаты! Денег нет, теперь ясно?

— Почти, — отозвалась она. — Но работать и зависеть от чьего-то решения — это все равно не ваш уровень, господин. Я скрою ото всех сей прискорбный факт в вашей биографии, можете не волноваться.

Николай успел настолько испсиховаться, что эмоции уже сами переутомились и начали отступать. Теперь он даже улыбался, глядя на профиль девицы. А че не улыбаться, если вместе в дурку и пойдут? Ведь он сам видел, с какой скоростью та неслась по дороге за машиной! И странное свечение видел. Так вместе в дурке, может, повеселее будет?

— Слушай, ты действительно думаешь, что я волнуюсь из-за этого? На картах не всегда получается куш поднять, а у меня кредит! Коммуналка, чтоб ее. Бензин, в конце-то концов. И есть иногда нужно.

— После того как мы осуществим переход, вам не придется волноваться о таких мелочах, мой властный хозяин.

— Да не называй меня так! Это был стёб. По имени зови, раз уж все равно прицепилась. А то услышит кто твоего «лорда» или «хозяина», со смеху помрет.

— Пусть мрет, если ему подобное смешно. Могу и помочь, если недостаточно быстро помирать будет. У меня не тот статус, чтобы называть вас по имени, господин.

— А вот ты возьми и зови! Приказ такой, ясно?

Она слотнула, помолчала пару секунд, потом кивнула.

— Хорошо. На все воля ваша... Киан.

— Коля, ехарный бабай, — Николай принялся истерически смеяться. — Меня зовут Коля!

— Вы приказали звать вас по имени, Киан. Ваша матушка зачем-то ввела вас в заблуждение. Если бы она уже не упокоилась, то за такое преступление против вашей личности я бы упокоила ее сама.

Николай уже вообще отпустил напряжение — а зачем напрягаться, если вокруг уже такая свистопляска, с которой не сладить?

— Офигительно! Новая подружка хотела бы убить мою упокоившуюся маму. Офигительно, какие интересные дни настали! Черт с тобой, зови как хочешь. Только давай на ты. Ее глаза слегка округлились. Красивые, надо сказать, глаза, но какие-то холодные, неэмоциональные и этим создающие ощущение неосознанного ужаса.

— На ты? — еще тише переспросила она. — Но мой статус...

— На ты, — отрезал Коля. — Тоже приказ, если ты по-хорошему не понимаешь.

— Как скажешь, Киан, — она будто давила из себя эти слова. — Возможно, дурное воспитание твоей матушки и этого мира так сказались. В любом случае все будет так, как ты захочешь. Если бы все было так, как он хотел, эта девица навеки исчезла бы прямо в клубе, а шеф сегодня ему зарплату в четыре раза повысил. Она такую чушь городит, что последняя чушь даже не самой бредовой воспринимается.

— Так, хоть с этим разобрались. А у тебя какое имя?

— Тринадцатая, Киан. Смело напомнить, что уже приносила его трижды.

— Произнесешь и четырежды, пока я окончательно тему не впилю. То есть нормального имени нет?

— Я не понимаю твоего вопроса.

— Ла-а-адно, — протянул Коля. — Тогда буду звать тебя Трина. Это хоть как-то звучит. Сойдет?

— Как вам... тебе будет угодно.

— Замечательно, Трина. Предлагаю пойти куда-нибудь и смочить мозги кофеином. — Он встал. Трина плавно перетекла из сидячего положения в стоячее. Николай решил и на этом не заикливаться, разум пожалеть. — Идем тратить последние копейки, а завтра с утра начну шерстить объявления. Ты голодная?

Она шла рядом, не опережая и не отставая. Ответила после долгой паузы:

— Вынуждена признаться и в этом. После перехода мне удалось немного насытиться, но с тех пор прошло несколько дней. Я уже ощущаю, что слабею.

— Не понял. Ты не ела несколько дней? Ты бессмертная, что ли?

— Нет, конечно, — она отвечала так же монотонно. — Влагу я нашла на утренних листьях, здесь ее избыточно много.

— Как, прости, много? — ему становилось все смешнее.

— Избыточно. Невозможно пропасть даже полному локкарту. Но пищу я опасалась добывать самостоятельно без твоего распоряжения. Хотела сначала поговорить, а потом уже принимать решения в чуждом мире. Вот потому ела только после перехода.

— И что же ты ела? — Николай решил уделять внимание каждой веселой мелочи, чтобы входить в беседу как-нибудь постепенно.

— Животное под названием «кошка». Поймала, выпотрошила, прожарила на костре и съела.

— Ты съела кошку? — веселиться расхотелось.

— Нет, неправильно выразилась. Одного из ее потомков. Выбрала того, что был крупнее.

Николай вообще остановился и уставился на нее, Трина тоже замерла.

— Ты съела котенка?! — на этот раз он почти крикнул от возмущения.

Трина вытянулась еще сильнее.

— Это здесь преступление? Тогда прошу простить за незнание.

— То есть... ты взяла маленького, хорошенького котенка, выпотрошила, зажарила и съела?!

— Примерно так, — она и глазом не моргнула, просто заметно напряглась.

— Да знаешь, как у нас таких называют? Живодерами! Это ж каким надо быть извергом, чтобы котенка...

— Повторяю, я не знала, что это священное животное. Но я услышала похвалу, благодарю.

— За что?!

— Ты назвал меня живодером и извергом. В моем возрасте такие приятные слова редко кто слышит, а уж от самого наследного лорда, вероятно, ни одна из шорсир.

— А-а, — зачем-то ответил Николай вместо всех аргументов.

И спешно пошел в кафе, пока эта жуть не начала прямо на его глазах пожирать все самое мимимишное, чем славится этот мир.

Глава 4

Насытившись тремя кусками пиццы, Трина начала говорить. Право слово, лучше бы она всю пиццу съела, чем такое нести. Хотя поначалу было интересно.

Николай слушал внимательно, не перебивал. Он вообще был большим любителем научной фантастики с уклоном в триллеры, потому и этой историей заинтересовался. А девица лила — так вдохновенно лила, будто ей за каждый крышесносный поворот в сценарии отдельно платили. О том, что она стала последней шорсир при отце Николая, когда на какой-то там войне с захватчиками погибла ее предшественница. А отец Николая, на минуточку, черный лорд, в той войне и был захватчиком. Интересная тема, это как в РПГ за фашистов играть прикола ради, но всерьез это, конечно, не воспринимать. Вот Николай рот с глазами все шире распахивал, представлял и заливать дальше не мешал.

Именно последнюю, самую молодую и еще не совсем психикой двинутую шорсир и выбрали для этой миссии. Она, в отличие от коллег по цеху, на бывшего правителя горбатилась немного времени, то есть скорбь ее была не столь глубокой, как у тех, кто проникся обожанием к Тарию до самых костей. Ее, наименее привыкшую обожать лишь одного человека, шансов перенастроить было больше. После этого душещипательного момента она подалась вперед и добавила немного другим тоном:

— О верности шорсир слагают легенды, Киан. Но если позволишь, я дам совет, возьми себе и двенадцать моих сестер после воцарения. Со временем ты сможешь постепенно заменить нас. Но допустишь ошибку, если неверишь нам свою безопасность.

— Еще двенадцать таких же, как ты? — усмехнулся Николай. — Нет, для меня это слишком.

— Не таких же. Мы все разные. А похожи только преданностью господину. Мы всегда будем рядом — в любых твоих пороках и прихотях, в любых начинаниях и страстях, в сиюминутных порывах и долгосрочных стратегиях. Всегда. Все мы.

— Контрольный в голову, честное слово. А откуда вы вообще беретесь, шорсирши-страстные-киллеры?

— Это знание не является тайной, но сейчас я предпочла бы закончить основное, пока ты слушаешь.

Николай махнул рукой, разрешая продолжать. Ну, она и не стала себе отказывать в удовольствии:

— Нет судьбы лучше, чем выпавшая тебе, Киан. Нужно только пойти и взять ее, присвоить и подчинить, как это тысячи лет делали твои предки. Как вправе поступать черные лорды со всем, что существует в мирах, если им только этого захочется. Твоя империя прекрасна: черные скалы, кровавое море, вечно полная и недвижимая луна, долины, горы, реки, необъятные равнины, усеянные костями...

— Да ты просто поэтесса! — похвалил Коля. — Так вкусно все расписала, что сразу захотелось никогда не видеть. Продолжай!

— И даже самые старшие шорсир смогут справиться со своей скорбью ради тебя — ведь ты законный претендент, второй в строчке престолонаследия.

— Второй? — еще сильнее веселился Коля. — А первого, как я понимаю, такая жизнь уже dokonала?

— К сожалению, да. Он промедлил с выбором своих шорсир, но так обычно и поступают новые правители. Однако в данном случае это стоило ему жизни — господин положился на свою мощь, но враги оказались сильнее. Если ты будешь мудр, на твоей стороне окажемся все мы. Сложно представить себе врага, способного справиться с такой защитой. Иди со мной, Киан из династии Кордов, и я покажу тебе дорогу к славе.

Николай уже заметил, как посетители и официанты искоса поглядывают на странную визитершу в дичайшем прикиде. Пусть что хотят, то и думают. У него тут куда больше поводов для размышлений:

— Коней осади, Трина. Во-первых, я никуда с тобой не пойду. Во-вторых, я тебе не верю. В-третьих, даже если бы поверил, то уж точно не согласился бы на такую роль. Переходите к следующей строчке престолонаследия. Как я понял, мой папаша успел оставить такую толпу — выбирай не хочю.

— Уже пытались. Третий наследник был убит вскоре после первого. Его шорсир и не стали бы защищать, поскольку для нас порядок, установленный твоим отцом, священен.

— Красота какая! — Коля, так всерьез ничего и не принимающий, уже в голос смеялся. — С каждой фразой все заманчивее. Но мне и здесь хорошо, представляешь? Прямо преотлично мне здесь. А там я что буду делать, в этом твоём аду? Ну, все те три дня, пока меня не пришьют.

— Как что? — она слегка нахмурилась. — Наслаждаться жизнью, пороками, побеждать воинов света, пытаться в казематах пленных или кого пожелаешь...

— Я едва держусь, чтобы не сорваться с места, — Коля уже начал уставать от обилия бреда. — Ты на меня посмотри — я хороший человек! Прекрасный! Человечище! Ты на полном серьезе думаешь, что я мечтаю кого-то там пытаться сутки напролет от безделья?

— Ну... — она сделала паузу, которая всегда возникала в ее фразах при сильном замешательстве. — Не будешь пытаться, если не хочешь. Никто тебе не указ.

— Нет, — твердо сказал Коля. — Никто мне не указ, а на такую жизнь подписался бы только сумасшедший маньяк. Это если на секунду представить, что ты сама не такая. На этом все, переговоры зашли в счастливый тупик и считаются оконченными. Тебе это... есть куда пойти?

— Конечно. К воротам. Но открыть сможешь их только ты — по праву своей крови.

— Я имел в виду, есть тебе куда пойти, чтобы я тебя больше не видел?

— Это невозможно, Киан, я уже говорила. Я вынуждена пойти за тобой. А если оставишь охранять замок, стану охранять. Но никуда не уйду без тебя.

— Охранять замок... — Коля почесал подбородок. — То есть соседей пугать. А родные у тебя какие-нибудь есть?

— У шорсир нет родных.

— Знакомые?

— В этом мире только ты.

— Хм... А где эти твои ворота находятся? — Николай спешно выстраивал в уме другой план.

— В трех днях пешего пути. Я смогу найти. Там вокруг лес, а твое положение сначала указал знак утренней звезды, потом я уже ориентировалась на интуицию или запах.

— Понятно. Тогда мы, может, доедем туда? Открою тебе эти ворота, и ты вжух — улетишь в свою империю.

— В твою империю.

— А да, постоянно забываю. Вжух — и улетишь в мою империю. Я ворота-то открыть смогу? — Коля решил изобразить там целое шоу, типа вот, он пытался, но ничего не вышло по причине отсутствия самих ворот и здравого смысла.

— Безусловно. Это суть твоей магии.

— А-а! Так у меня еще и магия есть?

— Безусловно. Просто в этом мире действуют другие законы, они сильно подавляют любые ее проявления. На родине ты станешь одним из сильнейших магов. Ближе всего по способностям к тебе будут стоять только обладатели той же черной крови. Сильнее тебя в империи только советники хоасси, но на этот счет можешь не беспокоиться — они служат престолу, а значит, любому, кто занимает его по праву. Они не подчиняются лорду, они его разум и баланс, но никогда не причинят зла истинному злу.

— Да какое я зло? — Колю уже пугала эта формулировка. — Я хороший человек! Образец порядочности, если интересно!

— Это я вижу. И ничего не могу с этим поделать. Но готова некоторое время ждать твоего решения. Только не гони.

— А что мне с тобой делать?

— Оставить при себе.

— Ну конечно, самое нормальное решение. Ладно, пойдем уже домой. Думаю, для начала тебя нужно одеть во что-то приличное. А потом, может, ты и домашний адрес вспомнишь. Трина не улыбнулась и никак не показала своей радости, но Николай почти явственно ощутил ее облегченный выдох. Даже интересно, как долго она собирается играть в эту немислимую игру?

Войдя в квартиру и скинув пиджак, Коля схватил сотовый. Тратить деньги на обновления для посторонней ему очень не хотелось, потому он решил прибегнуть к помощи многочисленных подруг, коих в списке контактов насчитывалось достаточно. Чаще всего он и номера не сохранял, потому в этом лонг-листе были только лучшие из лучших.

— Оленька, душа моя! Прости, я не звонил...

— Вот и не звони больше!

И бросила трубку. Николай попытался еще несколько раз по другим номерам. Немного удивился тому, какими дамы бывают обидчивыми. Ну и что с того, что зависли, а потом он пропал надолго? Зависали-то весело и взаимоприятно!

Через некоторое время он сменил стратегию:

— Танюша! Не бросай трубку! У меня тут... никак без твоей помощи не обойдусь, понимаешь? Ко мне сестра из Пензы приехала, а одежду с собой не прихватила...

— Ну да, сестра! Голая! Не звони мне больше, братишка!

Противная какая Танюша попалась. Коля покосился на гостью, которая недвижимо сидела возле окна, вздохнул и набрал новый номер.

— Привет, Петюнь, как жизнь?

— Работаю, — приятель зевнул. — Ты чего в такое время звонишь?
— Да так. Уволили меня. Вот, переживаю сиюю.
— А мы со Славиком ставки делали, когда тебя вышвырнут. Опять он победил, гаденыш удачливый... Ладно, звонишь-то чего? Денег занять? Ни за что. Тебе занимать — себя не уважать.
— Да не нужны мне твои деньги! — праведно восхитился Николай рациональности друга. — Кстати, а в твоей фирме вакансий нет?
— Может, и есть, — поразмыслив, ответил Петюня. — Но я здесь на хорошем счету. Настолько хорошо, что некоторыми знакомствами кичиться не стану. Ты дружбу с работой не мешай.
— Ничего себе, и ты в меня не веришь? — Коля изобразил потрясение, хотя другого ответа и не ждал. — Никто в меня не верит!
— Я в тебя верю, — отозвалась Трина от окна.
Петюня услышал и хмыкнул:
— А это кто там? Уволили — и ты сразу побежал стресс снимать? Уважаю!
— Да нет. Это соседка забежала... яйца попросить.
— Ну, тогда не буду отвлекать. Выдай соседке яйца. А субботний вечер не занимай — мне тут про заведение напели, там лохи в покер кидаются. Любители, ставки крохотные, но мы будем не мы, если пройдем мимо беспризорных лохов.
— Хоть одна отличная новость за сегодня! — обрадовался Николай. — Скинь адрес.
— Ну да, шас. Вместе пойдем. А то знаю я тебя, безработного, сейчас один рванешь, мне ни одного теплого лоха не останется. До субботы, дружище!
— До субботы.

Николай поймал себя на блуждающей улыбке. В картах ему обычно очень везло, а когда за столом одни любители — везение росло в геометрической прогрессии. И не беда, что ставки невелики: азартные новички очень легко ведутся на провокации и забывают о том, сколько могут позволить себе проиграть. Главное в такого вида деятельности — вовремя свалить, пока лохи не начали чувствовать себя лохами.

Он нехотя глянул на девицу, развернувшуюся профилем. Надо же, придумала назначить порядочного человека императором зла! И мама у Николая была очень хорошим человеком, она только грустила часто, но была слишком мягкосердечной и всепрощающей. А об отце Коли вспоминала всегда вскользь и лишь в контексте «не сказала бы наследственность». Не сказала, напрасно мама переживала, все идет прекрасно, положительным героем вырос Николай — вон, даже не поддался тщеславию, когда ему плюшек в виде гор скелетов наобещали! Больше он о папаше ничего не знал, а Трине верить пока готов не был, потому и не спрашивал. Лучше уж считать отца ублюдком, бросившим женщину с ребенком, чем ублюдком вселенского масштаба, повергающим в ужас целые миры.

Глава 5

Николай оставил в стороне затею добыть шмотки халявным способом и направился к шкафу. В ворохе одежды кое-как отыскал древний спортивный костюм, порадовался, что редко наводит порядок и только потому его не выкинул. Подошел к шорсир и великодушно произнес:

— Держи, от сердца отрываю. Дуй в душ и переоденься. Даже в моих трениках ты будешь выглядеть не так вопиюще, как в своем... как это называется?

Трина проследила за направлением его взгляда и снова подняла голову.

— Мой наряд называется наряд, Киан. Униформа.

— А, точно, униформа, а не какой-нибудь там шортук с колготами или пшырнывальсе, что в переводе с вашего языка должно означать «упади замертво всяк, кто узрел». Униформа же!

— Именно так, Киан. Она способна защитить от арбалетного болта и магического огня, выполнена из кожи редких рептилий туинарре, что обитают...

Коля перебил:

— Ну, тепер все в порядке. Короче, снимай туинаррскую униформу и айда в ванную. Сделаем из тебя подобие человека, а не рептилии. Стоп, стоп, не здесь раздевайся! Совсем стыда нет?

Она только успела отстегнуть от пояса кожух с ножом и глянула на него:

— Перед вами? Нет, конечно.

Николая запоздало догнала мысль, которая до сих пор крутилась где-то на подкорке сознания:

— Постой-ка. А если я прикажу раздеться, лечь на вон ту кровать и ублажать меня до послезавтрашнего утра?

— Я исполню приказ своего хозяина.

— Прико-ольно. То есть у меня появилась карманная наложница? — Николай вынырнул из странной фантазии и подскочил на месте. — Погоди. То есть ты и с моим отцом?... Фу-у! Неприкольно!

Ее глаза слегка сузились.

— О чем ты говоришь, Киан? Разумеется, я ни разу не была женщиной лорда Тария, иначе не стояла бы здесь.

— Поясни, — совсем растерялся Коля.

— Шорсир выполнит любое желание своего лорда. Даже позволит стать ее мужчиной. После удалится и перережет себе горло. Ведь это показатель — если черный лорд думает, что шорсир годна быть лишь утехой, наподобие тысяч его женщин, то это плохая шорсир. Не лучшая из лучших, а лишь тело с промежностью, ничем не отличающееся от остальных для своего лорда.

— Во как, — обескураженно отозвался Николай. — С ума сойти от этих ваших распорядков. Спасибо, что сейчас сказала, а не когда я тебя наутро с перерезанным горлом обнаружил. Но разве не ты говорила, что шорсир участвуют во всех лордовских страстях?

— Участвуют, если он захочет, но не становятся его женщинами, если хозяин доволен своей шорсир и не хочет от нее избавиться.

— Во как, — повторил Коля, хотя понимал теперь еще меньше. — Прошу прощения за бестактность, а ты случайно не девственница?

— Кажется, ты хочешь меня обидеть, Киан.

— Не понял ответа. Это да или нет?

— Ни один мужчина, кроме моего лорда, не имеет права даже думать обо мне. Лорд может — он может все.

— Но только один разочек?

— Именно так.

Коля засмеялся:

— Наконец-то я понял устройство вашего мира, Трина! Там развлекается только один человек, а все остальные или не развлекаются, или его обслуживают, или глотки себе режут, если случайно развлеклись. Все верно?

— Не все. «Моего» мира, а не «вашего». В остальном почти верно.

— Красотенюшка! — сделал Николай единственный разумный вывод. — Все, все, идем, я покажу, как пользоваться душем.

Спровадив на водные процедуры гостью, которая оказалась весьма сообразительной и быстро ориентировалась в любых новых «механизмах», Коля крепко задумался. А ведь он уже почти перестроился — говорит с ней так, словно уже включился в ее правду. Мол, «вот эту фиговину поверни, если нужно будет погорячее» объясняют только тогда, когда признают уже на уровне осознания, что объяснить нужно. Это что же получается, он теперь тоже спятивший безумец, раз начал всерьез считать ее пришлицей из другого измерения?

Медленно подошел к дивану, где Трина оставила пояс, взял кожух и медленно вытащил за рукоять нож — совсем небольшой, лезвие сантиметров двадцать. Оно издавало слабое свечение. Уже ощущая холодный пот на спине, Коля осторожно дотронулся пальцем до лезвия и ничего не ощутил: ни жара, ни холода. Но свечение осталось! Провел лезвием по воздуху, после чего голубое пламя вспыхнуло ярче, оставляя след по траектории. Парень в ужасе бросил оружие на диван, не в силах заставить себя впихнуть его обратно в ножны и сделать как было. Отступил на пару шагов, но взгляда от ножа оторвать не мог. Он светится! А когда двигается в пространстве, разгорается еще сильнее. Это фокус какой-то? Или все-таки магия? Никакие из бредовых объяснений так быстро не погружают в веру, как единственное наглядное доказательство. Так он и стоял, пока за спиной не раздался голос Трины. Она даже двери открывать и закрывать умеет бесшумно?

— Я переоделась, как ты велел, Киан. Но должна сразу признать, что эта одежда менее удобна — в случае опасности я могу действовать не на пределе возможностей.

Он медленно повернулся. Девушка с мокрыми волосами и в старом спортивном костюме на несколько размеров больше выглядела самой обычной девчонкой — очень симпатичной, лет двадцати на вид, немного суровой, как если бы у нее просто было плохое настроение. И это вот все — все остальное — не вязалось!

— Я трогал твой нож, — зачем-то признался он, хотя преступление и не требовало улики. Она же вообще никак не отреагировала, просто ожидая продолжения. — Это какой-то странный нож.

— Одно из многочисленных оружий шорсир, — ответила она равнодушно. — Хоасси сказал, что в этот мир лучше не брать длинных мечей и копий, потому я выбрала нож.

И правда, все же понятно! Николай ощутил раздражение:

— Но он светится!

— Да. Магия в этом мире сильно заглушена, но не полностью. Тьма и здесь проявляется, хотя вряд ли так разит врага, как дома.

— Тьма?! Я его трогал! — испугался он.

Трина — обескуражив его окончательно — вдруг улыбнулась. Не то чтобы широко и приветливо, просто уголки ее губ чуть растянулись, а это на фоне предыдущих эмоций выглядело огромным прогрессом. И ответила, как будто добрая мамаша глупому карапузу:

— Тебе не может повредить тьма, Киан. Ты и есть тьма.

И все, парень окончательно устал. Ну сколько можно хохотать над происходящим? Да невозможно легко относиться ко всему этому безумному дню, он еще долго продержался!

— Да какая я тьма? — взывал теперь к ней, как к единственному, способному понять. — Какое из меня зло, Трина? Я же хороший человек!

Она отвела взгляд и задумалась. Затем ответила медленно, будто подбирала слова:

— Ты действительно хороший человек по меркам своего мира. Но по меркам этого мира разве ты не зло? Я смотрела, слушала и анализировала. Женщины на тебя обижены, друзья тебе не доверяют, даже то недостойное существо, на которое ты работал, предпочло от тебя избавиться. Поправь, если я ошибаюсь, но не считают ли тебя все вокруг скользким мерзавцем?

— Что?! — возмутился Николай. — Меня даже зло считает недостаточно хорошим? Ну, приехали...

— Нет. До черного лорда тебе еще придется расти. Но это общество ты давно оставил позади. К нашему взаимному прискорбию, ты оказался промежуточным звеном между добром и злом. Но, называя себя исключительно хорошим, лукавишь.

Так Николая со школы не отчитывали, когда он влез в учительскую и вытащил оттуда ответы к контрольной по физике. А хитрые учителя, как оказалось, специально допустили в листе ошибку, чтобы выяснить — кто ж это два года подряд в учительской замок ломает. И совсем как тогда ему стало бесконечно одиноко и совсем не стыдно.

— Ну и ладно, — обиженно пресек он все дальнейшие дебаты. — Только я расти до зла не хочу, даже если и не идеален. Да в этом же мире вы найдете миллиард человек похуже меня! — он расхохотался, припоминания стенания мамы. — И давай уж признаем — при моей наследственности я вообще мог отморозком уродиться, но за всю жизнь никого не убил, не изнасиловал и не ограбил. Обманывал только... ну так некоторые просто просят быть обманутыми. И котят я не жрал, в отличие от некоторых! А это возвышает меня над всем злом до уровня ангела.

Упрямица же зачем-то парировала:

— Или ты просто оказался достаточно умен, чтобы жить по правилам этого мира? Возможно, Киан, в других обстоятельствах ты раскрыл бы свои способности, а здесь даешь выход только тем, которые тебе помогают и не мешают?

— Да отстань ты уже! Забирай это свое шмотье из кожи единорога и вали к воротам. Сообщи бедным хоасси, что я безнадежен! И все, черный лорд капут! Обещаю, не буду о тебе вспоминать в эротических фантазиях.

— Это невозможно, даже если бы я забыла о своей миссии, Киан. Я не смогу открыть ворота — у меня нет магии такой силы.

Николай развел руками и признался честно в том, что теперь его беспокоило:

— А я боюсь теперь идти к этим твоим воротам! Боюсь, поняла? Потому что начал верить! А вдруг вся эта ахиния правда? Вдруг я и есть исчадие ада с черной кровью? И кто гарантирует, что тогда ворота не восуют меня силой, раз мое место в том мире? В общем, никуда я не пойду.

— Тогда я останусь здесь.

— А меня ты спросила? С деньгами напряг! Я еще и нахлебницу на содержание должен взять?
— Я все равно останусь здесь, Киан. До тех пор, пока ты не созрешь. Даже если мы опоздаем, выполнение моей задачи не может тянуться бесконечно, через пару месяцев хоасси будут вынуждены рассматривать другие варианты. Но у меня все равно других целей в жизни нет, и уйти без тебя я не могу. Потому останусь здесь. Буду служить тебе как единственному законному наследнику черного престола, пусть даже ты никогда его не получишь. Хлеб насущный я смогу добывать для нас обоих, мне нужно немного времени для адаптации.
— Да это немыслимо! Я не хочу обзаводиться сожительницей! Да я тебя вообще не знаю, чтобы к себе пускать! А потом что будет? Через пару лет привыкнем, через пять поженимся, через десять я буду счастливым отцом тройняшек?! А-а-а! Да я лучше в ад отправлюсь!
— Так я тебя туда и зову, — тихо прокомментировала Трина. — Насколько я поняла, этот термин для описания черной империи здесь применим.
— А-а-а! — настойчивее проорал Коля ей в лицо, не зная, что еще можно сказать в такой жуткой ситуации. Она даже не вздрогнула — статуя, а не человек! На такую орать себе дороже, только нервы истреплешь, но и моргнуть не вынудишь. Ее непоколебимость сбавила злость по причине непродуктивности. Потому Коля скрипнул зубами и направился на кухню: — Идем пить чай. Заваривать чай умеешь? Сейчас будешь уметь.
Его смирение было показным, ни с чем подобным он соглашаться не собирался. Просто понял, что орать и биться головой о стену бессмысленно. Как и в любой сложной ситуации, для начала надо успокоиться, а уже потом начинать думать. Хуже безвыходности может быть только безвыходность, приправленная паникой.

Глава 6

Странные сны преследовали Николая всю ночь: какие-то черные пауки с тентаклями часами куролесили с одной небезызвестной шорсир. Она с ними сражалась, а потом... не совсем сражалась. Очнувшись в странном оцепенении, парень решил, что красotka в соседней комнате, но притом физиологически недоступная, не самая приятная компания для одинокого черного лорда в самом расцвете сексуальной активности. Такие пауки могут сниться лишь как следствие уже осознанного, но невыполнимого желания. А желание — есть следствие однозначного запрета на его реализацию. Как у любого настоящего мужчины, у Николая включались все рефлексy от слова «нельзя».

Таким образом, проснулся он не в самом хорошем настроении. Девушка же в его футболке уже профессионально заваривала на кухне чай и разливала по чашкам. Если бы она начала напевать под нос, то этим завершила бы картинку идеального утра, но выражение ее лица оставалось привычно каменным.

— Черного дня тебе, Киан. Надеюсь, я все верно сделала.

Да уж, идеальное утро разбилось о гранит реальности.

— И тебе черного, — ответил так приветливо, как мог. — Послушай, Трина, я тут думал, думал и додумался, что бесконечно так продолжаться не может. Ты делаешь мое существование невыносимым.

— Ты два дня меня знаешь, Киан, позволь сгладить это впечатление.

— Да я не о том! — он прервал очередной монолог о великой преданности. — В общем, ты не можешь здесь жить постоянно. Давай уже придумывай, как тебе выкрутиться в твою реальность, я со своей стороны попытаюсь внести посильный вклад.

— Тогда пойдем к вратам. А потом чрез врата, — тотчас сообразила она. — Прямо сейчас пойдем.

— Прямо сейчас одна иди! — огрызнулся Коля. — А у меня в этом мире еще куча дел неперделанных. Как раз лет шестьдесят требуется, чтобы все успеть.

— Но... это очень долго, — медленно проговорила она, словно принимая каждое его слово всерьез.

И именно эта доверчивость прибавила Николаю энергии, он развел руками и сообщил:

— Ничего не могу сделать! Моему, в смысле, этому миру требуется непосредственное присутствие настоящего воплощения зла в моем лице, планы расписаны до минуты! Потому я

советую... нет, приказываю тебе сесть и хорошенько обдумать свои дальнейшие действия, в которые моя персона не будет включена.

— Но...

Он перебил:

— Это приказ! Шорсир знают, что такое приказы?

Сложно придумать ситуацию забавнее: Трина села полубоком к окну, сжала зубы, изображая крайнюю степень задумчивости. Николай ей не мешал. Но через два часа его стала напрягать неподвижность ее позы. Еще через час, решив сварганить какой-нибудь супчик на двоих, он принялся поглядывать на нее — сидит себе, словно застыла, не моргает даже, исполняет приказ думать. Николай подошел и провел ладонью перед ее лицом, никакой реакции. Смешно быть перестало, сделалось жутковато. Но спросил он почти равнодушно:

— Ну как, придумала?

— Нет, Киан, — ответила она тут же.

— Еще подумаешь? — поинтересовался он с ехидцей.

— Буду думать столько, сколько прикажешь, мой лорд. Но, боюсь, такого решения вовсе не существует.

— Так, ладно, — он выдохнул легкое угрызение совести за все последние три часа. — Ты картошку чистить умеешь?

— Ни разу не пробовала, но уверена, что умею почти все.

— Тогда разворачивайся, бери нож, покажу. Сделаем с тобой куриный супчик, а под куриный супчик и не такие проблемы разрешались! Стоп, не этот нож! — он испугался, когда та почти вытащила из кобуха свой странный кинжал. — Обычный бери. Не уверен, что курица сочетается с магией тьмы.

Ничего удивительного, что Трина сосредоточенно наблюдала за его действиями и с первой картофелиной повозилась, но уже на второй показала чудеса ювелирной и скоростной работы. Морковь она нашинковала буквально за секунды. Трина обращалась с ножом лучше, чем Николай с картами, будто лезвие росло из ее руки и подчинялось малейшим импульсам мозга. Коля восхитился, но невольно задумался о том, что если такую кудесницу научить мухлевать с картами, то ей цены не будет! Осек себя от этой странной мысли, ведь он не собирается оставлять ее при себе, и переключился на главную тему:

— Давай вместе подумаем, Трина. Ведь вы шли в этот мир, не будучи уверенными даже в том, жив ли я! Неужели никаких путей для отступления не придумали?

— Это не моя задача, Киан, искать пути отступления. Никто не предполагал, что во время перехода погибнет хоасси, а я останусь одна. Хоасси с трудом, но все-таки может управлять вратами.

— То есть умер твой единственный ключ обратно?

— Нет, конечно. Ведь ты здесь. Живой, способный открыть врата, провести туда и обратно хоть армии, но, прошу прощения, занимающийся какой-то ерундой, наподобие нарезания мяса и овощей для супа.

Николай скривился:

— Потому что людям нужно есть. Шорсир, как я понимаю, тоже — все котята мира тому свидетельство, — он помедлил. — Хорошо. Выходит, ты все равно останешься здесь, пока я не открою врата.

— Именно об этом я и говорила уже раз десять, — если бы не полное отсутствие эмоций в ее лице и в тоне, Николай мог бы предположить вспышку раздражения.

— Тогда... — он тяжело вздохнул. — Тогда мне, похоже, придется поехать с тобой к тому месту и открыть врата. Все другие варианты связаны с избавлением от трупа, а это выглядит куда более сложной задачей. Ты уйдешь без меня?

— Нет.

— Зачем же сразу отвечаешь? Даже не подумала часок-другой! А если будет уже бессмысленно тащить меня туда, уйдешь? Ты ведь сама говорила, что эти твои советники до бесконечности ждать не будут. Не появлюсь я месяц или полгода, они коронуют следующего наследника.

— Именно так и намного раньше полгода, — она кивнула. — Черный престол не может оставаться без правителя так долго. Уверена, они начнут рассматривать другие варианты и через несколько недель.

— Ну и прекрасно! — непонятно чему обрадовался Николай. Хотя любой выход его бы ошастливил, пусть даже такой долгий. — Тогда ждем месяц, после чего я тебя выпроваживаю. В этом случае уйдешь?

Она снова зависла — взгляд застыл в воздухе. Через несколько минут мертвенного молчания соблаговолила ответить:

— Я не знаю, как поступать в таком случае, Киан. У меня не было никаких приказов, кроме одного — уговорить тебя и доставить к воротам.

— Ну, зато я тебе могу отдавать приказы, верно? Если выберут другого престолонаследника, все твои предыдущие приказы перестанут иметь смысл. Договорились?

— Не договорились, — ответила она упрямо. — Я буду пытаться изменить твоё решение. И если это не удастся спустя все допустимые сроки, начну думать, имею ли право вернуться без тебя.

— Зануда! — не выдержал Николай. — Я твой лорд! Я хочу, чтобы ты следовала моим приказам!

— Ты не замечаешь, но именно это я и делаю. Готовила бы я сейчас суп, как самая обычная крестьянская баба, если бы не следовала? Я не угрожаю, мой лорд, а ненавязчиво подчеркиваю, что в этом мире я вполне в силах взять тебя за шкурку и протащить волоком хоть по всему свету.

Николай хмыкнул:

— Это был юмор? У тебя есть чувство юмора?

— Юмор. Если тебе хочется так думать.

— Эй! Ты специально меня пугаешь?!

— Не специально. Шорсир созданы для того, чтобы пугать. Страшнее шорсир во всех мирах только черный лорд.

— Одно и то же по кругу! — разозлился Николай и посолил бульон еще раз.

Трина ела жуткий пересоленный суп с тем же видом, с которым делала все остальное, будто ее происходящее вообще не касается. А если господин пожелает пообедать одной солью на тарелке, то и она присоединится без единого слова. Демоница во плоти! Точнее, робот в режиме демона, что еще хуже.

В этой затянувшейся подвешенности неделя доковыляла и до субботы. Николай прозванивал объявления на предмет вакансий, но ничего толкового пока не подвернулось, потому покер в субботу выглядел уже не только развлечением, но и необходимостью. Нахлебница его многого не требовала, просто постоянно присутствовала рядом: не начинала разговор, пока не спросят, помогала в готовке и уборке, стоило только о том распорядиться. Абсолютно непостижимым образом она на ходу схватывала любые проявления индустриального мира: сначала внимательно наблюдала за действиями Коли, потом повторяла в лучшем виде: микроволновку на таймер, стиральную машинку на режим сушки, готовку, уборку, что угодно. Николай ее глубокомысленными разговорами старался не донимать, хоть иногда и сгорал от любопытства, потому что опасался услышать и другие подробности, от которых на душе становилось совсем несладко. Но так они хорошо уживались, что однажды он решил пошутить:

— Трина, если я когда-нибудь решу жениться, то выберу такую, как ты: молчаливую, безынициативную посудомоечную машину со встроенным кухонным комбайном, в смысле, идеальную женщину!

— Не говори глупости, Киан. Ты никогда не женишься.

— Это еще почему? — обиделся Николай, хотя в ближайшие лет пятьдесят не был намерен связывать себя браком.

— Потому что ты лучший из лучших. Преступление против всей сути бытия — отдавать себя единственной женщине. Ты можешь взять любую, хоть каждый день любую, зачем же тебе выбирать одну?

— А-а, теперь понятно, почему папаша маму бросил. А я-то его всю жизнь считал подлым мерзавцем.

— Правильно считал, он и был мерзавцем, как и положено. Но подлости в том поступке не было — он не бросил твою мать, а облагодетельствовал ее потомством, то есть посчитал достойной такого дара.

— Ясно. Лучше не продолжай. У тебя все представления о морали сдвинутые.

— Как прикажешь. Мне снова вытереть пыль?

— Хватит уже ее выгирать, скоро полки до дыр протрешь, идеальная моя. Но слушай, сегодня вечером я надолго уйду, — он заметил, как девица едва расширила глаза, и предупредил протест: — Это будет так, будто я вышел в магазин, ясно? Помнишь же — ничего страшного. Я ушел и пришел, а ты за это время ничего с собой или с кем-то другим не сотворила.

Походы в магазин действительно напоминали аттракционы с длинными предисловиями. Тащить девицу в старом мужском спортивном костюме с собой Николай не хотел, потому и настраивал ее на полчаса ожидания. Ставил перед ней будильник и говорил, до какого времени вернется. Она соглашалась, но при условии, что потом Трина отправится его искать. По возвращении Николай заставлял ее в неизменной позе, так и смотрящей на часы. Этот этап они пережили, но теперь речь шла не о тридцати минутах, потому он и начал заранее, с самого субботнего утра.

Она сказала с нажимом:

— Если ты будешь занят дольше положенного времени и собираешься покинуть пределы района, где я чувствую твое присутствие, лучше отправимся вместе.

— То есть ты постоянно меня чувствовала? — дошло до Николая. — Поэтому так терпеливо относилась к моим отлучкам?

— Разумеется. И ощутила бы, если бы ты подвергся опасности.

— Но на этот раз мне нужно уехать на другой конец города!

— Тогда я пойду с тобой.

— А если я не хочу тебя видеть?

— Тогда пойду так, что ты даже не заметишь моего присутствия.

— А если я прикажу остаться здесь?

— Тогда я нарушу твое распоряжение и уже не в первый раз. Умирать за подобное все равно только единожды, потому теперь я не слишком боюсь подобных нарушений.

— С ума сойти... Беру свои слова обратно, ну, по поводу того, что женился бы на такой! Это ж тихий ужас, честное слово, я как на поводке себя чувствую!

— Хочешь, приготовлю хлеб с расплавленным сыром? Я заметила, что такое блюдо поднимает тебе настроение.

Николай только руками всплеснул. Но орать на нее бессмысленно — с тем же успехом можно кричать на преданного пса: только взгляд меняется, но ровным счетом ничего не доходит. Он долго думал, потом снова вышел к ней в зал и сказал спокойнее:

— Хорошо, пойдешь со мной. Но только при условии, что ничего не будешь делать или говорить без разрешения, ясно?

— Конечно.

— И это... придется тебе хоть какую-то одежду подыскать. Собирайся, пойдём в магазин, хоть футболку с джинсами прикупим. Лишние расходы мне сейчас очень мешают, но будем надеяться, что такой акт человеколюбия сегодня же вернется сторицей.

— Благодарю, Киан. Я не заставлю тебя краснеть.

— Вот пока в магазине и потренируемся, — окончательно решил Николай.

Краснеть ему не пришлось. На Трину продавцы косились, но больше всего их интерес был вызван ее одеждой. Однако сама она не дала повода для укора.

— Вот эти джинсы, вроде твой размер, — он сам подавал в примерочную. — Выйди сюда, я гляну. Зайди обратно! Сейчас футболку какую-нибудь подыщу, пока стой там.

В итоге удалось привести девушку в приятный взгляду вид. Ей шло буквально все, а в молодежной футболке она стала выглядеть нормальной частью этого мира — никто бы и не подумал, что где-то подвох.

— Отлично, — выдохнул он. — Только нож дома оставим, он не очень идет к этому стилю. И знаешь, надо хотя бы чуть-чуть добавить мимики. Ты умеешь улыбаться — я видел! Улыбнись.

— Без повода? — сухо поинтересовалась девушка.

— Да. Просто улыбайся.

— Постоянно?

— Нет... Ну, иногда улыбайся, — Коля и сам подбирал подходящую модель поведения. — Улыбайся, если я улыбаюсь. Или когда к тебе обращаются.

Она послушно растянула губы, отчего стала выглядеть совсем хорошенькой и совсем нормальной частью этого мира. Он же вновь задумался о том, что если Трину научить махинациям с картами, она станет источником золотых рек и кисельных гор — с такой

эмоциональностью только в карты и играть. Никто же за обычной девчонкой с личиком ангела не заподозрит высочайший уровень блефа.

Глава 7

Каким-то невероятным образом Петюня Трину узнал — слишком яркая у нее внешность, чтобы смена образа помогла. И заявил понимающе:

— А!

После чего излил гнев на друга:

— А строил из себя недотрогу! Сам тогда же и спланировал продолжение вечеринки? И что же, так увлекся, что гулянка уже почти неделю продолжается? Да так славно, что теперь с нами на игру ходит? А я, получается, человек посторонний, раз от меня все скрывают?

— Перестань, — Николай отмахнулся ото всех утверждений разом. — Жук любопытный.

— А ты жук хитровыделанный! — справедливо парировал Петюня и снова посмотрел на девушку, представляясь: — Петр. А ты у нас кто, чудное виденье?

Трина неестественно широко улыбалась, как было велено. Понимая всю фальшивость, Коля поспешно шепнул:

— Раз уж спрашивают — отвечай. А то ты на работа без встроенных динамиков похожа.

Она сняла улыбку с лица, будто чем-то смазала, и ответила Петюне:

— Зови меня Триной, недостойный. Но лучше не зови — все равно откликаться я не намерена. Петюня не обиделся, наоборот, с осознанием кивнул:

— Ролевуха продолжается? Прикольно. Идем уже, на ходу обсудим, кто сколько вкладывает и как выручку делим.

— Шкуру неубитого медведя? — Николай сразу сосредоточился.

— С тобой заранее не обговоришь — останешься без шкуры и медведя. Тринюш, не отставай, красавица. И самое главное — под руку во время игры не лезь, если в этом деле ничего не смыслишь. Или лезь, но делай вид, что мы впервые видимся.

Это был обычный расклад группового разводилова. Петюня вошел в бар первым, а Николай с Триной еще минут двадцать выжидали. Даже лохи с подозрением относятся к командным игрокам, а уж профессионалы уже при второй раздаче начнут улавливать, кто в чьих интересах вовремя скидывает.

Внутри было накурено и душно — самая привычная рабочая обстановка. Здесь люди просто отдыхали душой. Трина разместилась на скамье возле стены, от нее пока все равно проку нет. И уже через час Николай с Петюней поняли, что вечер их. Разгоряченные пивом и коньяком дальнобойщики смеялись и выглядели такими расслабленными, что даже отход карт не отслеживали. Таких только готовь и готовь.

— Я сейчас усну, — Коля подливал масла в огонь, демонстративно зевая. — А, гулять так гулять! Поднимаю до пяти кусков.

Мужики с другой стороны стола переглянулись — уже полчаса назад было очевидно, что играют только в удовольствие, а в удовольствие большие суммы проигрывать глупо. Петюня же сморщился до состояния «крепьш негодует», он даже какие-то возмущенные звуки притом умудрился издать и в итоге высказался:

— Да и ладно! Отвечаю! — и бросил на стол несколько банкнот, осыпая всех нелепыми подробностями: — Жене хотел духи на день рождения подарить, но теперь — просто чувствую — будет у нее этих духов литра два!

Его мечтательность как-то не вязалась с тем фактом, что до сих пор Петюня проигрывал — по мелочи, конечно, но проигрывал. Зато после того, как он «сдался», дальнобойщики, ощущая удачу на другом уровне, тоже ерепениться не стали.

Николай не смотрел на Петюню — с того станется начать улыбаться в самый неподходящий момент, — поглядел на Трину. Сидит себе фарфоровой статуэткой, глазками только двигает. А с чего Коля вообще придумал, что она обязательно начнет создавать проблемы? Даже наоборот, присутствие пусть и равнодушной, но весьма симпатичной дамы, расслабляло игроков еще сильнее, привлекая за стол все новых и новых.

Петюня на следующем круге снова проиграл — он очень профессионально изображал простачка... хотя, признаться честно, не умел жульничать так, чтобы проигрывать и выигрывать по своему выбору. А вот Николаю пришлось взять банк — попросту нечего было ставить в следующем раунде. После этого он спокойно проиграл весь выигрыш, чем поднял соперникам чуть упавшее настроение — а они и сами не замечали, что уже прочно сидят на азарте. Еще немного — и можно начинать бомбить, пока не появятся явные признаки нервозности, потом извиниться и сваливать, как сваливали с максимальным кушем десятки раз до того. Вслед им, конечно, повозмущаются, но уже видно, что никаких особенных проблем не будет, а утро воскресенья обещает стать томным.

Как обычно и бывает в этом и других мирах, стоило только Николаю позволить себе всплеск расслабленной победоносной радости, как за спиной раздалось:

— Вот он, точно! И этот... Черт, я так и знал, что они напарники!

Петюня уже успел вскочить на ноги и позеленеть, подтверждая самые худшие предположения.

Николай же встал медленнее и сначала натянул приветливую улыбку, а уже потом начал:

— Господа! О, какая неожиданная...

Ближайший «господин» не был настроен на светские беседы, потому просто ухватил его за руку и рванул на себя — видимо, чтобы собеседник стоял поближе, так удобнее разговаривать. Вот только в процессе сего действия у Николая откуда-то некстати выпала карта. Всего одна, но почему-то и ее хватило, чтобы и дальнобойщики синхронно нахмурились и так же синхронно начали подниматься. Николай, к подобному несовпадению в точках зрения привыкший, резко развернулся и пихнул локтем «господина» в нос — мол, не надо меня держать, я и сам прекрасно стою. Не успел мужик отлететь, как между ними нарисовалась фигурка в джинсах и футболке.

— А, вот про тебя-то я и забыл, — признался Николай.

— Какие распоряжения на этот случай, Киан? — поинтересовалась она, не оборачиваясь.

— Ноги уносить.

— Чьи?

— В смысле?

На их беглый диалог внимания не обратили, поджигая кружком как-то сразу со всех сторон.

— Бабу свою убери! — крикнул кто-то из тех, что пришли.

А она все еще ждала распоряжений, закрывая собой Николая, что ему категорически не нравилось. Ну, схлопочет по шам, бывает. За такие мелочи не убивают и не калечат, если не совсем отморозки. Вот только за спиной по-водительски и очень утрашающе забурчало — совсем как их фуры. Пришлось признать, что эти добродушные дальнобой могут и убить, раз на их душевности кто-то решил нажитья.

— Ладно, бить можно, — сказал Николай тихо и спешно добавил: — Только несильно!

— Несильно?! — заорало сразу со всех сторон, сопровождаясь похрустыванием разминаемых пальцев.

— А я это не вам, — пришлось ответить Николаю сразу всей окружности.

А уже через секунду Трина ударила ногой в лицо ближайшего, буквально вышибая его из круга. Развернулась прямо в воздухе и толкнула в плечо одного из дальнобоев — сустав отозвался неестественным хрустом. Запрыгнула на спину третьему, обхватила голову руками и прижала пальцы к глазницам. Остальные не просто опешили — одеревенели. Но поболее прочих сам Николай.

— Трина, нет, нет!

Она будто поняла, отпустила мужчину с чудом уцелевшими глазами, спрыгнула на пол и ударила жертву ребром ладони сзади по шее. Он как-то совсем неловко и грузно опустился на колени, а потом упал ничком на пол. Зрелище это потрясло, поскольку было непонятно, жив он или без сознания. Петюня вылетел в проход первым. Коля тоже очнулся:

— Уходим. Трина, я сказал, уходим!

К счастью, всем хватило ума ее не останавливать.

Через квартал, задыхаясь и захлебываясь паникой, Петюня давил из себя:

— Вы спятили, спятили! Это же уголовное! Вы понимаете, что сейчас произошло?! — он говорил все громче с каждым предложением. — Я на убийство не подписывался! За мелкое мошенничество и трупы сажают совершенно по-разному! Больная, ты просто больная! — орал

он уже на Трину, но боялся приближаться. — Да и за что ты человека убила?! За то, что мы их сами облапошили?!

Она ответила с привычной монотонностью:

— Трупов нет. Один перелом, одна отключка.

У Николая тоже мелко дрожали руки, но теперь он смог выдохнуть:

— Ты уверена?

— Безусловно. Ты ведь сказал бить несильно.

Похоже, ее «несильно» и его «несильно» очень различались. Пострадавшие все равно могут написать заявление, но какое же облегчение знать, что хотя бы никто не убит. Петюня же совсем разошелся:

— Больная! Да вы оба больные! Ты телохранителя решил нанять, Коль, так молодец — правильно решил! А справку от психиатра не подумал взять?

— Да ладно тебе, Петюнь, — Николай пытался сгладить обстановку. — Ничего страшного. Зато, считай, ушли без единого синяка.

— И с деньгами, — не к месту вставила Трина. — Я забрала все со стола, ведь ты говорил, что они тебе нужны.

— А-а! — Петюня схватился за голову. — Еще и грабеж... Я на такое не подписывался! Мы теперь ни в одном клубе без пластической хирургии не появимся, если не хотим загреметь. Я вообще вас обоих не знаю, ясно? И в институте мы одним не учились!

— Петюнь...

— Да иди ты!

Друг спешно удалялся от беды подальше. Николай его чувства полностью разделял, потому огляделся и поторопил:

— Нам тоже лучше свалить. Они уж точно нас ищут. Придется залечь на дно, причем желательно надолго и в каком-нибудь другом городе.

Трина плавно передвигалась рядом, ничуть не напрягаясь от скорости.

— Могу предложить один вариант, Киан. Там тебя никто не найдет.

— Да иди ты, — не сдержался Николай, тон-в-тон повторив за Петюней. — Сейчас твой юмор вот вообще не в тему!

— Я просто попыталась. Не стоит злиться. Кстати, почему ты злишься?

Николай не ответил — толку ей объяснять, что в приличном обществе приличные люди друг друга только обманывают, а не выдавливают глаза, не ломают кости и не отнимают деньги. Он судорожно соображал, что делать дальше. Если заяву накачают, то ему даже по улицам ходить будет опасно. Прямо сразу рвануть куда-нибудь в Питер? Полиция пока раскачается, пока составит фотороботы, сегодня точно выход свободный. На билеты и съем жилья Трина как раз нагребала. С ней вообще сложно пропасть, но Николай очень не любил так явственно противопоставлять себя общественному порядку.

Решив сделать так, Николай перешел с быстрого шага на бег. Тянуть в любом случае нежелательно, еще и вещи нужно собрать. Он решил объяснить Трине, что происходит:

— Мы сейчас с тобой соберемся и дуем на вокзал. Уедем пока куда-нибудь. Вполне возможно, что и не станут нас искать, но лучше перебдеть.

— Лучше избавиться от всех, если они тебя раздражают, — выдала она уже почти ожидаемое предложение.

— Лучше перебдеть! — с нажимом повторил Николай. — А о правилах поведения я расскажу тебе чуть позже.

— Мы никуда не поедем от врат, Киан, — она вдруг встала на месте, вынуждая остановиться и его.

Он со злостью развел руками:

— Прекрасно! Вот тут наши пути и расходятся, дорогая Тринадцатая. Я уезжаю, а ты вполне можешь оставаться рядом с вратами — буду только рад.

— Ты тоже не поедешь, — тише сказала она.

Николай вскинул бровь и подошел к ней, заглядывая в глаза:

— Поеду. Потому что я твой лорд, а не наоборот. Следовательно, я решаю — поеду или нет. И не смей угрожать, меня этот вечерок и так вымотал.

Она почему-то не выдержала прямого взгляда и уставилась в землю.

— Я не угрожаю, Киан. А предлагаю обсудить твоё решение. Но если ты отправишься в путь, я поеду следом.

Он махнул рукой и снова зашагал по дороге. Не удивился, когда она догнала и уже молча пошла рядом. Николай действительно ощущал себя выпотрошенным — у него вроде была веселая жизнь, но такая веселая, как сегодня, приключилась впервые. Такое переварить надо, подготовиться морально, а не сразу вбултыхиваться. Потому он и думал, что дойдет до дома и уже спокойнее сможет объяснить все Трине. Отделаться от нее он уже и не надеялся. Однако приключениям не показалось, что Николаю уже достаточно. Уже возле подъезда из темноты выскользнула фигура, заставившая парня замереть от ужаса. Он бы даже недавним драчунам больше обрадовался, чем этому: какой-то сатанист в черном плаще с капюшоном явно шел им навстречу. Женщина, выглянувшая с собачкой из подъезда, вскрикнула и поспешила обратно под визг псинки, которую дернули за поводок и едва не зашибли металлической дверью. Собачке, похоже, объяснят, что в туалет она теперь будет ходить дома. Николай отшатнулся, сделал еще пару шагов назад, позвал, вспомнив, кто тут главная защитница:

— Три-ина.

И теперь даже был рад, что она головой немного того, а ногами машет так, как не все умеют руками. Девушка уверенно вышла вперед, приблизилась к сатанисту и поклонилась:

— Я думала, что вы погибли, хоасси. Хвала демонам.

— Я тоже так думал, — раздался из-под капюшона голос, в котором слышалась улыбка. — А может, и погиб. Я был разорван на миллион частей, и потребовалась уйма времени, чтобы собраться воедино. Но я нашел вас. Хвала демонам. Имя мне Ноэ, мой лорд, первый и сильнейший хоасси вашей империи, не могу выразить радости от встречи.

Он сделал шаг вперед и откинул капюшон. Чуть склонил голову без капли подобострастия, а будто бросил взгляд на собственную обувь, и тотчас выпрямился во весь свой огромный рост. Его лицо могло бы принадлежать мужчине лет сорока или пятидесяти, если бы не глаза — жуткие, туманные, по-старчески белесые и невероятно глубокие. По лысому черепу бежали витиеватые татуировки. Он не был похож на жителя этого мира еще сильнее, чем вначале Трина. Этого джинсами не спасешь...

Николай не собирался представлять, какая чертова магия требуется, чтобы из разорванных кусков собраться в тело, не собирался и возносить хвалу каким-то демонам. Он вообще текущего праздника не разделял! Впервые в жизни Коле, всегда бескрайне уверенному в себе, захотелось усесться на землю и разреветься, как девочке в песочнице, которую по голове постоянно дубасят пластмассовой лопаткой.

Глава 8

Разумеется, Николай поспешил впихнуть всех подозрительных иномирян в свою квартиру. Не то чтобы он горел желанием расширять штат незваных гостей, но все же лучше было убрать их подальше от глаз свидетелей. В подъезде, увидев возле почтового ящика соседа с внуком, заявил как можно громче:

— Прекрасный косплей, Гришаня! На вечеринке ты всех порвешь. — И вежливо поздоровался с опешившим соседом: — Жизнь за Нер'Зула, Максим Семенович!

— И тебе того же, Коль... — отозвался старик. — Молодежь развлекается, — это он уже внуку объяснил.

Кухня как-то сразу зримо сжалась, потолки опустились, когда косплеер татуированной смерти вошел в нее и с интересом осматрелся.

— Вы садитесь, садитесь, — настойчиво посоветовал Николай, которому уже до чертиков надоело, что эта бандура над ним возвышается. — Трина, щелкни чайник, пожалуйста, я пока заварю.

Он просто решил заняться чем-нибудь, чтобы собраться с мыслями, однако хоасси наблюдал за их бытовой возней с настоящим изумлением. Кстати говоря, он выражал эмоции ярко и понятно, ни капли от деревянной холодности шорсир. В конце концов, Ноэ не выдержал и поинтересовался:

— Вы пока не заняли престол, а хоасси вообще не находятся в полном подчинении черным лордам, но в этой ситуации даже мне хочется предложить: может, я смогу выполнить эти манипуляции? Или это сделает Тринадцатая. Вы еще, прости темнота, посуду мыть возьмитесь.

— А он и мыл, — бессердечно вставила Трина.

Глаза хоасси еще немного расширились. Но голос прозвучал почти весело:

— Правильная кровь и неправильное воспитание дают интересный эффект. Надо будет на младенцах поэкспериментировать — например, можно ли из детеныша демона вырастить послушного пса, а из светлого — демона... Или все-таки кровь победит... — он задумчиво уставился в пространство, что-то перебирая в мыслях.

— Вы замечались, Ноэ! — Николай вернул разговор в главное русло. — Нам с вами пока интересен только один опыт, мой. И как видите, кровь не победила. И хоть Трина тут всячески намекала, что из меня получился не самый хороший человек, но впору признать — черный лорд из меня еще хуже.

— Чудесно, вы умеете строить длинные предложения. То есть не полный идиот, а этого я опасался сильнее прочего, — отозвался хоасси, переведя на него белесый взгляд. — Предлагаю выпить этого травяного отвара, раз уж вы предлагаете, а потом прекратить страдать ерундой и отправиться уже к вратам. По пути и обсудим, из кого из нас троих черный лорд получится быстрее. Подсказка: двое не обладают вашей кровью, то есть вычеркиваются из списка.

— Вай, у кого-то есть чувство юмора! — ответил Николай, уже полностью пришедший в себя и осознавший, что ему надоело быть тряпичной куколкой в чужих руках. — То есть не полный идиот, а этого я опасался сильнее прочего! Ну, раз мы оба не идиоты, то есть все шансы договориться. Уважаемый Ноэ, я отказываюсь идти с вами куда бы то ни было, найдите другого кандидата на эту мерзкую должность.

Хоасси хлебнул чая, скривился, кивнул Трине, когда та пододвинула к нему сахарницу и показала ложку. Ответил почти сразу, не мучая никого долгими размышлениями:

— Да без проблем. Совет тринадцати сразу рассматривал вероятность, что вы откажетесь, а короновать лорда против его воли не самый удачный вариант. Потом нам же и не поздоровится. Николай так обрадовался, что даже не смог сразу осознать:

— И все? То есть на этом все? Какое счастье! Где вы были раньше, дорогой Ноэ?!

— Собирался из кусков. Довольно болезненный процесс, надо признать.

Коля счастливо отмахнулся:

— Что было, то прошло! Нытиков и в нашем мире не особо любят. Ладно, раз мы договорились, предлагаю еще по чайку, я и на растворимый кофе готов пойти, и начнем прощаться.

— Зачем прощаться? — хоасси свел брови.

— В каком смысле? — Николай остановил бушевание радости. — Хотите сказать, что здесь остаетесь?

— А зачем нам уходить?

Коля решил, что хватит обмениваться вопросами, пора и к конструктиву приходить:

— Вы двое переоцениваете мое гостеприимство, если думаете, что можете у меня жить всей своей темной толпой. Не много ли нахлебничков? У меня теперь ни работы... ни дополнительных источников заработка. И только одной этой девицы влияние. С вами я тогда в минус уйду? Кредит возьму?!

— Нет, Киан из династии Кордов, столпотворения не предвидится. — Советник повернулся к девушке: — Тринадцатая, ты сама слышала, что вопрос решен. Сделай одолжение, перережешь себе горло. Только отойди куда-нибудь подальше, потому что в этом мире трупы пахнут так же, как и в нашем. Не станем отравлять наследнику существование запахом.

Николай растерялся, уловив смысл просьбы:

— Эй! Я не понял! Вы почему это моей шорсир тут командуете?

Все те же веселые глаза вновь устремились на него.

— А, прошу нижайше простить. Вы хотите напоследок еще поразвлечься, а других подходящих для этого особой искать лень? Конечно, конечно.

— Да нет же! — Коля подскочил на ноги от переизбытка эмоций. — Почему это Трина должна умереть? Ведь вопрос решен — вы можете открыть врата, можете уйти вдвоем и искать нового смертника. А я буду поминать вас добрым словом.

— Ой, только добрым не надо, — Ноэ поморщился, — я хоть и не истинное зло, как вы, но все-таки первый защитник черного престола. Как-то не по титулу мне поминания добрым словом.

— Буду поминать всеми плохими словами, — предложил Коля альтернативу, хотя уже и сам понимал, что разговор повернул на сто восемьдесят градусов.

Ноэ оправдал ожидания:

— Нам просто незачем возвращаться, Киан. Если Тринадцатая вам мешает, то пользуйте ее как пожелаете и отправьте спокойно умереть. У нее все равно нет в жизни иных задач, кроме как служить своему хозяину. Я ненадолго составлю вам компанию, но потом и сам уйду — посмотрю напоследок и этот мир.

— Да что вы несете? — Коля никак не мог уловить суть. — Зачем ей вообще умирать?

— А вам ее жаль? — хоасси едва заметно прищурился.

— Конечно! — Николай и не думал отрицать. — Видите ли, в моем мире человеческая жизнь хоть что-то да значит. И мне претит сама мысль, что кто-то умрет из-за меня! Как вам такой черный лорд, а?

— Я услышал ваш вызов — демонстрируете сострадание. Тогда оставьте ее при себе, только не прогоняйте — жизнь без цели для шорсир хуже любой смерти. Вот такой выбор, третьего не дано. В свой мир нам уходить незачем.

— Это еще почему?

Ноэ неспешно сделал еще несколько глотков.

— Знаете, Киан, во время поисков в лесной чаще своих пальцев, я все размышлял... Мы сразу предположили, что убийца наследников есть в списке, просто очень глуп и потому противопоставил себя Совету. Как будто черный лорд в состоянии удержать власть без нашей помощи. Конечно, никто не гарантирует, что все дети вашего отца должны были родиться с мозгом, но такой идиотизм все-таки за гранью. Я перебирал имена, вспоминал, что о них знаю, но так и не понял, кто может стоять за такими глупыми поступками. Пока на безымянном пальце левой руки до меня дошла простая мысль: а если претендентов убивает вовсе не один из наследников?

— Да мне-то какая разница? — закричал Коля, не в силах больше выносить этот монолог. — Вот какая разница, кто именно хочет меня убить?

— Просто если я прав, — Ноэ мягко улыбнулся, — то ни один из наследников не выживет.

Однако за вами встанут тринадцать шорсир — если у кого-то и есть шанс, то только у вас. Первый наследник просто не ожидал атаки — никто из нас не ожидал, — потому и собирался набрать защитниц по своему вкусу. Но в вашем случае той же ошибки мы бы не повторили. Я всерьез опасаюсь, что если вы не займете престол, то его не займет никто. Подобная история уже случалась почти шесть тысяч лет назад, но тогда хоасси смогли обнаружить дальнего родственника лорда, и черной крови в его жилах хватило вынести тяжесть короны. Повторить такой трюк во второй раз вряд ли удастся.

— Опять же — мне-то какая разница? Пусть этот ваш трон никто не занимает — расходитесь, работу себе найдите!

Ноэ отчего-то посерьезнел и уставился пристально на Николая, словно пытался угадать, шутит тот или нет. А после долгой паузы медленно произнес:

— Вы, видимо, так и не поняли. Все миры строятся на равновесии добра и зла. В нашем они четко разделены на две империи, в других, наподобие этого, сильно перемешаны. Но гармония есть даже здесь. Мы ведем вечную войну со светом, но никогда не разрушаем его полностью. Когда побеждаем мы — в остальных мирах становится больше зла. Когда верх берут они — у вас рождаются святоши. Но и светлые никогда не думают о том, чтобы уничтожить черный престол окончательно. Если вычеркнуть одну из основ, то миры перестанут существовать — схлопнутся от переизбытка света или темноты, разрушатся все магические связи. Все мы сильные или слабые фигуры на игральной доске, а черный и белый престолы и есть сама доска, и они завязаны на соответствующей крови. Я бы сам уселся на трон, если бы это помогло.

— Не понял... Как это — схлопнутся?

— Странно, что не понимаете. Уравновешенная магия дает основу существования всех миров. Сложно объяснить в известных вам категориях, но... вот солнце, например, которое ходит вокруг ежедневно в одно и то же время. Или как там правильно? Сила утяжеления...

— Тяжести, — поправил Николай, которому становилось все страшнее.

— Да. Или волны, невидимые глазу, меня эта тема очень заинтересовала, хотелось бы успеть разобраться. Это магия вашего мира, которую вы называете «физикой», в других мирах называется иначе. Что будет, если начисто удалить ее из бытия?

Мысли замедлились и хватались друг за друга как-то неловко:

— Но кому могло понадобиться полное разрушение всех миров? Белой империи?

— Нет, конечно. Они тоже погибнут. У меня очень мало вариантов, и все не выдерживают критики. Предполагаю, что кто-то решил взять энергию от умирающих миров и... я только предполагаю, направить ее на создание нового, выстроенного уже по другим законам. Стать богом в новой вселенной. Этот некто должен быть чрезвычайно силен, не слабее меня. Напоминаю, что у меня алиби — я не сидел бы здесь, если бы сам это придумал. Теоретически он может стоять на любой стороне, но больше такой выбор похож на темного мага, светлые обычно очень щепетильны в отношении каждой букашки. Это только гипотеза, но вы должны понимать все возможные последствия своего решения, Киан из династии Кордов.

У Николая разом закончились все разумные доводы, кроме одного:

— Но я не подхожу на эту роль! Какой из меня черный лорд?

— Плохой, — признал Ноэ. — Хуже я за свою жизнь не видел и в хрониках о таких не читал. Вы только что пожалели какую-то там шорсир — очень дурной знак. А может, в этом и есть выход. Если вам жаль одного человека, то представьте, как своим решением вы убиваете миллиарды миллиардов разумных существ, включая самого себя. Нам с Тринадцатой незачем возвращаться домой, Киан, потому что через несколько месяцев не будет ни дома, ни врагов, ни друзей.

Коле стало откровенно плохо, вот просто до невыносимой тошноты. Он уточнил почти с надеждой:

— Признайтесь, этот ультиматум вы придумали специально, как способ меня убедить!

Хоасси совсем по-мальчишески улыбнулся:

— В самую точку, Киан. Я вообще обычно так и развлекаюсь — люблю, знаете ли, ради какой-нибудь чепухи разлететься на куски, а потом их собирать. Каждые выходные так делаю, скуку развеиваю. Это был сарказм. Я заметил, что вы любите сарказм.

Николаю становилось все хуже. До такой степени, что он встал и, пошатываясь, отправился в свою комнату, где упал на кровать лицом в подушку. Почему-то во все сказанное легко поверилось. Да хотя бы по той причине, что могущественному магу, способному заниматься чем угодно, незачем было рисковать собственной жизнью, если бы на карте не стояло желание сохранить черный престол любой ценой. Еще не согласившись принять корону вслух, Коля уже ощутил ее тяжесть. Ведь знал, что выбора нет, а перед глазами летели лица всех знакомых: Петюни, соседа с внуком, бывшего шефа, Трины, девчонок гоу-гоу из клуба, дальнбойщиков и прочих людей, к большинству из которых он относился на уровне «никак». Многих он был готов обманывать и использовать, но определенно не хотел ставить подписи их смертных приговорах. И себя Николай очень сильно любил, привязался за столько-то лет. И себе он смерти не желал еще больше, чем всем остальным вместе взятым. Как же хорошо жилось с Триной — она так мягко стелила, что Коля бы и не заметил, как счастливой парочкой они бы дожили до конца света. Но чертов хоасси бронейбойно и почти весело забил его козырями.

— Я согласен, — он сказал в подушку, не в силах поднять голову, но твердо уверенный в том, что его услышат. — Я пойду с вами.

Глава 9

Николай отстраненно и почти уныло соображал, с кем обязан попрощаться. Бывшие девушки явно не горели желанием слышать его голос, бывшие коллеги по работе — еще меньше. Друзья и напарники по карточным столам обрадовались бы его звонку только в том случае, если бы Николай в первые пять секунд сообщил о выгодном дельце или выплате долга. Как так вышло, что он — в сущности, хороший человек — не обзавелся в родном мире никем, кто хотя бы заметит его отсутствие?

Он все же набрал номер Петюни — больше это требовалось самому Николаю.

— Сдурел?! Пять утра! — поприветствовал его старый друг.

— Петь, я хотел извиниться за те неприятности. Хотя и сам удивился не меньше твоего.

— Пять утра! — зачем-то повторил товарищ. — Даже для первых извинений в твоей жизни время неподходящее! Стой-ка, ты же не из СИЗО звонишь?

— Послушай, я уезжаю. Надолго или навсегда.

— Вот так решил? — уже спокойнее заговорил Петюня. — Логично после вчерашнего. Да я сам со вчерашнего дня все думаю, что глупостями мы занимались — у меня ж работа шикарная, чего не сиделось на месте, пока в неприятности не вляпался? Вот ты понятно чего, у тебя ж серьезного дела никогда и не было. А я-то зачем?

— Звучит так, будто я тебя на приключения силой тащил. Как какой-нибудь дьявол в неприятности.

— Не тащил, конечно, — Петюня задумался. — Сам шел, по дружеской инерции. Не я первый, не я последний, кто по дружеской инерции в неприятностях тонет. Но давно пора завязывать. Куда едешь-то?

— Сначала в Питер, там осмотрюсь и подумаю.

— Ну, счастливого пути, приятель. Пусть на новом месте у тебя все будет намного лучше, чем на старом. Это я тебе от всей души желаю.

— Спасибо.

После этого разговора Николаю стало совсем нехорошо. Он отправился в душ, чтобы в последний раз насладиться благами современной цивилизации. Проигнорировал Ноэ и Трину, которые тоже почему-то не спали и шушукались на кухне. После неспешно выгладил новую рубашку, которую берёт для особых случаев, почистил пиджак, натер ботинки. Вероятно, он мог взять с собой все что захочется, но оказалось, что и брать-то нечего: пару фотографий на память (мамы и групповое институтское фото), часы (отличную подделку под дорогой оригинал), зачем-то зубную щетку и пасту, как если бы всерьез не верил, что в черной империи уже придумали аналоги, а уточнять не хотел. Собственно, на этом все. Даже в смартфоне смысла не было, разрядится к вечеру и можно выбрасывать. Он не успел нажать ничего особенно ценного, но сейчас оглядывался с грустью, прощаясь то с чайником, то с холодильником, то со старым радио на стене, которое уже давно не включал. Как же странно устроены люди: они часто ворчат и не понимают, что живут в мире магии, где столько разных чудес. А заметить это способны, только если вдруг окажутся в месте, где подобного не существует.

Поняв, что дальше тянуть время попросту глупо, вышел к гостям и заявил:

— Ну и чего вы расселись? Мы идем мир спасать или продолжим гонять чай?

Трина, уже одетая в свой синий костюм, серьезно кивнула, а Ноэ молча улыбнулся. Николай, оценив прикид этой парочки и в очередной раз ужаснувшись, предложил:

— Я машину подгоню к подъезду, крикну, чтобы выходили. А до тех пор не показывайтесь — не будем соседей до инфаркта пугать, мы же с вами не злобные садисты.

На последнее они тоже не ответили, лишь многозначительно переглянулись.

Ноэ растерял всю свою самоуверенность, стоило автомобилю рвануть с места.

— Невероятно! — перемешивал он в крике восторг и панику. — Просто невероятно! Я летал на драконе, но это же совсем другой уровень впечатлений! На драконах-то каждый дурак летал и подтвердит, как неприятно, когда ветер бьет в лицо с такой силой, что нос в щеки вжимает. Вырулив на окружную дорогу, Николай еще прибавил газа, отчего крики «Невероятно!», «Храни меня тьма, это просто прекрасно!» с заднего сиденья стали еще громче.

— Вам бы, хоасси, немного у Трины самообладанию поучиться, — съязвил Николай.

Та в самом деле сидела с непроницаемым лицом и только следила за тем, чтобы машина ехала в правильном направлении. Ноэ парировал:

— Самообладание красит тех, у кого оно главная или единственная характеристика. Мне уж точно позволено иметь пару сотен недостатков, поскольку я обладаю такими качествами, которые никто не осмелится поставить под сомнение. Так зачем изображать спокойствие в любых ситуациях, если я не шорсир?

Николай усмехнулся:

— Слыхала, Трина? Наш самовлюбленный советник прямо заявляет, что спокойствие — твое главное достоинство.

— Он утрирует, но прав, — заявила она холодно. — Нам следует повернуть туда, но сможет ли этот механизм двигаться через чашу?

— Не сможет, — вздохнул Николай. — Сейчас объедем лесной массив, оттуда придется добираться пешком. То есть это не обидно, что тебя считают механизмом, наподобие чайника или машины, у которой есть заданные функции и ничего больше?

— Мне совершенно не обидно, Киан. У всех живых существ есть заданные функции. Даже у тебя, как ты должен был успеть понять.

А вот Николаю подобное сравнение было обидно, потому он и возмутился:

— И все равно! Неужели у тебя даже сомнений не возникает? Или личных желаний: улыбнуться, расплакаться, да хотя бы большой скорости удивиться? Откуда ты вообще взялась такая, что все по барабану, кроме единственного хозяина и его приказов?

Трина ответила так же раздражающе монотонно:

— Шорсир берутся из специальной школы для шорсир, Киан.

— Сама туда поступила? С высшим баллом по ЕГЭ? — не унимался Николай.

— Нет, конечно. Еще в младенчестве с помощью магии отбирают лучших из лучших, способных стать идеальными шорсир. Забирают от матерей и привозят в специальное заведение, где учат не реветь и не улыбаться без повода, а также...

— О нет, отложим эти страшилки на другой раз. Я за рулем! — прервал Коля ее объяснения. Ему хватило представления плачущей матери, у которой из рук вырывают новорожденную дочку. Подумал и добавил уже тише: — Вот в этом все и дело, господа плохиши. Некоторые вещи я принять не способен, да и не стану. Я обычный мошенник — у меня куча моральных принципов!

Ответил хоасси:

— К сожалению, мой лорд, это уже не имеет значения. Будем надеяться, что со временем все человеческое из вас вытравится, а иначе вам же будет плохо от собственного положения. Подобные надежды Николай разделить не мог, но продолжать дискуссии не захотел. Он и так был на грани того, чтобы передумать и вернуться домой. И пусть все миры горят синим пламенем, он сделает вид, что катастрофа произошла не по его вине.

По лесу пришлось идти километров пятнадцать, о чем тоже лучше бы заранее предупредили. Николай, до мозга костей городской житель, проклял за эти часы все на свете и был готов упасть ничком в землю и больше никогда не двигаться. Вот только не сомневался, что его подхватят бережные рученьки и потащат дальше, а это немного унижительно. Потому проклинал все на свете и шел дальше.

Уже смеркалось, когда он увидел вдалеке, между ветвями, странное свечение. Теперь уже с любопытством пошел дальше, забыв об усталости. Врата оказались самыми настоящими вратами: огромной аркой с вертикальными столбами внутри, наподобие решеток, и вся эта громоздкая бандура светилась синим, как клинок Трины. Он остановился, задрав голову вверх и погружаясь в какое-то невыносимое благолепие необъятной для сознания красоты.

— А если кто-то из грибников сюда явится? — спросил он тихо.

Хоасси тоже едва слышно ответил из-за его спины:

— Никто из аборигенов не может увидеть врата, сотканые энергией нашего мира.

— Но я вижу.

— Что и является самым исчерпывающим доказательством, мой лорд. Более того, управление вратами является одним из свойств магии вашей крови. Больше никто, даже я, не способен переходить между мирами в любых направлениях и сколь угодно раз.

Коля медленно выдохнул. Он так и не озвучил очень важную мысль, но на самом деле именно она придавала сил все время после согласия. Он способен управлять вратами, и пределов у этого умения нет, а это означало, что если его существование станет совсем невыносимым, или покажется, что даже сохранение миров того не стоит, он сможет просто уйти. Любая необходимость душит не так сильно, если за спиной остается хоть один несожженный мост.

Он шагнул еще ближе.

— Я должен их открыть?

— Могу и я, — хоасси тоже выступил вперед и пожал плечами. — Но тогда это займет намного больше времени, нас может унести куда угодно и вовсе необязательно целыми.

— Тогда лучше я, — выбрал Коля. — Как?

— Для вас это не должно составить никакого труда. Просто раздвиньте решетки или прикажите им разойтись, пропуская тех, кого хотите провести.

Приказывать Коле было пока сложно. Он протянул руки вперед — голубое свечение никак не ощущалось кожей — и повел, раздвигая. Решетки поддались без малейшего физического усилия — просто разошлись в разные стороны. Николай ощутил на спине холодные мурашки, не страх, а колоссальное волнение — он все-таки обладает магией и способен сделать то, чего

не могут другие. Тщеславие, не особенно претящее его природе, взметнулось вверх, к горлу, растянуло губы в неосознанной улыбке. Момент получился настолько впечатляющим, что он и не заметил, как прошел дальше, рядом с ним хоасси, а в шаге позади Трина.

Обернулся и вздрогнул от неожиданности: озаренные голубым свечением врата превратились в точно такие же, но уже желтые, цвета другого, его родного мира, ассоциирующегося с солнцем и чем-то очень приятным. Быстро же его догнала ностальгия... Николай взял себя в руки, выпрямился и снова развернулся к открывшейся панораме. Теперь он вздрогнул несколько раз подряд.

Из Трины вышел бы отвратительный военкор. Ее описания частично отражали действительность, но не передавали сути. Впереди распласталась долина, а за ней возвышались скалы неестественной, зубастой формы. Клыки скал пронзали небо, почти достигая луны. А та бесстыдно занимала полнеба, испещренная темными разводами, круглая и огромная, изливающая всепроницающий серый свет, отчего нигде не было достаточно темно. Это не черная империя, строго говоря, серовато-синяя, но от этого еще более жуткая. Николаю уже через минуту стало понятно, что спасение всех миров того не стоит.

Но до того как он успел развернуться к вратам, хоасси со всей силы ударил его по спине, роняя на землю. Первой мыслью Николая была очевидная: его сюда заманили и теперь не отпустят.

Но Ноэ упал сверху, бегло объясняя:

— Бегите. Я отбил воздушную атаку, но чувствую приближение второй — пока не знаю, кто именно нанес удар, но я вас прикрою. Трина!

— Конечно, хоасси, — отозвалась та, тоже почему-то оказавшаяся сверху Николая.

— Куда бежать? — возопил пострадавший.

— Отсюда, — почти спокойно ответил советник. — Желательно до замка. А здесь через несколько секунд будет тьма летающих плотоядных тараканов. Или еще поговорим?

О плотоядных тараканах Коле говорить совсем не хотелось, как и встречаться с ними. Потому он, едва освободившись, вскочил на ноги и понесся что есть мочи. Через два шага Трина догнала его, схватила за руку и потащила в другом направлении. Николаю бежалось легко, как на привязи, а сзади успешно подгонял нарастающий шум — даже оглядываться не хотелось, так превосходно работал на расторопность один только звук. Если бы его записать, из любого человека с ногами можно было бы сотворить олимпийского чемпиона по бегу.

Глава 10

Холодной мрачности замка Коля уже не удивился, наоборот, было бы странно, окажись замок не столь мрачен. Снаружи он напоминал огромную черную гробницу, а внутри походил на таковую еще сильнее. Стража на колоссальных воротах тоже впечатляла: трехметровые хвостатые исполины с сияющими красными глазами стояли вначале недвижимо, принятые Колей за статуи, но стоило приблизиться, как те абсолютно синхронно сделали шаг друг к другу, перекрывая проход. Однако, глянув жуткими огнями вниз, они тут же отступили и снова замерли изваяниями.

Трина потащила запыхавшегося Колю за локоть, но его начало разбирать любопытство:

— То есть и эти тираннозавры чувствуют мою кровь?

— Это демоны, обычные охранники, причем не самые сильные. Пока власть никому не принадлежит, в замке царит полный хаос и безответственность. И тебя они узнать не могли, Киан, им достаточно узнать меня.

— А, понятно, — Коля обернулся, но за черными стенами исполинов уже разглядеть не мог. — Ты тогда где-нибудь поблизости будь. Не хочу, знаешь ли, объяснять подобным гуманоидам, что я здесь по делу, а не просто поглазеть.

— Конечно, до возвращения хоасси я тебя не отойду. Я скорее умру, чем оставлю тебя без прикрытия.

— А он вернется? — засомневался Николай. — Там же тьма этих тараканов!

— Скорее всего. Вряд ли первого мага империи можно убить такой мелочью. Обглодают немного, но он быстро восстанавливается.

— Жуть какая. Но я рад, привязался к нему, как к родному: мерзкий типчик, но остальные, подозреваю, могут быть еще хуже.

— Если ты про хоасси, то никого из них тебе не стоит опасаться. Со времен существования во всех мирах добра и зла, то есть с самого рождения миров, Совет Тринадцати является главным защитником черного престола. И у белого престола такой же совет. Эти двадцать шесть сильнейших магов существуют только для того, чтобы ни одна из основ не была разрушена.

— Престола, — вычленил Коля главное, — а не лорда!

Трина даже шаг замедлила:

— В принципе, да, — признала она. — Значит, ты можешь опасаться хоасси, если те увидят в тебе недостойного претендента.

— Здорово! — воскрился Николай. — Плюс еще тринадцать потенциальных врагов. С тем миллиардом кровожадных насекомых как раз равное число выходит. Я люблю шорсир все сильнее. Мрачновато тут.

Он сильно преуменьшил. Все это время они шагали по огромному, бесконечному холлу, уходящему куполом вверх. На стенах смердели факелы, которые, вопреки всем законам физики, давали достаточно много света. Но от того картинка веселее не становилась: серые плиты на полу, черный камень на стенах и гулкое эхо от каждого шага.

— Ты сможешь переделать замок по своему вкусу, Киан. Конечно, после коронации. Никто не осмелится критиковать твой выбор, даже если ты прикажешь обклеить стены бумагой с безобразными цветочками.

— У меня в квартире красивые обои! — возмутился Коля.

— И я тоже не буду критиковать твой вкус, — монотонно поддакнула Трина. Она остановилась, когда коридор разветвлялся на два таких же размеров. Указала на правый: — Там тронный зал, но ты сможешь осмотреть его позже. Предлагаю пока оставаться в твоих покоях.

И отправилась налево, не ожидая ответа, как будто она здесь распоряжалась. Коля догнал без споров, ему тронный зал рассматривать вообще не хотелось. Надо признать, этот коридор уже поражал своей праздничностью: он был темно-синим, что после сплошной черноты казалось яркостью. И опять бесконечный путь. Они тут марафоны устраивают со всеми придворными? А иначе зачем такие расстояния? Чтобы вновь не погружаться в плохое настроение, Коля готов был болтать о чем угодно:

— Отлично, тогда ждем обглоданного хоасси. А потом что?

— Он и скажет. А я буду вынуждена вас оставить.

— Уже надоела моя компания? — немного обиделся Коля, для которого Трина здесь была единственным, а значит, почти родным, хорошо знакомым существом.

— Разумеется, нет. Но мы с хоасси уже обсудили дальнейшие действия. Я пойду к своим сестрам и попытаюсь убедить их встать на твою защиту. Они наверняка согласятся, ведь ты теперь и есть законный лорд. Лишь бы подобрать правильные слова.

— Им в вечном трауре интереснее, чем меня охранять? — он усмехнулся. — Ну, ты тогда разрекламируй, проведи полномасштабную пиар-кампанию. Приври, что я настолько черный, что даже мой папаша содрогнулся бы от моей черноты. Мне-то тоже выжить охота.

— Ничего подобного я говорить не стану. Не вижу смысла им лгать. Ты вправе призвать шорсир своего отца, но и они вправе не принимать твой зов. Нельзя получить вечную преданность ложью.

— И что же ты им обо мне расскажешь? — Коле стало любопытно.

— Чистую правду. Что в тебе от черного лорда только разрез глаз, форма носа и умение бегать, то есть медленно и царственно едва передвигать ноги.

— Эй! Ты им еще скажи, что я мягкотелая тряпка, которая жалеет котят! И тогда они сами меня прирежут!

Трина подняла глаза к высоченному потолку, глубоко задумавшись, затем выдала:

— Нет, не прирежут. В самом худшем случае не придут на твой зов. А без шорсир тебя прирежут враги.

— Слушай, да ты превосходный телохранитель, так и хлещешь оптимизмом.

— Моя работа в том, чтобы хлестать реализмом, Киан.

Трина резко остановилась и толкнула дверь слева. Николай опомнился и только теперь сообразил, что точно такие же двери из темного дерева появились задолго до этой. Он заозирался:

— Пришли? Но я ни за что не найду это место сам!

— Вот и отлично, Киан. Быть может, страх заблудиться и остановит тебя от глупых действий — например, от желания прогуляться по замку без шорсир. Проходи, пожалуйста. Добро пожаловать домой.

Скрепя сердце Николай прошел дальше и невольно поразился разноцветию. Большая комната буквально пылала роскошью Востока: оранжевые, желтые, зеленые и голубые тона резали глаза и выдергивали сознание из мрачности. Похоже, отдыхать лорды любят в человеческой, даже явно кричащей, обстановке, но Коля просто обрадовался и не стал придирааться. Запнулся о подушку на полу, но удержал равновесие, выпрямился и буквально через секунду чуть не был снесен с ног девушкой. Совершенно голой, если не считать тряпицу, которую она прижимала к груди. Девушку Николай разглядеть не сумел, зато теперь наблюдал за еще одним гостем: мужчина преклонного возраста подскочил на кровати и вытаращился на вошедших.

— Шорсир?... — проблеял он, синев от ужаса в тон предыдущего коридора. — Я... я... Я не думал, что...

Трина обратилась к Коле:

— Я говорила, что здесь бардак без правителя. Всех наложниц растащили, теперь вот ложе правителя пользуют, на удачу, наверное, — она повысила голос: — Как тебе удача, герцог? Нравится? Глаза в пол. На колени. Перед тобой наследник.

От такого тона даже Николай невольно потупился. А уж мужчина очень-очень жалко спросил: — А-а?

И через секунду, потрясая белыми телесами, рухнул на пол перед Колей, сгибаясь и пытаясь поцеловать пыльные ботинки. Николай отступил.

— Что мне с ним сделать? — равнодушно спросила Трина и подождала ответа, но Николай представления не имел, что отвечать. Потому она решила подсказать: — Все-таки герцог — важная персона. Можем ограничиться кастрацией.

— Да зачем? — Коля удивился. Хотел похлопать мужика по плечу, но решил к его наготу не приближаться. — Герцог — это круто! Иди, герцог, и чтоб больше ни-ни! — он суровейшим образом погрозил пальцем.

— Но... — Трина в кои-то веки выдала изумление, однако осеклась, ведь мужчина, едва услышав слова Коли, прямо на четвереньках помчался к выходу, успевая благодарить.

В итоге ей пришлось заканчивать уже без свидетеля:

— Но это немыслимо, Киан. Подобное нельзя оставлять без наказания.

— А за что наказывать? — Коля осматривал бархатный балдахин, привязанный к верхним перекладинам золотыми веревками. — За грехи и разврат? А разве тут не все этим занимаются? Мне же простыни перестелять?

— За неуважение, — менее уверенно сказала Трина.

Но Николай развел руками:

— Тут почти все мне враги, так пусть будет один друг в качестве исключения?

— Друг? — она приподняла бровь. — Это свидетель твоего милосердия, а не друг. Если у него не хватит ума держать язык за зубами, то уже завтра в стане твоих врагов прибавится. Как ты там выразился, тряпка? Я пытаюсь подобрать менее оскорбительное слово, но оно звучит исчерпывающе. Осмелюсь дать еще один совет: хоть кого-нибудь на кол посади. Хоть за что-нибудь. Тем самым ты решишь многие проблемы.

— Отстань, — отмахнулся Николай.

— Тряпка.

— Как ты сказала?

— Я спросила: не позвать ли слуг, чтобы навели здесь порядок?

— Сделай одолжение!

— Слушаюсь, мой лорд.

Николай разместился в удобном кресле, вытянул ноги и положил руки на подлокотники. Пора начинать себя чувствовать лордом, раз выбора не оставили. Хоть что-то же в этом положении должно быть приятным! Приготовился лениво и немного высокомерно наблюдать за работой служанок. Однако вопреки намерениям подскочил на месте, когда Трина после минутной отлучки вернулась, и вслед за ней в комнату потекли огромные мохнатые пауки.

— Что это? — он взобрался на кресло с ногами.

— Слуги, — безмятежно ответила Трина. — Самые расторопные и молчаливые во всех мирах.

Только через некоторое время Коля начал дышать, наблюдая, как пауки расползаются по покоем в разные стороны, кто-то даже на стены и потолок — и трут, чистят, полируют, удерживая в передних лапах щетки. Другие стягивают с кровати одеяла, третьи откуда-то несут новые. Уже минут через десять в комнате был наведен идеальный порядок. Вот только нормально дышать Николай смог после того, как последний из «слуг» скрылся за дверью, утаскивая с собой грязные полотенца.

— Ух! Бодрит! — признался он вслух. — У вас часто лорды от инфарктов мрут?

Он оглянулся на Трину, уже ожидая новой волны осуждения за человеческие реакции. Но оказалось, что она улыбается. Лишь заметив его взгляд, сразу нахмурилась и равнодушно заявила:

— Такого лорда этот престол еще не видел, клянусь тьмой. Какое счастье, что ругры немые и не смогут сплетничать. Но они надрывались от хохота, если тебе интересно.

— Какое счастье, что надрывались они молча! — отозвался Николай и отправился к постели. — Я спать. А ты плохо себя вела, будешь спать на кушетке... на любой.

— Позвать к тебе женщину, Киан, чтобы ты смог приятно закончить день?

— Ну уж нет, с меня хватит.

— Мужчину? — она не унималась. — Ругру, демона? Как ты относишься к тентаклям, Киан?

— Ой, избавь меня от своего сарказма! Ты мне так старательно понижала самооценку, что даже тентакли уже не заводят. Спи уже. Ты умеешь спать молча — я знаю.

— Как прикажешь, мой лорд. Черной тебе ночи. И пусть завтра солнце не взойдет.

— И тебе пусть, — согласился Коля и зарылся под одеяло.

Глава 11

Канализацию здесь уже изобрели, что Колю несказанно обрадовало. Не то чтобы он не верил в могущество местных магов — те наверняка при желании могли создать аналоги любым изобретениям, — вот только опасался, что вонючие реки и кисельные берега по всей империи могли рассматриваться как часть общего дизайна. Но нет, непривычное, но все же отхожее место предусматривалось, как и большая лохань для мытья с системой подачи и слива воды. Насладившись утренними процедурами и собственной чистотой, Николай напялил радужный халат и вышел из комнаты для омовений, как ее назвала Трина.

А там вздрогнул от неожиданности, увидев Ноэ.

— Хоасси! Утречка доброго! — Коля взял себя в руки. — Рад вас видеть в добром здравии.

— Черного дня, Киан, — советник чуть склонил голову. — Да, пришлось немного повозиться. Я вернулся ночью, но не стал тревожить ваш сон пустяками. А теперь нам пора переходить к делам.

Трина уже стояла возле двери:

— Я вынуждена вас оставить. Хоасси, прошу, не покидайте лорда до моего возвращения.

Он ответил ей, не оборачиваясь:

— Не волнуйся, Тринадцатая. Я не для того столько пережил, чтобы сегодня сжигать на ритуальном костре его труп.

Девушке такой ответ показался исчерпывающим, и она бесшумно испарилась.

— Позавтракайте, Киан, заодно и поговорим, — Ноэ указал на поднос.

Коля рассмотрел единственный стакан и что-то серое и мучное на тарелке:

— Негусто, — признал он. — Мне отчего-то казалось, что лордов должны кормить от пуза.

— Так и будет, если захотите, — кивнул хоасси. — Но пока ограничимся этим — снизим, так сказать, возможности отравителей.

Николай взял одну серую булку и вопросительно изогнул бровь. С двух краев различались явственные отпечатки зубов. В таком же состоянии пребывали остальные «деликатесы».

— Мы с Тринадцатой осмелились продегустировать. Я могу различить на вкус большинство ядов, а шорсир все-таки обычный человек, это итоговая проверка: она бы замертво, если бы вдруг я что-то пропустил.

— Заодно тоже позавтракали, — понял Коля.

— Заодно тоже позавтракали, — признал Ноэ. — И запили травяным отваром. Потому не удивляйтесь, что стакан наполовину пуст.

— Наполовину полон, — поправил Николай, который всю сознательную жизнь считал себя оптимистом.

Хоасси на такие мелочи не отвлекался:

— Итак, Киан, наши традиции требуют сначала представить вас Совету Тринадцати, затем всему двору, а после провести грандиозную коронацию. Настойчиво предлагаю упростить все до минимума. За последнее время опыт уже дважды показал, что грандиозные коронации — пустая трата казны, поскольку почти сразу переходят в такие же грандиозные похороны.

— Это вам для меня казны жалко? — Николай обиделся, чтобы не испугаться.

— Жалко, — спокойно признал хоасси. — Но дело не только в этом. Враги все равно попытаются до вас добраться — до коронации или после. И все же сам факт воцарения подарит нам еще время в случае неудачи.

— Одно удовольствие разговаривать с вами! Час от часу не легче.

— Благодарю, мой лорд. И предлагаю провести коронацию прямо сегодня. Дождемся только ответа шорсир.

— Вы уже все решили, так к чему этот треп?

— Чтобы вы в будущем не держали обиды, что праздник проведен не столь масштабно, как у тысяч ваших предшественников. И через много лет не поставили мне это решение в вину.

— А-а, — Коля невольно обрадовался. — То есть вы все-таки допускаете мысль, что я протяну много лет. С этого и надо было начинать! Где моя корона?

Хоасси улыбнулся, оставил вопрос без ответа и подошел к окну, интересно, зачем, ведь серый пейзаж там угнетал намного сильнее этой разноцветной феерии.

Трина вернулась через пару часов — вошла и ненормально звенящим голосом сообщила:

— Семь шорсир на твоей стороне, мой лорд!

Тон ее Николаю был не вполне понятен:

— Это хорошо или плохо?

— Хуже, чем если бы согласились все. И намного лучше, чем у двух твоих предшественников.

Я могу их пригласить, Киан?

Он кивнул. В комнату стройным рядом вошли шесть женщин разных возрастов. Самой старшей на вид можно было дать сорок с хвостиком. Но и она выглядела устрашающе: подтянутая, тонкая, как струна, со взглядом, убивающим наповал. Она же и подошла первой, упав на одно колено:

— Я буду служить вам, господин. Зовите меня Вторая или дайте новое имя.

Вслед за ней то же сделали остальные, за исключением Трины. И остались в этих же позах, устремив взгляды в пол. Николай поглядывал то на Трину, то на Ноэ — пусть подскажут, что он должен ответить. Но и они чего-то ждали: хоасси с улыбкой, а Трина с каменным лицом.

— Я счастлив, что вы согласились служить мне, — ответил он неуверенно. — Встаньте, прошу. Шесть фигур тут же вытянулись по вертикали, словно перетекли из одного положения в другое без малейших усилий. И опять с каким-то ожиданием. Николай набрал побольше воздуха — а точнее, побольше пафоса — и начал выдавать несусветное, входя в роль главного героя какого-то не самого умного фильма:

— Дорогие шорсир! Вы верой и правдой служили отечеству, то есть моему отцу, а теперь послужите и мне. Я доверяюсь вам полностью и надеюсь, что вы обо мне позаботитесь! Я есмь Тьма. Я есмь гарант мира во всех мирах. Я есмь... обещаю выдать вам премию, если доживу до конца следующей недели.

Шорсир коротко переглянулись и снова промолчали.

— В общем, готовимся к коронации? — прозвучало вопросом, адресованным Ноэ. Тот с удовольствием кивнул.

И нового лорда начали бесцеремонно раздевать в шестнадцать рук. Он не успевал отбиваться, а когда начал успевать — уже остался в одних трусах. И тут же его принялись наряжать: какие-то портки, рубаха, жилет из шелка, сверху жилет из парчи, сверху еще какая-то штуковина, названия которой Николай не знал, но она очень красиво развевалась при каждом шаге. Вся одежда в черном цвете, только последняя хламида расшита серебряными черепами. В итоге даже стоять было тяжело. Николай запыхался, пока шел к огромному зеркалу в комнате для омовений.

— Симпатично, — недовольно буркнул он. — Снарядили как Деда Мороза в последний путь. Надо было на барахолке закупиться перед отъездом. Надеюсь, мне не придется во всем этом шмоте ходить постоянно? Тут килограммов двадцать.

— Нет, конечно, — ответил хоасси из-за спины. — После коронации вы можете ходить хоть голым — никто и слова не посмеет сказать. Я ухажу, соберу в тронном зале весь двор. Вы с шорсир явитесь через полчаса.

Следующие тридцать минут Николаю показались полновесным рабочим днем. Шорсир отошли к окнам и двери и молчали как профессиональные партизаны, а Коля не мог придумать, о чем их спрашивать. И с Триной дружески болтать не осмелился, не знал, как это будет воспринято. Наконец-то одна распахнула дверь и склонилась:

— Пора, господин.

Трое шли впереди, две — по обе стороны, Вторая с Триной замыкали процессию, которую хоасси назвал недостаточно праздничной, а Николай воспринимал гротескно торжественной. И все сильнее ощущал себя не в своей тарелке, минуя коридоры и пролеты, слыша вдали нарастающий шум. Его недолгая изоляция от местного люда закончилась.

Тронный зал приближался, и там явно хоасси собрал толпу, когда только успел? Кто-то еще спешил из других коридоров, прямо на бегу низко кланяясь и юркая дальше, чтобы успеть сделать вид, что явились вовремя. Николаю было не по себе, хотелось хоть каких-то советов или информации о том, что его ждет. А если ему снова придется городить какие-то торжественные речи, то о чем примерно говорить? Потому он махнул рукой шорсир, чтобы шли дальше, а сам сдал назад к Трине. Строй сбился. Он кивнул в сторону, мол, отойдем на пару минут, обсудим.

И как раз в тот момент, когда шагнул от шорсир в сторону, кто-то пролетел рядом, направляясь в зал, едва задев край тяжелой мантии. Бедняга тут же был перехвачен шорсир и распластан на полу, корчась от боли в неестественно вывернутых конечностях.

— Что с ним сделать, мой лорд? — спросила Вторая.

— Четвертовать, — шепотом, но с явным нажимом подсказала Трина.

Николай посмотрел на лицо недостойного мерзавца, осмелившегося обдаться его подол легким ветерком — нарядно одетый мужчина лет тридцати на вид. Он выглядел таким перепуганным, словно расслышал слова Трины. И каким-то совсем не злодейским — вот возьми любого прохожего с городской улицы, наряди в черную парчу, он же злом от этого выглядеть не станет. Останется точно тем же бухгалтером или менеджером торгового зала, просто в нелепой одежде. Да и преступление его, мягко говоря, яйца выеденного не стоит.

— А пусть он... — Николай придал лицу наистрожайшее выражение. — Прямо сейчас пойдет в тронный зал и встанет в последнем ряду. Пусть ему будет плохо видно коронацию презрением! Отпустите его, шорсир, а то кто-нибудь самое худшее место в зрительном зале займет вместо него.

До сих пор он считал шорсир самыми уравновешенными существами во всех мирах, потому удивился, как одинаково они все на него вылупились. И еще больше сама жертва. Шорсир после промедления все же выпустили его, но мужчина так и остался лежать на полу. А после и вовсе запричитал:

— Я так виноват перед вами!

— Я понял, понял, — Коля неуклюже переступил с ноги на ногу. — Ты долго еще будешь валяться на моем пути?

Того подбросило вверх, но опустило почему-то на колени и лбом опять в мантию.

— Я снова разозлил вас, мой лорд! Недостойный, недостойный! Позвольте мне понести наказание и все же продолжить жить!

— Так я уже...

Но тот от отчаянья не слышал, он орал все громче, своим криком привлекая зрителей.

— Не губите, великий и мудрейший! Не губите! Сто ударов плетью заставят меня навсегда запомнить этот урок!

Сто ударов плетью, насколько разумел Коля, вообще много чего заставят, если не убьют. А этот будто сам выпрашивает. Мазохист? Николай спросил напрямик:

— Ты удовольствие, что ли, от порки получаешь?

Мужчина поднял голову и в полном изумлении посмотрел на лорда.

— Не-ет... — неуверенно проблеял он.

— Тогда чего спрашиваешь? — разозлился Коля.

— Жить хочу, — взвизгнул тот, пребывая все в том же страхе. — Не нарочно же... Благостно умирать по вашему приказу, но как-то обидно за то, что не нарочно... Накажите и тем самым простите мне грех.

— А я не хочу наказывать! — раздраженно рявкнул Николай. — Достали уже, честное слово. Иди уже с пути, недостойный, и больше не беспокой меня пустяками.

Мужчину как ветром сдуло. И вдруг шорсир, окружившие Колю со всех сторон, одинаково поклонились. Когда выпрямились, в их взглядах он разглядел что-то странное... уж очень похожее на уважение. Неожиданно. Ответила на невысказанный вопрос снова Вторая:

— Мой господин, я столько лет служила вашему отцу и считала его самым достойным лордом. Но теперь вижу — у него не было такой черной души, как у вас. Я счастлива служить вам. И теперь знаю точно, что и остальные шорсир к нам присоединятся, когда я поведаю им о вашей сути — для любой сестры это честь.

Коля все-таки притянул к себе Трину за локоть и шепнул:

— Что происходит?

Она ответила тоже немного заторможенно:

— Я поняла твою стратегию, мой лорд... Посмотри на них, — она взглядом указала на собравшуюся поодаль толпу. Посередине стоял вчерашний герцог и что-то шептал тем, кто слушал. Остальные зажимали рты и бледнели, будто пребывали в невысказанном ужасе. — Ты решил показать им зло в самом жестоком виде: полную непредсказуемость решений. Два преступника теперь лишатся покоя и сна в ожидании кары — а это страшнее, чем получить сто плетей прямо сейчас. Никто не удивится, если сами они в скором времени бросятся со скал, чтобы прекратить эти терзания. Теперь никто из них или свидетелей их рассказов не сможет быть уверен в том, что сделает следующий вдох. Ты лучший черный лорд из всех, каких видела эта империя! Любое зло падает ниц перед злом непредсказуемым.

— Я? Трина, и ты туда же? Ты-то должна понимать...

Она подтянулась выше к его уху и сказала едва слышно:

— Помолчи уже. Я-то понимаю, но пусть все остальные думают иначе. Великолепный ход, Киан, поздравляю.

Николай медленно выдохнул. Ну, раз так, пусть так и будет. Лишь бы подольше никого на кол не отправлять.

Глава 12

Придворные расступались и кланялись. Николай шел вслед за Ноэ, а думал лишь о том, чтобы не споткнуться — то-то смеху бы навел. Избыток внимания его не тяготил, все-таки не совсем светлое мошенническое прошлое научило держать покерфейс в любых ситуациях. Приняв беззаботный и почти скучающий вид, он уверенно направлялся к черному трону, который не выглядел особенно удобным. Но путь ему перекрыл какой-то старик в рясе. Склонился совсем немного — проформы ради. Из этого не особенно рьяного челобитья, его наряда и группы таких же мужчин за его спиной, Николай догадался, кого видит:

— Хоасси, рад приветствовать.

— Думаю, что радость Совета Тринадцати еще сильнее, мой лорд, — ответил тот, остальные согласно закивали. — Меня зовут Шур, я третий хоасси черной империи. Господин Ноэ, — он повернулся к сопровождавшему, — не слишком ли вы поспешили с церемонией? Вначале наследник должен быть представлен Совету, а нас притащили в тронный зал, как какую-нибудь челядь, сообщив о коронации уже по факту.

Ноэ скривился.

— Не придумывайте проблемы там, где их и без вас полно, советники. Представляю, — он махнул ладонью сверху вниз прямо перед носом Николая. — Киан из династии Кордов, второй в списке престолонаследия Тария, первый претендент на престол. Истинный наследник черной крови, что подтверждает тот факт, как легко он управился с воротами. Киан, перед вами Совет Тринадцати, сильнейшие маги империи и специалисты во многих областях, вы можете

обращаться к ним по любому вопросу, касающемуся правления или будущего черного престола. Все, формальности соблюдены, советники? Поторопимся?

И хоасси тоже были вынуждены расступиться. Вероятно, и они понимали причины спешки Ноэ. Шорсир встали по обе стороны от трона, но Николаю снова не позволили да него добраться и наконец-то уже посидеть. Ноэ ухватил его за локоть и резко развернул лицом к гостям.

Заговорил же со звенящей торжественностью:

— Черный лорд умер, да здравствует черный лорд! Пред вами Киан, законный наследник зла всех миров. Склонитесь, недостойные, ибо в его воле отныне и до окончания его дней вершить ваши судьбы.

Все дамы и господа, кроме хоасси, рухнули лбами в пол, Ноэ продолжал вещать еще что-то, столь же до смешного пафосное. И о черной душе Коли, и о его законном праве, и о том, что всякому, замыслившему против него, воздастся по заслугам и даже больше. Николай старался громко не хмыкать: что-то убийцам первого наследника ничего не воздалось, их даже не нашли. И не найдут, если те избавятся от следующего. Но торжественные речи обязаны быть фальшивыми и наполненными громкими словами. Ноэ все заливал, как будто чем больше он успеет сказать сейчас, тем дольше новый правитель протянет. И про «посей одно злое дело — пожнешь тысячу», и про «страх, способный выгащить из человека все самое тайное», ну и, конечно, про то, что «Киан Первый есть отсчетная точка любого страха и зла, потому чтить его и поклоняться ему — единственная цель жизни для любого плохого человека». Николай через полчаса откровенно заскучал, а под десятую слоями одежды уже явственно разгоралось адское пламя. Ему даже разглядывать было нечего: черный-черный зал с черным-черным полом, на котором распластались люди в черных-черных нарядах. Одни макушки видны. Коля обернулся и подмигнул шорсир, Трина округлила глаза, взглядом призывая его к порядку. Он так расслабился, что чуть не пропустил конец этой резиновой эпопеи:

— Итак, сегодня мы коронуем черного лорда! Встаньте и узрите начало новой эпохи!

Бедолаги, кряхтя после долгой неудобной позы, вскочили на ноги. Ноэ повернулся к правителю:

— Займите трон, мой лорд. Отныне это ваше место.

Николай с радостью уселся на неудобное возвышение, выпрямил спину и уложил руки на подлокотники, готовый принять корону и все остальное, лишь бы его уже отсюда отпустили. Все хоасси выступили вперед и лишь теперь поклонились низко — это хорошо, а то он уже начал подозревать, что они недостаточно уважительно к нему относятся. Поклонились и что-то забормотали, их голоса переплетались в единый монотонный вой. С ними же бормотал и Ноэ, тоже склонившийся.

Отчего-то эта молитва Николаю не понравилась, да так сильно, что захотелось вскочить на ноги и еще немного постоять. Но он даже руки от подлокотников оторвать не смог — кисти будто намертво приросли к холодному металлу. Впадая в панику, Коля захотел вскрикнуть, остановить, но звук застрял у него в горле вместе со вдохом. В ужасе глянув на Ноэ, он понял, что это его рук дело — хоасси почти хитро улыбнулся, не прерывая бормотания. Николай забился, задергался, но не смог изменить позы, а потом замер, когда увидел сотни устремленных на него взглядов — придворные замечали все его метания. И уж наверняка потом припомнят в рассказах, что он во время коронации выглядел перепуганным ребенком. Только эта мысль заставила Николая взять себя в руки, снова выпрямиться и начать растягивать губы в усмешке, мол, все у меня в порядке, и совсем даже не страшно. Это выражение лица продержалось недолго: ровно до той секунды, пока его ладони не пронзили какие-то шипы, вылезшие прямо из трона. Крик боли последовал бы неизбежно, но у Николая предусмотрительно забрали эту возможность, потому он просто с открытым ртом рассматривал окровавленные острия, насквозь прошившие ладони.

Ноэ выпрямился и принял корону из рук одного из Тринадцати. Сделана она была, вероятно, из того же металла, что и трон, что уже не вызывало никаких приятных ассоциаций. Черные иглы-кльки, наподобие окрестных скал, торчали сразу в обе стороны: вверх и вниз. Окончательно забыв о необходимости держать лицо, Николай с ужасом наблюдал за его приближением. Ноэ просто водрузил корону ему на голову — почти насадил с размахом, пара острых кльков расскла кожу на висках, по скулам побежала теплая кровь.

— Еще совсем немного, потерпите, — очень тихо сообщил хоасси, наклонившись.

Потерпеть? Да Николаю никогда в жизни не было так больно, страшно и одиноко. Он отчего-то думал, что конкретно этот маг на его стороне, и уж точно он не ждал, что именно Ноэ устроит ему пытки и даже заткнет рот, лишая свободы кричать. Все расхваленные шорсир будут смотреть на это с железобетонными минами, будто так и надо. Включая Грину, которую Коля зачислил чуть ли не в лучшие друзья. А еще он был почти уверен, что с минуты на минуту потеряет сознание от болевого шока и кровопотери.

Сосредоточившись на себе, он и не заметил, как гости начали расходиться. Уловил неожиданную тишину, окинул взглядом теперь пустой зал, где остались только шорсир и хоасси. Шипы дернулись сквозь ладони обратно, вызывая новый приступ боли. Корона полетела на пол, едва только Николай смог вновь управлять конечностями. Да и голос вернулся, а Коле уж точно было что сказать:

— Вы специально меня не предупредили! Иначе я бы плевать хотел на этот ваш престол!

— Ваш престол, — спокойно поправил Ноэ. — Потому я и не рассказал — не хотел рушить и без того шаткое согласие.

— И все равно вы были обязаны предупредить! — не унимался Коля.

— А я и предупреждал. Это вы предпочли не понимать буквально, что черный престол нуждается в черной крови. Хватит страдать, Киан. Этот ритуал следует теперь повторять не чаще раза в год, со временем привыкнете — было бы время привыкнуть.

— Раз в год?! Да я...

Николай вскинул руки, будто ждал какого-то понимания. И сам же осекся. На ладонях под размазанной кровью уже не было ран, а под кожей чувствовалась какая-то щекотка, будто там зарастает, восстанавливается. Он даже не сразу отметил, что боли уже несколько минут не ощущает.

— Это тоже свойство вашей магии, а она вошла в полную силу, — объяснил Ноэ. — Теперь понимаете, что никакой катастрофы не произошло? Но если бы я предупредил, вы бы сами накрутили себя до полного отказа.

Для Николая этот аргумент не являлся исчерпывающим, он все еще не мог унять злость. Голос подал один из советников:

— Господин Ноэ, а вы точно не ошиблись в выборе? Конечно, теперь у нас намного больше времени, но Киан Корд не производит впечатления тирана и деспота. Его отец, к примеру, если бы мы его в свое время не предупредили, сейчас бы полдворца разнес и завалил трупами хотя бы коридор до своих покоев — просто, чтобы выплеснуть раздражение.

Ноэ ответить не успел, вместо него заговорил Николай:

— А при таком подходе вы из меня быстро тирана и деспота сделаете! И психопата-маньяка для полной картины. Интересно, я могу приказать шорсир убить вас за то, что испортили мне настроение?

Первый хоасси ответил с улыбкой — ничего гада не берет:

— Во-первых, шорсир с нами не справятся. С нами никто не справится из ныне живущих. Во-вторых, когда первый всплеск злости пройдет, вы поймете, что с Советом Тринадцати черному лорду лучше дружить, чем враждовать. В-третьих... Киан, да поймите вы, что выбор уже сделан — вы верховный правитель и можете жить как вздумается, ваши действия никто не вправе ограничивать, кроме Тринадцати. Да и то мы будем вмешиваться лишь в том случае, если они будут угрожать престолу. Примите, смиритесь — и наслаждайтесь!

Николай отмахнулся и направился на выход из зала, шорсир бесшумно последовали за ним. Но через несколько шагов он остановился и развернулся.

— Я понял, что на самом деле происходит, хоасси. Правитель, лорд, основа основ — все это чужь собачья, вам нужна только моя кровь. Но никакой власти по факту вы не отдаете.

Усаживаете на престол черного лорда и не мешаете, пока он развлекается и убивает дворовых, как домашний питомец с плохим характером, пусть будет, пока под ногами не путается. И раз в год выступает донором. За эту неприятность его еще лучше кормят и гладят по голове.

— Даже если и так, мой лорд, — один из советников развел руками. — Разве это не та жизнь, о которой мечтает любой человек? Все зависит от того, как к этому относиться. Можно радоваться всем благам, а можно выискивать границы для своих решений. Вы и так получили намного больше того, на что могли рассчитывать в том мире, в котором существовали.

— Я не существовал — жил, — ответил Николай. — И дело было не в килограммах благ. Я там толком ничего не имел, зато был весь мир и миллиард возможностей. Здесь у меня есть мир, но ничего мне не принадлежит, кроме узкого списка «развлечений».

— Я не вполне понимаю, мой лорд...

— Еще бы вы поняли, — перебил Коля. — А вы, Ноэ, действительно ошиблись с выбором. Дело не в том, что вы меня не предупредили — пережил и ладно. Я просто не выношу, когда кто-то считает себя хитрожопее меня. Вы думали, что закидаете наложницами и подушками, жертвами для пыток и убийств, на том и решено. А меня же удовлетворит только полное осознание, что никто меня не поймел. Я профессиональный мошенник, черт вас всех дери, я просто не позволю считать себя куклой на веревочках.

И, не дожидаясь ответа, пошел дальше под тихий шорох шагов своих телохранительниц.

Глава 13

Коля ничего не мог поделать с собственным раздражением. Нет, чувство самосохранения ему не изменило, он прекрасно понимал, что не стоило ссориться с самыми могущественными магами, но удержать претензии невысказанными не мог.

В благодатную почву легла и новая злость:

— Да где моя чертова дверь?! — рявкнул он, оказавшись в знакомом коридоре. — Трина, дай нож.

Она с коротким поклоном указала на дверь — точно такую же, как десятки прочих, — и протянула кинжал, который теперь светился синим ярче. Николай подошел к своей комнате и дважды рассек деревянную поверхность. Оценил не слишком заметный крест и удовлетворенно кивнул:

— Так-то лучше.

Распахнул, но обернулся в проходе:

— А вы все куда собрались?

— Как же? — почти незаметно нахмурилась Вторая. — Мы должны постоянно присутствовать при вас, чтобы охранять.

— Вообще постоянно? — ужаснулся Николай. — Ну уж нет, дорогие. Мне не нравится толпа. Не нравится, когда эта толпа меня переодевает. Вы еще и мыть меня всем скопом начните.

— Как прикажете, мой лорд.

— Да нет же! — взвился Николай. — Сарказму я вас со временем научу. Наоборот, я хочу пожить в одиночестве, ясно? Сам себя мыть хочу, как бы ужасно это ни звучало. Трина, ну хоть ты понимаешь? Ты ведь видела, как я жил! Я даже тебя одну поначалу едва терпел.

— Видела, — признала она. — И ты теперь коронованный повелитель, Киан, имеешь право никому не позволять прикасаться к себе.

— Вот-вот! — Коля принял формулировку. — Мое царственное тело нельзя трогать. И вообще, моя царственная душенька любит уединение.

Одна из шорсир, голоса которой он до сих пор не слышал, выступила вперед:

— Ваша воля — закон, мой лорд. Но на фоне угрозы вашей жизни мы настаиваем на том, чтобы временно причинять вам некоторые неудобства. Мы не сможем защитить вас от убийц, если будем находиться в другом конце замка.

— Ну, пусть тогда Трина со мной остается, к ней я хоть немного привык. И почему сразу на другом конце замка? В ближайших палатах не вариант?

Поскольку шорсир недоуменно замерли, явно о таком не подумав, он направился к следующей двери сам и пинком распахнул — пора вживаться в царственную роль.

Двое мужчин, которых он видел на коронации, дружно подскочили и тут же склонились в глубоких поклонах.

— Вы переезжаете, господа, — заявил Николай. — Полчаса на сборы.

— Куда, мой лорд? — осмелился чуть приподняться один.

— Понятия не имею, — Коля сначала ответил, а потом обернулся к ближайшей шорсир и уточнил тише: — Куда переезжать?

— Понятия не имею, — ответила она почти тем же тоном.

Николай пожал плечами и резюмировал:

— В общем, у вас полчаса на сборы. Время пошло, не тратьте его на пустые разговоры.

Решив этот вопрос, он отправился к комнате с другой стороны от своей. Тоже распахнул без стука — пусть привыкают к его неадекватности, все равно здешний люд больше пугать нечем. А там он разглядел трех девиц, молодых, симпатичных и полуголых. Они даже не думали прикрываться в своих полупрозрачных... с некоторой натяжкой можно назвать эту одежду «платьями», присели в изящных реверансах так слаженно и гармонично, что Коля на секунду растерялся. Но потом вспомнил, зачем сюда пришел:

— Вы переезжаете отсюда! Вам час на сборы. Надеюсь, времени хватит, чтобы одеться.

На этот раз одна из шорсир шагнула ближе.

— Мой лорд, они как раз никуда не могут переехать. Это остатки наложниц вашего отца, от которых решили не избавляться и предыдущие престолонаследники. Им отсюда либо в вашу постель, либо на погребальный костер. Прикажете развести?

— Во-от как, — задумчиво протянул Николай и всеми силами попытался не разглядывать полуголых девиц. — Так они мне не нужны.

— Недостаточно красивы? — уточнила Трина. — Можно их убить только за то, что они посмели уродиться недостаточно красивыми для вас — этого во все времена хватало.

— Знаешь, ты тоже не красавица! — возмутился Николай, хотя и соврал: Трина даже на фоне милых наложниц казалась ему самой хорошенькой. — Дело не во внешности. Я, знаете ли, брезглив. Не хочу пользоваться кем-то после своих родственничков. Но и запах паленого мяса неприятно щекочет ноздри. Что предполагается делать в таком случае?

Шорсир — все, как одна, — видимо, ответа не знали, потому что просто смотрели на него, не моргая. Опять пришлось решать самому:

— Вспомнил, кто раздражает мой царский взор уродством. Эти, как их, уборщики... — он перебирал пальцами в воздухе, пытаясь вспомнить.

— Ругры, — милостиво подсказала Трина.

— Точно! Моя избалованная эстетика желает, чтобы мои покои убирала только красивейшие женщины. Эти сойдут. Пусть только оденутся.

Наложницы переглянулись, шорсир так и не сняли камень с лиц.

— Тогда мы можем переселить их в комнаты для слуг, мой лорд.

— Прекрасно, Вторая. Наконец-то мы начали друг друга понимать. Все вопросы решены?

Женщина коротко кивнула:

— Это не самый безопасный вариант, но мы будем нести караулы. И стоит только Тринадцатой позвать — тут же окажемся перед вами. Пока же вы отдыхаете, я попробую поговорить с остальными шорсир — если вы, конечно, не возражаете.

— Не возражаю, — отмахнулся Николай. — Трина, за мной.

Ему показалось, что телохранительницы сопровождают их какими-то странными взглядами.

Потому, оказавшись наедине, тихо уточнил:

— Это ведь ничего, что я все так раскидал? Я хочу выжить, но при этом не сойти с ума!

— Ты в своем праве, Киан. Шорсир в любом случае будут настороже, а я успею их призвать, даже если сюда ворвется армия убийц. Именно потому не думаю, что произойдет что-то подобное. Наверняка тебя попробуют отравить, как твоих предшественников. Но я буду следить за тем, чтобы твои блюда прежде дегустировали не меньше десяти человек, да и первый хоасси наверняка станет помогать.

— Даже интересно, сколько же мне будет оставаться от обеда, — вздохнул Коля. — Но я не о том спросил. Выглядели твои сестры как-то... напряженно, что ли. Они теперь тоже считают меня тряпкой?

Она думала почти минуту, потом уверенно качнула головой:

— Нет, вряд ли. Они узрели твою непредсказуемость. А их напряжение связано с другим — с жалостью ко мне. Шорсир редко показывают эмоции, но я все-таки им сестра.

— Не понял. А тебя-то им с какого перепуга жалеть?

— Ты выделяешь меня из прочих. Заставил называть тебя по имени, выбрал для своего уединения.

— Но ведь... для безопасности!

— Шорсир отстранены от жизни обычных женщин, но они многое видят. Все эти признаки ясно дают понять: я тебе нравлюсь. А это означает, что дни мои сочтены. Я жива ровно до тех пор, пока ты не захочешь поддаться соблазну.

— Чего?! — Николай очень постарался как можно круглее выпучить глаза. — Придумала тоже! Да ты вообще не в моем вкусе! Фу-у-у! — он почти правдоподобно скривился ей в лицо. — Я милых девочек люблю, нежных! А ты у меня ассоциируешься с глиняным истуканом.

— С кем, прости?

— Неважно! И не красивая ты вовсе — я уже говорил. Уродливая даже немного.

— Спасибо. Теперь и мне дышится легче.

Николай расхохотался, чтобы ей вообще легко задышалось:

— Росточком не вышла, совсем не блондинка, костюмчик этот — мрак! Фигура ужасная, как тебя вообще земля носит? Ноги... эм-м, прямые. Я люблю, знаешь ли, с естественной кривизной. Ресницы твои — хоть ножницами подстригай. Тебе кто-нибудь говорил о чудовищном цвете глаз? Как теплый песок на солнышке, тьфу, аж в комнате светлее становится. Нет, Триночка, у тебя ни единого шанса.

Ему становилось все жарче, он нервно оттянул ворот, чтобы подпустить немного воздуха. А она прижала ладонь к груди и произнесла едва слышно:

— Благодарю, Киан. Мне не страшно умирать по твоей прихоти, но я предпочла бы умереть после того, как защищу тебя от всех врагов. Помочь раздеться?

— Отстань, — почти рявкнул Николай и скрылся в комнате для омовений.

И лишь под тонкой струей воды признался себе, что чувствует легкое разочарование. Жаль, что Трина не простая девушка, тогда у него в этом мире был бы хоть один близкий человек. Или хотя бы шанс сделать ее таковым.

Он переоделся в свои джинсы и футболку. Вышел, молча поужинал каким-то бульоном из полупустой тарелки и вафлями. Экспертиза прошла успешно, раз ему все-таки доставили этот поднос, а Трина спокойно наблюдала за трапезой. По непонятной причине он чувствовал какую-то обиду, но не мог ее озвучить, однако вскоре не выдержал затянувшейся тишины:

— Трина, ты сама-то голодная?

— Нет, Киан. Я успела поесть. Из кухни теперь будут доставлять еду нам в покои. Кстати говоря, остальные шорсир присоединились — теперь нас тринадцать, как и положено. Но ты должен посмотреть на них и принять клятву.

— Позже, — он отодвинул тарелку. — Здесь все равно развлекаться больше нечем, лучше уж хотя бы знакомства растянуть подольше. Книжки-то хоть имеются? Изобрели уже печать?

— Имеются. Рукописные, — она кивнула. — Я распорядюсь, чтобы прислали из библиотеки.

— Тоже позже. А лучше завтра сходим в библиотеку вместе — я и тринадцать моих теней.

— Хорошо. Теперь я чувствую себя намного увереннее. Не могу представить ситуации, в которой мы все не смогли бы тебя защитить.

Они снова долго молчали. Николай все же озвучил мысль, которая его странным образом тревожила:

— Трина, а на твой вкус, я привлекательный? Внешне.

— Ты безупречен, Киан. Ни один мужчина не мог бы сравниться с тобой в красоте.

— А если бы я был толще на двадцать килограммов и ниже на двадцать сантиметров, ты бы ответила то же самое?

— Скорее всего. Ты ведь мой лорд. Я обожаю тебя по умолчанию, а не оцениваю.

Вот в этом и была причина его обиды — в фальшивости всего, что в этом мире делается и произносится. Коля встал и подошел к ней, ловя взгляд:

— Я приказываю тебе, Трина, всегда быть со мной честной. Даже если правда противоречит всем традициям, ты должна говорить только ее. Ясно?

Она будто вытянулась.

— Ясно. Я постараюсь, Киан.

— Тогда начни стараться прямо сейчас, что ты думаешь обо мне на самом деле?

Трина замаялась, подбирая слова, но вскинула лицо и сказала твердо:

— Что, быть может, отравление для тебя не самый худший исход. Что если ты выживешь и останешься правителем до конца своих дней, то всегда будешь чувствовать себя несчастным. Тебе не подходит это место, как и ты не подходишь ему. Но ты даже не пытаешься подстроиться, а сопротивляешься. И именно это сопротивление будет делать тебя несчастным.

Николай нахмурился — такого ответа он определенно не ожидал:

— И что бы ты посоветовала?

— Набрать гарем наложниц, взять книги, если тебе нравится чтение, завести дракона или ручного демона — делать все, о чем ты даже не хочешь думать. И делать это, пока не найдешь то, что начнет приносить удовольствие.

— А если единственное удовольствие, к которому мне не пришлось бы себя принуждать, недоступно?

Она намека не поняла или предпочла сделать вид, что не понимает. Молча пожала плечами и отошла к окну.

— Значит, дракона... — выдохнул Николай. — Во вторник я как раз совершенно свободен для рептилий.

— Это снова сарказм? — уточнила она в спину.

— Да какой там, жалкое подобие. Завтра пойдем осматривать мой замок. И одежду подходящую... где тут берут одежду? Неважно. Завтра и расскажешь.

— Черной ночи тебе, Киан. Пусть завтра солнце не взойдет.

— Не нагнетай.

Для сна было слишком рано, но Николаю требовалось время, чтобы все хорошенько обдумать и спланировать жизнь до конца дней. А потом составить еще один план — на случай, если конец дней наступит не на этой неделе.

Глава 14

— Трина, почему отстаешь? Иди ближе, будешь подсказывать правила местного этикета.

Стройный ряд шорсир вмиг перестроился, передвигая Трину ближе к господину и закрывая освободившееся место позади. Такой колонной они и перемещались по бесконечному замку, который Николай решил изучить.

— Этикет? — Трина говорила тихо. — Ты успел начитаться о белой империи, раз взываешь к их опыту?

— То есть у черных этикета нет?

— Есть... — она задумалась. — Но он определенно не касается самого черного лорда. Да и для остальных заключается в том, чтобы поклоняться тебе и творить зло в свободное от поклонения время.

— Повезло мне, — понял Николай. — То есть я вообще могу творить что вздумается? Даже десертной вилкой мраморную говядину есть?

— Понимаю, что это сарказм, но не понимаю половину слов. Но да, в таких мелочах никто не посмеет диктовать тебе правила поведения.

— Тогда почему чувствую себя узником, если моя свобода ничем не ограничена?

— Об этом я уже говорила. Потому что твоя свобода ограничена безопасностью и мнением совета хоасси, но ты склонен эти рамки преувеличивать.

Коля не спорил. Он уже успел над этим поразмышлять: по сути Трина верно заметила. Но что-то в самом его характере было такое, способствующее этой позиции. Например, Николай никогда не выносил давления. Сдать курсовую на день позже поставленного срока — это же интереснее, чем просто сдать курсовую. Высказать декану свое мнение — признак нормально развивающегося и мыслящего молодого человека. После института в Николае чувство протеста поубавилось, но сопротивляемость организма к любому насилию осталась. Был бы он хоть немного другим, сидел бы сейчас ответственным начальником отдела, быть может, в фирме Петюни — и самому Петюне Николая Анатольевича Радужкина ставили бы в пример. Хотя нет, не сидел бы, его все равно бы сюда притащили, но выпендривался бы определенно меньше.

Навстречу шел какой-то вельможа. Он остановился и склонил голову, приветствуя повелителя.

— Почему этот в пол не кланяется? — уточнил Николай у Трины тихо. Ему раболепие самолюбие не тешило, просто хотелось разобраться: он уже заметил, что только хоасси позволяют себе такие вольности, но только хоасси и могут подвинуть Николая с его места, если тот чем-то не угодит.

— Его положение это позволяет, — ответила Трина, когда они уже миновали мужчину. — Это герцог Тайгон Корд. Он десятый в списке престолонаследия.

— Что?

Николай остановился и обернулся, но мужчина уже скрылся за пролетом. Выходит, он только что встретил свою родню — единокровного брата. И отчего-то десятого в списке, хотя по виду мужчина старше Коли лет на десять. Очень странное ощущение, когда всю жизнь считаешь, что никого из родных на свете нет, а они вон — ходят и кланяются, но недостаточно низко. Однако радоваться он не спешил:

— Он может быть отравителем?

— Может, — кивнула Трина. — Хотя и не возглавляет список подозреваемых. Он постоянно здесь, на виду, герцог занимается вопросами внешней политики и контактами с глубинными тварями и имеет колоссальные доходы от своей должности. Если разбираться в мотивах, то ему как раз престол не особенно нужен, если исключить чистое тщеславие.

— О... внешняя политика, контакты с глубинными тварями, в институте мне такой курс не преподавали. Но мы все равно его подозреваем?

— Все равно, — ответила она монотонно. — Потому что чистое тщеславие встречается чаще холодного расчета.

— Понятно. И все-таки... брат. Какой-никакой. И много здесь наследников из списка отца?

— Почти все, Киан. Если считать Зиака десяти месяцев от роду, пятнадцать. Остальные живут в отдаленных поместьях или других мирах, но им как раз добраться до тебя сложнее всего. На всякий случай мы подозреваем и их. Но по последней версии хоасси лица из списка вообще могут быть непричастными, вы его слышали.

— Слышал... Трина, так, может, пора начинать налаживать отношения? Хотя бы с теми, на ком меньше подозрений?

— Зачем? — она вскинула бровь на полмиллиметра.

— Так ведь братья же. Никогда не думал, что у меня столько братьев, — и вот.

— И что?

— У вас тут родственные чувства ничего не значат?

— Какие еще родственные чувства?

— Самые обыкновенные! Или тут что, матери не любят своих детей, старшие братья не защищают сестренку от идиотов в школе, а бабушки не закармливают внуков до полусмерти? В последнее никогда не поверю! Кстати, а сестер у меня нет?

— Если и есть, то в списке они не указаны, потому не подлежат точному определению. Любят, конечно, — медленно ответила Трина. — Это же животные инстинкты, они присущи любому живому существу. Но ты говоришь о своей родне. Они тебе не братья, Киан, ты их лорд и хозяин, а не брат. И любой из них в какой-то мере хочет оказаться на твоём месте. Выходит, они тебе даже не посторонние, а потенциальные враги. Так к ним и относись.

Николай развел руками — ему все эти дворцовые интриги были непонятны.

— А вот я беру и приказываю — пусть все мои братья приходят на какие-нибудь чаепития. Заодно и проверим, кто запросто ест со мной одну еду и пьёт из одной чаши, то бишь не является отравителем.

— Зачем? — теперь она подняла бровь на целый миллиметр.

— Например, любопытно послушать про глубинных тварей. И про внешнюю политику. И про то, чем все остальные занимаются.

— Зачем?! — к первой брови присоединилась и вторая. — Киан, тебе этой чепухой можно не заниматься — и без тебя механизм более-менее отлажен. Твоя задача только наслаждаться своим положением!

— А-а, так я даже в этом свободы не имею? Император, которого даже к политике не подпускают?

— Почему же не подпускают? Просто это скучно, пусть черную работу выполняет чернь.

— Ну да. А я тут с ума схожу от веселья. Ты приказ слышала? Чтобы сегодня вечером организовали чаепитие!

— Организуем, — смирилась она и едва слышно добавила: — Если первый хоасси сочтет такое времяпрепровождение безопасным.

— К черту хоасси, Трина! — Николай не хотел на нее орать, но сдержаться уже не мог. — К черту ваши заведенные правила! Я твой лорд, в конце концов, может, хватит уже относиться ко

мне как к ручной обезьянке? Ежели моему величеству будет угодно развлекаться политикой или даже, мать хоасси за ногу, экономикой, то именно этим я и буду развлекаться!

Она покорно склонила голову:

— Твой приказ для меня закон, Киан.

— Хотя чего-то добился, — раздраженно отозвался Коля. — Где уже эта гребаная библиотека? Архив оказался грандиозным по количеству книг и невероятно узким по ассортименту.

Николай шел вдоль полок, читая только самые яркие названия:

— «Кровавое правление Норраша Кровавого», «Кровавое правление Зигмунда Беспощадного», «Грезы об апокалипсисе», «Сто один способ пыток с иллюстрациями», «Тысяча восемьсот грехов Родара Грешного»... Эм-м, Трина, а художественной литературы нет? — Она явно вопроса не поняла. — Детективов там... Это истории о том, как какой-нибудь умник раскрывает убийства.

— Пятьсот способов заморить человека? — предложила Трина.

— Нет, до этого я еще не дозрел. Или приключения? О том, как добро побеждает... м-да, сам уже понял, что здесь это было бы в разделе тихого ужаса... Ну, любовные романы на худой конец, это о романтических эмоциях.

— Как раз «Тысяча восемьсот грехов» подходят. Если пролистнуть первые пятьдесят глав. На старости лет Родар Грешный сделался особенно грешен в том вопросе, который ты ищешь. Николай, чтобы ее не обижать и самому окончательно не расстраиваться, талмуд пролистал, иногда зависая на некоторых картинках. Многолюдное порно он уважал, но к такому хард-порно надо еще привыкнуть. Как раз к возрасту Родара Грешного в семьдесят пятой главе Коля и подготовится. Этот и еще несколько томиков не особенно жуткого содержания он все-таки прихватил — чем-то перед сном надо заниматься.

— Теперь на кухню, — скомандовал он. — Хочу посмотреть на людей, которые готовят для меня еду до того, как в нее может попасть яд.

Радовало, что его странным желаниям удивляется только Трина. Остальные шорсир вообще делали вид, что оглохли. Коля и не стремился с ними сблизиться — не хотел портить о себе плохого впечатления. Попытался пока запомнить их хотя бы по номерам. Девушки и женщины были одеты в одинаковые темно-синие костюмы, все, как одна, стройны и подтянуты, а волосы зачесаны назад в тугие хвосты, потому даже различать их было не самой простой задачей. А чтобы не обидеть неверным обращением, Коля не обращался никак.

И что же он увидел, едва войдя в большую кухню? Вокруг работали мужчины и женщины, нарезаая овощи и помешивая бульоны, и все дружно делали вид, что не замечают того, что происходит в центре — а там одну из совсем молоденьких служанок разложил прямо на столе какой-то пижон в красном сюртуке, задирая ей юбки до самого лица. Девушка повизгивала, но слишком уж рьяно не отбивалась.

— Что происходит? — Николай вежливо хлопнул пижона по плечу.

Тот подскочил на месте, разворачиваясь в воздухе, а полуспущенные штаны за его маневром не успели и сползли вообще до самых колен. Он довольно быстро взял себя в руки и склонился:

— Черного дня, мой лорд! Прошу простить, мы не ожидали увидеть ваш темный лик здесь, среди нас, недостойных.

— Кто такой? — спросил Коля у Трины.

Но пижон ответил сам, склонившись еще ниже:

— Маркиз Оллен, мой господин! Еще при вашем отце был назначен главным управляющим на кухне.

— Маркизы следят за поварами? — удивился Николай.

— Я очень прогневил вашего отца, — ответил тот шепотом. — Но эта работа мне по душе, если вы сочтете меня достойным ее выполнять.

— Вижу, — сказал Николай, разглядывая девушку, тянущую вниз подол платья, но все еще не убегающую. — А слуг моих зачем портишь, маркиз?

— В каком это смысле порчу? — не понял тот и даже немного приподнялся.

Николаю пришлось поразмыслить. Вероятно, не считаются тут изнасилования на глазах у десятка свидетелей ничем особенно вопиющим. И как таким моралистам объяснить свою скромную точку зрения? Коля выпрямился и посмотрел на негодяя сверху вниз:

— Я зол на тебя, маркиз. За то, что ты когда-то прогневил моего отца, хотя понятия не имею, что ты там натворил. Раз на колу не посидел, значит, ничего непоправимого. Но я все равно зол. Злости во мне, знаешь ли, столько, что плещется и плещется.

Тот, не разгибаясь, сумел вывернуть шею так, чтобы продемонстрировать расширившиеся от ужаса глаза. Коля продолжил, пока тот не начал нижайше умолять о пощаде — тут за всеми такая привычка водилась:

— Я наказываю тебя. Отныне ты не можешь взять ни одну женщину, пока она трижды и на глазах десяти свидетелей разных сословий не заявит, что не против. Все присутствующие обязаны доложить, если маркиз вздумает послушаться.

— Это... это... — маркиз нервно сглотнул.

— Что, жестоко? — подсказал Николай.

— Это... А как же я буду жить? Ведь похоть не заглушишь... я же через неделю-другую на стены начну лезть...

— А вот придумай что-нибудь. Руки тебе на что? Правильно. Цветы девушкам дарить, может, какая и сподобится принять такие ухаживания.

— Но это... немислимо! — отважился тот на почти хамский тон.

Николай наклонился и проговорил медленно, глядя прямо в глаза:

— Я исчадие самого чистого зла. Или ты думал, что отделаешься какой-нибудь ерундой, типа должности кухонного управляющего? — Коля выпрямился. — Кстати, Трина, напомни потом для всех такой же указ издать — вот смеху-то будет, когда они в таком кошмаре выживать начнут. Онанизм здесь уже изобрели? Изобретут. А то ишь, расслабились совсем с добродушными правителями и банальными четвертованиями.

— Напомню, мой лорд. Преклоняюсь пред вашей жестокостью.

Маркиза трясло, девушка наконец-то осмелилась слезть со стола и вжаться в дальний угол. Все остальные смотрели, распахнув глаза и рты. Вряд ли с благодарностью, но с каким-то оцепенением.

— Итак, — Николай хлопнул в ладоши, отчего все, кроме шорсир, вздрогнули. — Откуда продукты доставляют? Что-то я по соседству крестьянских полей не видел.

Ему никто не ответил, маркиз все еще оставался погруженным в себя и что-то перебирал в голове — видимо, решал, как теперь будет выживать. Потому Николай поторопился:

— Секретарь! Тьфу, Трина, я вопрос задал.

— Да, мой лорд. Часть продуктов создается рабским трудом в дальних поместьях, но большую долю получают за счет набегов на белую империю. Грабежи не только этот замок прокормят, наши добытки преуспевают. А вражеские крестьяне настолько тупы, что только зерно научились выращивать, а как следует защищаться — нет.

— О, вот теперь я и экономику понял. Просто чудесно. А никому в голову до сих пор не приходило, что вражеских крестьян можно на свою сторону переманить? Если им еще и платить, то производить они будут куда больше.

— Зачем платить, если можно отобрать? — не поняла Трина.

— Действительно, зачем... — подхватил и кто-то из поваров.

На это так сразу и не ответишь. Надо хорошенько подумать, как провернуть подобное под видом жестокого зла. Замутить потом что-то о прибавочном продукте при здоровом капитализме, или до такой идеи эта цивилизация будет зреть еще тысячу лет? Но не зря Николай много лет учился блефовать — он посмотрел на Трину и ответил сразу всем:

— Здесь вопросы задаю я.

После чего гордо вышел из кухни, оставляя за собой страх и трепет. А потом не стал противиться хорошему настроению и запел под нос: «Сколько я зарезал, сколько перерезал... Сколько душ невинных загубил...»

Глава 15

Первый хоасси появился только после обеда следующего дня. Вошел без стука и свалился в кресло. Начал тоже без приветствий:

— Ну и шороху вы навели во дворце, мой лорд.

— Надеюсь, это комплимент? — Николай отвлекся от книги.

— Комплимент, — неожиданно признал Ноэ. — Знаете, что у каждого правителя появляется прозвище? У вас, я предполагаю, будет Киан Мутный, если я правильно использовал лексику вашего мира.

— Мудрый? — уточнил Коля.

— М-м... Нет. Но это не так уж и плохо. Мучить придворных моралью своего мира — это уж точно мера неожиданная, вас каждый проклинает, уж поверьте. Только не давайте им поблажки, раз начали.

— О, не волнуйтесь, — Николай обрадовался похвале, когда ожидал критики. — Меня тут так много всего не устраивает, что я обеспечу всем веселуху до конца правления. Однако понимаю, что вы не хвалить меня пришли, а ругаться. Когда уже начнете?

Ноэ задумчиво почесал указательным пальцем щеку.

— Как я понимаю, мы можем откровенно говорить при Тринадцатой, она все равно в курсе всего, — Николай кивнул. — Как прошло отvaroпитие с остальными наследниками?

— Чаепитие! Хотя пили какой-то отвар, но суть та же, — поправил Николай и продолжил с вызовом: — Прекрасно прошло! Мы уже через час без умолку болтали с братьями, они наперебой рассказывали обо всем, что здесь происходит! Уверен, через пару таких чаепитий мы станем лучшими друзьями!

Ноэ скептически глянул на Трину, но та не подвела и вовремя уставилась в окно, будто что-то там разглядывая. Потому хоасси пришлось с тем же скепсисом уставиться на Николая.

Последний выдержал долгий взгляд, подумал, мысленно махнул рукой и сдался:

— Да никак не прошло. Стадо чурбанов. Сидели, будто их сюда силой привели...

— Так их силой и привели, — встала Трина, не отвлекаясь от созерцания пейзажа.

— Ну и что? Сидели сине-белые, даже есть и пить пришлось заставлять. В первые пятнадцать минут я их всех причислил к отравителям, уж больно заметно им кусок в горло не лез!

Ноэ с улыбкой пожал плечами:

— Это ничего не доказывает. Все в курсе, что вас могут отравить, но это не означает их причастность. И так, вы силой их сюда притащили, силой накормили. Понравилось общение?

— Да хватит вам уже стебаться, честное слово! — Коля досадливо поерзал. — Я спрашиваю: «А вы какую должность занимаете?» А он мне: «Организация оргий, мой лорд, но на фоне последних событий предпочту ничем не заниматься». Я спрашиваю другого: «А вы женаты?» А он: «У меня гарем на триста персон, но если прикажете, мой лорд, то я сегодня же женюсь на каждой». И так по любому вопросу! Щипцами приходилось вытягивать, а отвечают сухо и боятся лишнее слово сказать.

— Интересно, а вы чего ожидали? Большинство сыновей вашего отца богаты и влиятельны, но не настолько, чтобы рисковать вас разозлить. А сейчас вас буквально все боятся, потому что представления не имеют, что вы на самом деле собой представляете. Не дайте им представления о настоящем положении дел. Или хотя бы не в ближайшее время.

— Вы постоянно упрекаете меня из-за характера. Ноэ, а кто вам виноват, позвольте полюбопытствовать? Кого вы сами-то вините в том, что происходит? Посмотрел я вчера на своих братцев, стадо чурбанов, но в любого ткни и сделай черным лордом. Но нет же, вы сами вцепились в меня.

— Вы неверно поняли, Киан. Я никого не виню, а хвалю себя за это решение. Вы немислимы. Но происходит что-то действительно опасное. В нетипичных ситуациях спасают нетипичные меры. Я ставлю на вас, Киан, хоть вы и мните меня врагом.

— Я-то? Да у меня и без вас тут неприятелей хватает.

— Понятно. Тогда почему вы не пришли на совет хоасси, куда вас позвали сегодня утром?

Николаю тоже захотелось подойти к Трине и поразглядывать пейзаж. Но трусостью он никогда не хвастался — не собирался и начинать:

— А я себе дракона присматривал. Занят был.

— И как, присмотрели?

Коля невольно содрогнулся. Утром, как раз сразу после появления служки с распоряжением немедленно явиться на Совет Тринадцати, он решил выбрать себе домашнего питомца. Трина пыталась его отговорить, но вынуждена была последовать приказу и, конечно, вместе со своими сестрами побежала показывать ему драковедник.

Домашнего питомца Николай так и не выбрал. Зато теперь точно знал, что в темной империи самое страшное. Твари были гигантские и без капли очарования, которым их щедро снабжают в современных сказках. Огромные, устрашающие, вонючие махины, которых он не сразу разглядел за огромными, устрашающими, вонючими кучами драконьего дерьма. Уходом за этими животными занимались демоны, но это как раз понятно. Непонятно другое, чем он сразу и поинтересовался у Трины:

— Слушай, не могу понять, демоны даже с виду сильнее десятков людей, с драконами вон управляют. Почему тогда они преклоняются передо мной, как перед существом более могущественным, а не пытаются к чертям собачьим захватить и этот, и все остальные миры? Неужели тоже из-за устойчивости самого престола?

— Отчасти, Киан. Но они бы могли просто разводить наследников черной крови, как разводят драконов. И использовать вашу кровь по мере необходимости, но не служить вам.

— И я об этом же подумал! — ответил Коля, который о таких жутких инкубаторах, где разводят людей определенной породы, даже помыслить не мог.

— Главная причина в другом. Демоны физически сильны, но глупы — почти как те самые драконы. Можно сказать, что люди вытащили их из животного мира, где те существовали на одних инстинктах, но в их преданности не стоит сомневаться.

— Бред какой-то. Рано или поздно они восстанут против своих «спасителей», если у них только нет природной склонности к мазохизму. Сколько этот нейтралитет будет продолжаться? Десяток лет?

Трина остановилась и серьезно посмотрела на него:

— Я жила в твоём мире достаточно долго, Киан, и мне непонятно твое удивление. Твои одномирцы держат в домах псов, и почти любой из них мог бы разорвать хозяина. Но они служат, охраняют и даже рискуют своей жизнью ради людей. Это свойство их природы. Сколько это продолжается? Десяток лет? Почему ваши демоны должны быть полезнее наших?

На это Николаю возразить было нечего. Он о собаках, как о прирученных демонах, никогда раньше не задумывался. Особенно когда были темы интереснее:

— Трина, а ты никогда не задавалась вопросом, что ты тоже как та собака? Защищать меня, умереть за меня без раздумий, исполнять все мои приказы — а ведь ты умная, внимательная, ты склонна к анализу. Неужели ни разу не возникло дилемм?

— Шорсир с детства учат не задавать себе вопросов, которые могут породить дилеммы. И никто их нам не задает. Ну, до твоего появления здесь.

— А-а, то есть мое благополучие зависит от того, не задаст ли себе случайно шорсир неправильный вопрос?

— Ты так любишь все усложнять, Киан. Выбирай себе дракона — демоны объезды для тебя любого...

Ноэ вырвал Николая из размышлений:

— Я спросил, вы дракона-то себе присмотрели?

— Не присмотрел! — со злостью отозвался Коля. — Подумал, что если даже на одного вскарабкаюсь, то потом снимать меня оттуда будут под дружный хохот всей империи. Я лучше потом себе драконьша выберу, чтоб с собаку размером хотя бы поначалу. Если не передумаю, конечно. Я, Киан Непредсказуемый, оставляю за собой право передумывать по три раза в день.

— Тогда почему вы не явились на совет, — Ноэ прищурился, — если все равно занимались ерундой? Могу ли я предположить, что это ваш протест, бунт?

— Можете, конечно. Предполагайте что угодно, дорогой хоасси. Но я на самом деле очень хотел посмотреть на драконов — так сильно, что не смог себе противостоять. И в следующий раз, когда меня в приказном порядке куда-то захотят «пригласить», тоже захочу смотреть на драконов, глубинных тварей или летающих монстров, уж будьте уверены.

— Ваш инфантилизм сильно отдаёт глупостью, мой лорд. Зачем вы противопоставляете себя самым могущественным вашим союзникам?

— Потому что если бы случилось что-то важное, требующее моего участия, то все хоасси плюнули бы на чины и сюда бы прибежали. Нет, меня звали не для важных вопросов — мне вообще не доверяют никаких важных вопросов. Просто рассмотреть поближе, отчитать за косяки и показать, где мое место. Я не прав?

— Правы, — обескуражил Ноэ честностью. — Но это не значит, что ваше поведение умно. Мой лорд, после того как вы не явились, многие хоасси начали думать, не ошибся ли я. Еще пара

таких эпизодов — и вам не понадобятся враги, сам Совет Тринадцати от вас избавится. И виной тому будет только ваша детская склонность к революциям.

— А знаете что, Ноэ? Мне в любом случае ничего не поможет, кроме того что вы сами и озвучили, моей нестандартности. Если делаете ставку на нее, так хватит полумер. Объясните своим коллегам, что моя неадекватность и есть ваш стратегический маневр. Я вроде бы никакого вреда престолу еще не принес? И пока не будет хоть одного тому опровержения, вы можете заливать остальным советникам что угодно. Ведь можете?

— Могу. Я не зря первый. Лишь бы мне самому не усомниться в верности ставки.

— Вот тут ничем пока помочь не могу, сам адаптируюсь. Вы умеете в покер? В преферанс?

— Карточные игры? У нас нет подобных развлечений, но я видел карты в вашей квартире, да и Тринадцатая рассказывала о турнире с другими игроками, меня это занятие заинтересовало.

— Я тут случайно обнаружил в заднем кармане джинсов колоду. Садитесь поудобнее, Ноэ! Вы определенно не дурак, потому хотя бы «дурака» потянете. Трина, садись тоже, я объясню правила.

— Как прикажешь, Киан.

— Не приказываю, а зову! — ответил ей Коля. — Внедряю в эту цивилизацию хоть какой-то прогресс! Моду обосновываю, ежели угодно. Может, здесь все такие злые, потому что азарт некуда выплеснуть?

Через час Трина с Ноэ уже вполне освоились. Через два — Николай проиграл хоасси четверть имперской казны, а Трина — свой кинжал. Именно последнее разозлило Колю особенно сильно, потому он начал подозревать неладное и приглядываться лучше:

— Вышла пиковая дама! Трина ее пять минут назад скинула! Откуда она у вас взялась?

Он перевернул откинутые карты с последней раздачи и с удивлением увидел там пиковую даму, точно такую же, какую сейчас выкинул Ноэ, чтобы отбить козырем. Озадачился:

— Э-э... это какой-то новый уровень мухлежа... Что происходит?

Вид у хоасси был довольным — ему явно нравилось осваивать новое занятие.

— Я сотворил карту, которая мне понадобилась, мой лорд.

— Но это же нечестно! — взвился Коля.

— А-а-а. То есть прятать десятку в рукаве в прошлой партии было честно?

— Не только десятку, — поддержала его хладнокровная Трина. — Шестерка, трефовый валет и бубновая семерка до сих пор там.

— Да вы, да вы... — Коля задохнулся возмущением, но снова уселся на место, продолжив уже другим тоном: — Ребят, да вы потрясающие! Переходим к более сложным играм. Такой командой мы весь двор разденем.

— Ты просто можешь приказать им всем раздеться, — подсказала Трина.

— А в чем тогда интерес? Побеждать должен не тот, у кого власть, а тот, у кого хитрость и ловкость. Нет уж, Триночка, я тут всех этих закостенелых негодяев, которые злобствуют только по статусам, выведу на новый уровень зла. Ноэ, завтра вы свободны? Сейчас постигнем покер, а завтра будем изобретать велосипед... в смысле, казино!

— Я в деле, мой лорд. В совете в последние двести лет все равно скучно.

— И велосипеды изобретем! Достали эти километровые коридоры!

Ноэ поразмыслил, разглядывая червонную даму на картинке.

— Если вы сможете объяснить мне устройство, то попытаемся. Только подобные механизмы можно будет выигрывать... э-м-м, например, все скидываются определенной суммой монет, а победителем становится только один. Весь излишек — в казну.

Николай прижал руку к груди и проникновенно произнес:

— Вы мой кумир, хоасси. Вы только что придумали самый главный лохотрон человечества, лотерею.

— Должен признать, что подсмотрел эту идею по вашему телевизору.

— И все равно, Ноэ, именно вашим врагом мне быть не хочется. Признаю это теперь с полным осознанием дела.

— Рад узнать, что сегодня приобрел в вашем лице друга... и четверть казны.

— Отменяется выигрыш! Если мухлеж раскрыт, то никакого выигрыша!

— Замок себе отдельный выстрою...

— Ноэ, ау! Я с кем разговариваю? Трина, подтверди, что если поймают, то бьют — и никакого выигрыша.

— Из нас троих никого особенно побить не удастся, Киан. Я не смогу хоасси даже ранить, он меня может только испепелить, вряд ли ему удастся нанести хоть один удар. А вас мы оба обязаны защищать. Даже не знаю, на кого ставить в этой смешной драке.
— Только гляньте на нее — разговорилась, не уймешь! Раздавай!
— Да, мой лорд.

Глава 16

Два дня пролетели в веселых хлопотах. Ноз с упоением изобретал велосипеды, Николай вновь приказал всем братьям собраться на чаепитие и в ходе его обучил родню играть в простые карточные игры. Они все равно оставались угрюмыми и замкнутыми, даже ставки делали так, будто Коля их принуждал. Но он решил, что не все сразу, и отпустил товарищей на вольные хлеба — сеять по замку разумное, доброе, вечное. Быть может, без принуждения они и постигнут истинный смысл подобных развлечений. Особенно после того, как Николай лишил их некоторых обычных занятий, за которыми они привыкли коротать вечера. Свидетельством первых изменений стала вопиющая сцена, когда Коля застучал одного из герцогов впихивающим красавице-служанке полузавядший букет синих цветов.

— Возьми, сказал!

— Не хочу брать, господин, — довольно смело отнекивалась та.

— Возьми, раздери тебя демоны!

— Ну да. Раз возьму, два возьму, а потом вы посчитаете, что получили мое согласие... — заметив первых шорсир, она глубоко склонилась, приветствуя черного лорда.

Герцог тоже склонился, но уж больно явственно скрипел зубами. Николай поинтересовался у Трины:

— Это его отказы так злят, что он меня проклиняет?

— Конечно, злят, Киан. Жизнь во дворце превратилась в пыточную камеру. Я имею в виду тех, кто до сих пор ни в чем себе не отказывал.

— Ну, ничего страшного, — Николай развел руками. — Пусть еще цветы дарит, пока она не сдастся.

— Сомневаюсь, что его надолго хватит, мой лорд. Цветы эти ему доставили с черных скал, стоимость такого букета вышла в круглую сумму. Ему дешевле было усыпать ее драгоценностями. Твое распоряжение завоевывать девушек букетами — в черной империи то еще развлечение. Особенно непонятно, почему и как девушки должны реагировать на эти растения — вот они и не реагируют.

— Серьезно? — Колю новость только рассмешила. — Тогда кто-то рано или поздно догадается, что работают не только цветы. Точнее, раз цветы не работают, в ход пойдут колечки и серьги. У нас тоже давно перешли на такие денежные единицы при завоевании женщин. Но не будем подсказывать, пусть помучаются.

Она тихо уточнила:

— Неужели ты это делаешь для того, чтобы спасти девиц от похотливой знати?

— Нет, конечно! Просто люблю издеваться. А над знатью куда прикольнее издеваться, чем над девицами.

Черного лорда боялись все, и тем не менее нашлись такие, кто не смог сразу перестроиться.

Сминая колпак от волнения, возле покоев Коли мялся один из пекарей. И забубнил сразу, как только перед ним остановился правитель:

— Вы приказали докладывать, мой лорд. А кому докладывать, куда докладывать не приказали.

Вот я и прибежал сюда, не знаю, куда еще... Вообще бы не прибежал, да жена говорит, а вдруг лорд сам узнает, а потом и нас всех казнит за молчание? Вот и... того...

— Докладывай, — великодушно разрешил Николай. — Только покороче.

— Маркиз... управляющий наш... он ослушался. А мне что, недостойному, делать? Кого слушать? Племянница моя сегодня на кухню опять зареванная пришла. Спрашиваем — молчит. А еще спрашивать начали — совсем разрыдалась. Не оставил ее господин Оллен, а с голодухи так совсем озверел... она ходить-то едва может, а я ее с кухни даже отпустить не могу, потому

что он там... вроде как начальство... Не велите казнить, государь, — и мужик снова согнулся в три погибели.

Николаю стало холодно. До сих пор казалось, что он ведет главную роль в комедийном фильме, а все остальные дружно подыгрывают. Но в реальности люди не перестраиваются в мгновение ока, кому-то показалось, что достаточно будет прилюдно не нарушать правила, а по ночам да в спальнях — никто и не узнает. Не сама же девица побежит докладывать, особенно если ее припугнуть. Николай не задумывался о том, что до его появления все было еще хуже, но теперь-то он тут самый главный, хотя бы формально, человек. И при его же присутствии какую-то девчонку насиловали...

Трина отвлекла его от мыслей, коснувшись локтя и прошептав:

— Я бы посоветовала...

— Тихо, Трина, — прервал Николай. Ему стало еще холоднее. В родном мире насильников в тюрьму отправляют, но здесь такая мера покажется слишком мягкой — ни на кого не подействует. С каждой секундой он будто льдом изнутри заполнялся, но заговорил громко: — Взять маркиза Оллена, вывести во двор перед замком, привязать к столбу, отсечь ему достоинство и оставить так, пока не истечет кровью. Хотя и потом не убирайте — пусть три дня труп там торчит, чтобы все успели полюбоваться.

Шорсир склонились, две отправились выполнять распоряжение, лишь только Трина смотрела удивленно и одобрительно — не верила, что он когда-нибудь созреет до настоящей казни. По ее мнению, давно было пора сделать нечто подобное, чтобы укрепить славу тирана. Но Николаю для того потребовалось чуть больше, чем просто необходимость репутации. Он чуть было не пожалел о решении — все-таки не каждый день такие приказы отдаешь, пусть даже и по поводу мерзавца, — но осекся и не стал останавливать шорсир. Заставил себя думать о пострадавшей девушке — если уж выбирать, кому отдать свою жалость, то тут сомнений быть не может. А шаблоны никогда не рвутся безболезненно. Николай, сам согласившись на главную роль, уже отступать права не имел.

Мужчина смотрел на него с облегчением — он явно опасался, что придется теперь столкнуться и с гневом маркиза. Николай продолжил:

— Вторая, будь любезна, запиши новый указ. Будем разводить стукачество, раз уж тут обитель зла. Каждому заявителю о нарушениях моих приказов выдавать по монете. А если заявит сама жертва — три монеты. Но без моего ведома не казнить, с каждым случаем придется разбираться отдельно, чтобы не допустить клеветы. И этого пекаря поставьте пока главным по кухне, без управленца меня еще накормят невесть чем.

Мужчина теперь от радости сиял, на такой исход он и не рассчитывал, мечтал целым хотя бы день дожить. А Николай буквально до смерти устал за пару минут, отмахнулся и вошел в свою комнату.

Трина заговорила сразу, как только закрыла за собой дверь:

— Возможно, я представляю, насколько сложно это далось тебе, слишком мягкотелому и испорченному своим тряпичным миром. Но это было блестяще, Киан! Советую казнить еще нескольких — за любую ерунду.

Николай упал в кресло.

— Прекращай, Трина, я все равно не стану таким, каким ты хочешь меня видеть.

— Уже становишься! — она была явно в восторге, просто умело скрывала свои эмоции, но сейчас они проглядывали в блеске глаз. — Ты отправил на казнь человека за то, что тот посмел ослушаться! Наконец-то кто-то умрет во славу твоего имени!

— Ты ошибаешься. Я отправил его не за это... Неважно, ты вряд ли поймешь. Но пусть все думают, что я только рад убивать во славу моего имени.

— Пусть, — она опустила перед ним на пол. — Киан, почему ты выглядишь расстроенным, как будто не считаешь преодоление себя победой?

Он усмехнулся над ее формулировкой:

— Считаю. Просто я заодно и взвалил на себя кучу обязанностей — теперь придется разбираться со всеми доносами. А не всегда найдутся свидетели и явные доказательства... Я придумал себе новую игру, но по ее правилам нельзя казнить того, кто не совершил преступления против моего слова.

Она коротко пожала плечами:

— В самых сложных случаях можно привлекать хоасси — любой из них без труда отличит правду от лжи. Насколько я могу судить, первый советник любит твоё общество — он вообще на закате жизни, похоже, заинтересовался всем новым и необычным, потому не откажет в помощи.

— Тогда у меня нет причин переживать, — отмахнулся Коля сразу от всего. — Порежемся в карты?

— С большим удовольствием, мой лорд.

Играть с Триной было интересно и неинтересно одновременно. С одной стороны, её зашкаливающая, почти магическая внимательность не оставляла пространства для маневров, что держало в тонусе. Но с другой — у шорсир не было денег и личных вещей, кроме оружия и одежды. А играть без ставок Николай принципиально не любил. В его-то мире в таких случаях всегда находились выходы — веселые или сексуальные, но он боялся оскорбить её шорсирскую гиперответственность неуместными предложениями.

— Может, на желание? — лениво перебирал он вслух.

— Я исполню любое твоё желание, мой лорд.

— Это и бесит... Безропотность твоё фальшивая. Хотя нет, постой! Давай на желание!

— Как прикажешь, Киан.

В первый раз он выиграл. Велел Трине влезть на стол и трижды прокукарекать, это для того, чтобы она правила игры уяснила. Правда, после этого двенадцать шорсир влетели в покои в полной боеготовности, потому пришлось обозначить звуки, которыми Трина начнет их призывать в случае настоящей беды. Шорсир, извинившись, покинули спальню. Второй раз Коля опять выиграл — да что ж такое, все козыри к нему идут, а при внимательной Трине в рукав не припрядешь. Он заставил её встать на одну ногу и спеть песенку. Трина послушно тихим голосом пропела какой-то неизвестный Коле куллет.

В третий раз ему повезло — выиграла Трина. И предсказуемо устала на него, не зная, что делать.

— Твоё желание, — поторопил Николай, чтобы вытащить её из заморозки.

— Я... не могу тебе приказывать... — окончательно растерялась она.

— Ты отказываешься соблюдать правила игры? — Коля деланно выпучил глаза. — Ну приехали, здесь и так скука смертная, последнее удовольствие лорда на нет сводят...

— Я... не... Ладно. Киан, издай звуки, как эта твоё птица.

— Петух. Но ты повторяешься — а так нельзя. На первый раз прощаю, — ответил Коля и самоотверженно прокукарекал. Все это время Трина наблюдала за ним круглыми глазами. — Раздавай.

Он не жульничал. Когда выигрывал — требовал что-то сделать, но сам ждал другого — её выигрышей. Каждый из которых вгонял девицу в полный ступор.

— Я даже не знаю, чего потребовать, — она немного покраснела от волнения, но все ещё пыталась держать лицо. — Танец? Я могу потребовать танец?

— Ты выиграла, моя повелительница, так что требуй.

И Коля заправски отчебучил гопака. Трина уже места себе не находила — ей определенно не приходилось бывать в такой роли. Да что уж там, она и в страшном кошмаре не могла вообразить подобного положения. И из этого тупика не было выхода, поскольку Коля не собирался униматься:

— Раздавай, Трина! Кстати, в этом мире уже изобрели алкоголь?

— Станный вопрос, Киан. Именно в этом мире его и изобрели, а потом он уже попал в другие. Хочешь вина?

— Очень хочу! Распорядись, чтобы принесли, это моё желание.

В следующий выигрыш он попросил и её присоединиться к распитию. Трина расслаблялась: не от вина, конечно, от пары глотков не расслабишься, а от того, что в больше не могла находиться перенапряжении.

— Проползи на четвереньках до кровати, Киан! — она почти поймала азарт. — Разумеется, если подобное желание допустимо...

— Трина, ты все ещё тормозишь? Все допустимо, если физически возможно и не связано с вредом здоровью! Вот если прикажешь выпрыгнуть из окна, то я заявлю, что ты заигралась!

— Я никогда подобного не прикажу! — выдала она страх.

— Да знаю я! В этом мире музыку уже изобрели?

— Обижает. Музыка тоже изобрели именно здесь, а потом...
— Мог бы и догадаться. Только алкоголь и музыка выпрясают из человека все человеческое.
Как ее врубить?
Трина задумалась:
— Наложницы обучены пению и игре на инструментах, но ты их разогнал.
— Какой дурацкий я... Тогда давай снова пой — выучу слова и будем петь вместе.
И она снова затянула все ту же — быть может, других песен и не знала:

— Приходи, мой милый, приходи в мой дом.
Поживем в могиле, погнем вдвоем.
Угощу тебя я черной косточкой,
А на прощанье поцелую в черепок — Чмок!

— Чудесно! Колыбельная? Если исполнять не так заунывно, можно и потанцевать. Трина, иди сюда, покажу как.
— Еще чего! Я уже исполнила желание, раздавай! — сказала, осеклась, а затем покраснела еще сильнее.
Коля ликовал. До полной реабилитации еще уйма работы, но даже первый опыт показал: из броневой шорсир можно сотворить человека, в смысле, обычную молодую девчонку, творящую всякие глупости. Забегал и хоасси — хотел схему механизма показать для проверки, но окинул взглядом творящийся бедлам, почесал затылок и так же молча исчез. Настроение портили только крики жертвы, сильно приглушенные толстыми каменными стенами. Трина на это даже внимания не обратила, но Коля уселся на пол и хлебнул еще вина.
— Тебе на диване спать удобно? — спросил он у шорсир, когда та разместилась напротив — тоже на полу.
— Я не оценивала свое удобство, Киан.
— Так я потому и спрашиваю.
Она тоже сделала глоток.
— Да, удобно.
— А удобно постоянно находиться рядом? Ты даже в комнату для омовений уходишь только после того, как я ложусь спать.
— Ты слышал? Но я передвигаюсь бесшумно.
— А глаза мне на что? Ты открываешь дверь, выпускаешь одну из сестер, а сама удаляешься, чтобы привести себя в порядок и приготовиться ко сну.
— Прости! Я больше не потревожу твой сон.
— Прекрати извиняться за такие мелочи. Это тоже приказ.
— Ты сначала выиграй — потом приказывай, — ответила она совсем уж немыслимое и улыбнулась, чтобы подчеркнуть шутку.
А Коля рассмеялся:
— Вот только теперь я чувствую себя в своей тарелке. Трина, если можешь, будь всегда такой. Сарказм еще ни одну красотку не испортил. Я б его в младшей школе обязательным предметом ввел... Черт возьми, а я ж теперь могу здесь ввести и младшие школы, и сарказм обязательной дисциплиной!
— Ты считаешь меня красивой? — она вмиг нахмурилась.
Николаю надоело притворяться, или общая расслабленность сказалась:
— Естественно, считаю. Что за глупости вообще? Трина, хватит на этом заикливаться. Ей-богу, только все усложняешь!
— Я бы хотела...
— Хватит. Я мыться, потом спать. А ты можешь не пробираться в ванную крадучись. Сожительствуем мы тут на равных. Это тоже мое желание! Давай хотя бы притворимся, что мы нормальные люди в нормальной обстановке! Мне будет легче. Если тебе действительно хочется угодить, прекращай подстраиваться под каждое мое телодвижение.
— Как прикажешь, мой лорд.

Больше Николай ни о чем спорить не хотел. Он и так добился сегодня большего, чем мог рассчитывать. Трина еще долго будет звать его «лордом» и бездумно склонять голову при любой просьбе, еще долго даже в туалет не будет ходить, пока не убедится, что он спит под контролем другой сестры, но не так уж она и далека от того, чего Николай хотел бы в идеале.

Глава 17

Два дня прошли в веселых хлопотах, а на третий день прибежал тот же служка и пригласил лорда на тот же Совет Тринадцати. Николай вспомнил, как Ноэ назвал его поведение инфантильным, потому решил явиться, не бегать же ему постоянно от надзирателей, как дитю малому. Он часто донимал первого советника по поводу «отстранения от должности», но тот неизбежно отвечал, что живыми черные лорды престола еще не покидали, потому и Николаю лучше прекращать нарываться и злить советников. Кстати говоря, он спешил с коронацией еще и по этой причине: теперь Коле не отвертеться, если он только сам не мечтает оказаться на погребальном костре.

Совет проходил не в тронном зале — вообще в другом крыле бесконечного замка, в которое Николай еще не забредал. Он даже в этом видел особую тонкость: не хоасси идут к лорду, а лорд — к хоасси, что окончательно расставляет точки над «ё». Вроде мелочь, а неприятно. Шорсир, разумеется, следовали за ним. И в одном из огромных коридоров Николая вдруг со всей силы ударили по спине, бросая на пол. Трина сразу оказалась на нем, остальные встали кольцом. Коля извернулся и попытался рассмотреть, что происходит. Трине пришлось объяснить, чтобы он не доставил неудобств своим любопытством:

— Магическая атака, нападающий неизвестен. Вторая ранена. Шестая ушла дальше, чтобы призвать хоасси.

Вокруг было так тихо и спокойно, что ее сухой ответ прозвучал выдумкой. Однако Вторая слегка покачнулась, но крепко держала нож и будто бы приноживалась к воздуху.

— Пожалуйста, не двигайся, — попросила Трина. — Мы не маги — не можем видеть невидимое. Но если атакующий обозначит свою позицию, ему не уйти.

Шорсир всматривались в воздух, медленно водя перед собой кинжалами. И когда Вторая повернулась боком, Коля вскрикнул — из живота женщины торчали длинные, тонкие спицы. Она не просто ранена — непонятно, как еще на ногах стоит. Николай представил, как женщина закрывает его собой от летящих игл, отчего ему сделалось нехорошо. Он определенно не хотел подставлять еще кого-то под удар, но и усидеть на месте не мог, наблюдая за действиями шорсир.

— Трина, они ищут невидимку с помощью синего света?

— Да, Киан, не двигайся. Тьма преломится, если убийца все еще здесь, не нужно рисковать. Он медленно взял из ее руки кинжал, и лезвие тут же засияло ярче. Трина ведь говорила, что магия тьмы и есть его магия, так почему бы не пользоваться? Он, все еще лежа на боку, резко полоснул по воздуху справа — синий след потек медленнее и дальше, чем у шорсир. Трина позволила ему подняться на ноги, хотя сама развернулась и пригнулась, готовая защитить собой, если атака повторится. Николай размахисто полосовал воздух лезвием, и от его уверенности росла и сила, или кинжал просто подстраивался, давая все более яркий и далекий свет.

— Там! — воскликнула Одиннадцатая, и шорсир вмиг перескочили в указанном направлении. Теперь и Николай увидел: синий свет от его кинжала не растворялся постепенно, а будто обрубался какой-то границей в одной точке. Одиннадцатая и швырнула в ту сторону нож — оружие зависло в воздухе только рукоятью, лезвие просто исчезло. Вот только рядом с невидимой фигурой засветились металлом спицы, словно материализуясь прямо на глазах.

— На пол! — раздался голос Ноэ сзади, и Колю снова припечатали лицом к камню. Если до него не доберутся убийцы, то шорсир все равно живого места не оставят. Первый хоасси не церемонился: он выкинул руки от груди, создавая волну огня. Его удар пронесся над шорсир, сжигая спицы прямо в воздухе, и уже через секунду раздался крик: убийца не успел вернуться и рухнул на пол обугленным трупом. Ноэ просто перепрыгнул

через Колю, добираясь до тела, упал рядом с ним на колени, всмотрелся в лицо — теперь уже видимое, но черное и обугленное.

— Я не знаю этого человека, — сказал хоасси, как будто в обугленной головешке вообще можно было что-то разглядеть. — Но будем считать, что это просто наемник, а не сам заказчик. Вряд ли с тем было бы просто.

Николаю произошедшее не показалось простым. Он смотрел на Вторую, которая так и лежала на полу, очень бледная, хотя и в сознании. Она даже не морщилась от боли, но Николаю было понятно, что дело дрянь:

— Лекаря сюда! Хоасси, вы можете ей помочь?

— Попытаюсь, мой лорд. Однако вам лучше пойти в зал совета, там безопасно.

— Ноэ, да сделайте уже что-нибудь! — разозлился Коля, крови было столько, что впору выжимать комбинезон. — У нее явно все органы пробиты... пожалуйста, сделайте что-нибудь! Хоасси, решив, что адекватности не добьется, переместился к раненой и начал выдергивать спицы, что-то приговаривая. На третьей женщина потеряла сознание. Остальные шорсир даже не смотрели на происходящее, вновь на всякий случай встав кругом.

— Хорошо, что я прибежал один, — пробурчал хоасси. — А иначе Совет Тринадцати стал бы свидетелем вашей истерики от вида крови.

— Да плевать... Она будет жить?

— Да, полагаю. Если к вечеру придет в себя, то скорее всего будет. Внутренние раны заживают медленнее, ей просто нужен покой. Должен заметить со всей объективностью, мой лорд, у Второй уже не тот возраст, в котором эффективность шорсир максимальна. Я бы посоветовал...

— Как только мне понадобится ваш совет, хоасси, я сразу же к вам обращусь. А до тех пор будьте любезны, не сотрясайте воздух. Десятая, Одиннадцатая! Доставьте Вторую в вашу комнату и останьтесь с ней.

— Киан, ослаблять охрану не очень разумно...

— Трина! Ты хоть помолчи, — перебил Николай. — Всё, где там ваш совет?

Оставшиеся шорсир тоже вошли в зал, но заметно расслабились. Все-таки убийцы не могут быть такими идиотами, чтобы напасть в присутствии сразу всех сильнейших имперских магов. Один из старичков подбежал, не скрывая волнения:

— Нападение? Все в порядке?

Ответил ему Ноэ:

— Да, господин Шур, обошлось. И все же они нагледят, это немисливо — пытаться убить лорда прямо в коридоре!

Николай занял один из стульев с высокими спинками, которые стояли кругом в центре огромного помещения. Точь-в-точь троны. А тот, с золотым навершием, скорее всего для Ноэ, раз он тут главный.

— Не нагледят, господин Ноэ, — ответил ему еще один, довольно молодой на вид мужчина. — Просто при такой защите в покоях до лорда не добраться. Его еду пробуете вы, двое слуг с кухни и все шорсир — отравление невозможно. Нападать там тоже бессмысленно, ваша магическая защита оповестит и нас, и шорсир. Вот убийцы и ищут другие варианты.

— Вы правы, господин Луар, — задумчиво ответил Ноэ, занимая место на своем «троне». — И их наглость чуть не привела к успеху — так близко они еще не подбирались. Но начнем с того, что вы сами, мой лорд, вели себя крайне легкомысленно! Шорсир определенно смогли бы вас защищать до моего появления! Вам еще повезло, что я захотел поприветствовать вас первым и пошел навстречу.

Николай вместо ответа пожал плечами. Он в шорсир и сам не сомневался, но какой бы ценой они его защищали? Вряд ли он когда-то научится тихонько лежать под грудой тел, пока другие принимают за него удары. И да, им всем повезло, что Ноэ оказался неподалеку. Но если бы было не так? С неуклюжей помощью Коли Одиннадцатая смогла ранить убийцу. Если и был шанс справиться своими силами, Коля поступил правильно: он не лез на рожон, но помог профессионалам делать свою работу. Тут все устроено иначе, тысячи лет было иначе, так какой смысл спорить?

Его начало раздражать кряхтение рядом, потому он наконец-то соизволил посмотреть на старичка, который мялся, пока остальные рассаживались.

— Это мое место, мой лорд, — старичок почти обрадовался, дождавшись внимания.

Коля снова окинул взглядом помещение: тринадцать стульев для тринадцати советников. А он, по всей видимости, может и в центре постоять. То ли черный лорд, то ли клоун на цирковой арене — чтобы каждому зрителю было видно. Старшим нужно уступать, но его ли вина, что старшие заранее не предусмотрели сидячие места?

— Первая, — Николай не обернулся, но знал, что все шорсир выстроились сзади. — Будь добра, найди для господина какой-нибудь стул.

— Господин Таша, — подсказала она.

— Вот именно. Мы будто в маршрутке в час пик.

Через минуту она пригатила из коридора какую-то банкетку. Господин Таш с недоумением смотрел то на Николая, то на банкетку. Остальные хоасси вообще устали сидеть на лорда с открытым негодованием, но помалкивали. Вот и пусть помалкивают. Только Ноэ как будто едва сдерживал улыбку:

— Мой лорд, вы так устали от пережитого стресса? — он будто подкинул хоть какое-то объяснение.

— Устал, да, — Николай подхватил подачу. — Я вообще часто уставший. Настолько, что на следующий совет прикажу притаранить сюда престол из тронного зала.

— Это будет слишком, — Ноэ все-таки улыбнулся.

— Не знал, что в моей должности предусмотрено слово «слишком». Итак, уважаемые советники, начинаем меня костерить?

Надо отдать хоасси должное, они не были склонны погружаться в мелочи, когда на повестке дня стояли более важные вопросы.

— Киан, — довольно мягко обратился советник, которого Ноэ представил господином Шуром. — Мы на самом деле счастливы вашему воцарению. Есть вопросы, ради которых хоасси и существуют. Вы один из таких вопросов. Потому ваше неприятие нашего наставничества выглядит по меньшей мере ребячеством. Не ошибусь, если выражу мнение всех хоасси — хотелось бы к концу этой встречи прийти к какой-то точке взаимопонимания, потому что вы нам не враг.

— Я вам не враг только до тех пор, пока играю по вашим правилам? — уточнил Николай.

Господин Шур тоже оказался не лыком шит:

— Вы нам не враг, пока сами не захотите им стать. Во всем остальном мы можем договориться. Господин Ноэ убедил нас, что ваши... к-хм, странности необязательно сразу рассматривать как угрозу престолу. Лично я пока вижу в них только странности.

— А вот я нахожу ваши странности угрожающими, — вставил другой хоасси. — Знаете, мой лорд, ваши нововведения можно представить чистым издевательством над придворными, что вам только к лицу, но я бы посоветовал оставить какую-то лазейку: например, разрешить жестокость и похоть в качестве награды за верную службу.

Несколько советников закивали, соглашаясь. Даже Николай признавал в его словах здравый смысл. Но если назначить призом жестокость, то жестокость станет не только привычным времяпрепровождением, а лакомым куском — так ее не побеждают, а культивируют. Ответил он, конечно, другое:

— Я подумаю над этим предложением, благодарю.

Еще один хоасси справа подался вперед:

— А ваш последний указ — запретить пытки без вашего ведома — уже ни в какие рамки не вмещается. Мы все-таки черная империя, а скоро начнем наших узников содержать как желанных гостей!

Николай к этому повороту был готов с того момента, когда придумал приказ:

— Господин...

— Рой, мой лорд.

— Господин Рой, мне и самому подобная мера не нравится. Но по докладам шорсир я понял, что пыткам подвергаются отнюдь не только узники и преступные элементы из светлых. Кого из слуг в коридорах поймали, с тем и развлекаются.

— И что с того? — удивился хоасси.

— А это просто следствие первого указа, которое грозит демографическим провалом. Если мы еще и собственных людей начнем в казематах морить, то сделаем только хуже.

— Именно потому надо отменить и первый указ, — подал голос советник, который сидел слева.

— Именно потому я лучше придумаю еще парочку издевательских мер, чтобы граждане темной империи умирали не так часто, как раньше, — с нажимом ответил ему Николай.

— Вы слишком сильно углубляетесь в политику, мой лорд, хотя явно в ней ничего не смыслите.

— Даже если и так, хоасси. Почему бы мне не начать разбираться? И что удивительного в том, что я воспроизвожу здесь жизнь моего мира? Для собственного же комфорта. А то все так любят повторять, что я обязан наслаждаться, а как доходит до наслаждения — одни недовольства.

— Это как раз неудивительно, но...

— Такого бардака в замке на моем веку еще...

Хоасси зашумели, переговариваясь, и в общем гуле Николай явственно расслышал мнение о том, что лучше бы на месте лорда оказался кто-то более предсказуемый. Но тут громко заговорил Ноэ, вынуждая всех умолкнуть:

— Я вам уже говорил, Киан Корд необычен. И объяснял, почему считаю его необычность нашим спасением. В конце концов, знати ограничители только на пользу. Разве вы сами не видите, что у пороков нет естественных границ, так почему бы и не навязать их черной волей?

— Очень спорное утверждение, уважаемый Ноэ. Но я голосую за то, чтобы посмотреть на развитие событий.

— Как будто у нас всех есть выбор, господин Форн, — спокойно ответил ему главный. — Десять минут назад Киана Корда пытались убить, и это уже второе покушение на его жизнь. Он все еще дышит только потому, что находится под защитой шорсир. Коронуйте любого другого — и через пару дней сокрушайтесь о том, что надо искать нового лорда. Список наследников большой, у убийц уйдет целых два месяца, чтобы вычистить его полностью. Так не пора ли закрыть глаза на сумасшествие нашего лорда, если пока он справляется с главной своей обязанностью — остается живым?

Форн подумал и нехотя кивнул:

— Вы правы, господин Ноэ. Потому мы в данный момент и обсуждаем эти вопросы, а не коронуем Знака. Я застал правление Хазария Корда — и в конце его дней тоже полагал, что он, простите за дерзость, окончательно сбрендил. У его внука, простите за дерзость, хотя бы слюна изо рта не капает, что я считаю хорошим знаком.

Николай развеселился:

— Да я тут, похоже, еще и один из самых нормальных, а вы все придираетесь?

— Не придираемся, — поправил господин Таш. — Пытаемся разобраться. Например, ваше неуважение к Совету Тринадцати уж никак не играет в вашу пользу. Кабы не это, мы бы спокойнее закрывали глаза на ваши... нововведения.

Николай посмотрел на Ноэ, но тот тоже прищурился в ожидании ответа. Если дело обстоит только в демонстрации уважения, то выпячивать свою независимость действительно обычное ребячество. Да и сложно спорить со сказанным. Они не отменили ни одного его распоряжения, раскритиковали, но не отменили. Сидят здесь, пытаются договориться — и дело не только в весомости слова первого советника. Это и есть их шаг навстречу, следовательно, свой шаг должен сделать и лорд:

— Согласен являться на советы, даже рискуя жизнью при каждом походе сюда. Согласен выслушивать ваше мнение, но принимать решения все-таки буду сам. Согласен с тем, что наше сотрудничество должно быть основано на уважении, но это будет взаимное уважение — и в этом случае я не вижу никаких препятствий для моего правления.

Этот ответ понравился одному из хоасси — он с улыбкой коротко склонил голову. Некоторые все еще хмурились, но пока приберегли возражения на более важный случай. Поймав всеобщее внимание, Коля продолжил:

— Если мы договорились по самому главному, предлагаю обсудить частности. Кстати говоря, мое уважение к Совету Тринадцати и будет зависеть от ответа на мой вопрос. Господин Ноэ говорил, что уже не подозревает никого из списка наследников — организацией убийств должен заниматься маг, причем очень сильный. Так кого подозревать, если сильнейшие маги и собрались в этом зале?

Хоасси как-то синхронно выпрямились и начали переглядываться. Обвинение изумило их настолько, что даже сказать было нечего. Первым ожил Ноэ:

— Мой лорд, это перебор. Все хоасси присягнули престолу — никто из нас не может быть причастен к текущим событиям.

Николай посмотрел на него прямо и ответил со всей серьезностью:

— Я верю вам, Ноэ. И верю в то, что вы в это верите. Но подозреваемых пока нет. Славно, если убийцей окажется кто-то из моих братьев, это самый простой для всех нас вариант, но если вы все-таки правы? Кто из магов мог бы сравниться в могуществе с хоасси?

— Белые маги? — предположил кто-то.

— Быть может появился одаренный в Гадкой Пустоши? — подхватил и второй. — Я сам родился там — эта земля богата на таланты.

— Мы не пропустили бы появления такой силы рядом... — задумался третий. — Но если заказчик находится где-то далеко, а его приказы исполняют наемники?

— Я вообще сомневаюсь, что кто-то задействовал сильную магию — пока ничто об этом не говорит, кроме предположений господина Ноэ! Кому-то просто нужен на престоле свой ставленник!

Николай развел руками:

— Любой из ваших вариантов может быть верным. Но пока нет доказательств и того, что ошибаюсь именно я. Смотрите сами: если до разоблачения настоящего преступника кто-то будет настаивать на том, чтобы избавиться от меня и тем самым упростить себе задачу, то не будет ли это косвенным свидетельством его заинтересованности?

Хоасси вновь начали переглядываться в таком же изумлении. Николай встал и очень, очень вежливо поклонился сразу всем:

— Если мы на сегодня закончили, то я могу идти? Хочу проведать свою шорсир, благодаря которой вы все еще не на новой коронации. Уверен, она доказала свою самоотверженность — хочу, чтобы меня прикрывали такие, как она.

Хоасси были заняты совсем другими размышлениями, но кто-то тоже встал и чуть склонился, прощаясь. Николай посчитал эту встречу более чем удачной.

Ноэ догнал его в коридоре:

— Я знаю, что вы только что сделали. Теперь если кто-то из Совета слишком сильно озаботится вашими заскоками, то тем самым навлечет на себя подозрения.

— Именно это я и сделал, дорогой Ноэ.

— Это было нагло и беспардонно. В лучших традициях грубой манипуляции.

— Спасибо.

— Из вас выходит блестящий черный лорд, Киан. И ничего страшного, что вы не похожи на своих предшественников. Но вы все-таки ошибаетесь насчет хоасси — любой из нас предаст черный престол с той же вероятностью, что шорсир предаст вас.

Коля просто кивнул, не желая продолжать. Он уже знал на примере Трины, что шорсир можно перенастроить — на это ушла бы уйма времени и сил, но уже сейчас она немного другая, чем месяц назад. Так разве могут быть абсолютные гарантии, что и хоасси не меняются?

Глава 18

Вторая уже пришла в себя, хотя дышала как-то рвано и поверхностно. Николай пододвинул стул и сел рядом с кроватью:

— Лежи, — приказал он. — Как себя чувствуешь?

Трина многократно повторила, чтобы не вздумал проявить к шорсир жалости — это может оскорбить ее до глубины души. Потому он усиленно хмурил брови, чтобы никто не заподозрил его в волнении или излишнем интересе. Вторая ответила:

— Я чувствую себя счастливой, мой господин.

— За то, что защитила меня? — понял он. — Благодарю от имени всей империи и своего собственного. Тут ордена предусмотрены? Шучу я, Трина, ты следи за глазами — еще вывалятся. Ладно, Вторая, когда сможешь вернуться на фронт? Девочки, а мы справимся без генерала, пока она на больничном?

Шорсир удивленно переглядывались, а Вторая вдруг села, сильно при том побледнев.

— Господин... вам нужно взять другую шорсир. У меня уже не те реакции, что раньше.

— И тем не менее они оказались лучше, чем у твоих сестер?

— Нет, просто те находились с других сторон. Лет десять назад я бы успела отбить магические стрелы в воздухе!

— Великолепно. А разве не ты тут старшая, то есть главная из них?

— Но эту задачу возьмет на себя следующая старшая, мой господин!

— Лежи. Я дважды должен повторять? Заодно и подумай: ты вправе решать, доволен ли я твоей работой, или сам справлюсь?

— О да, мой...

— Хватит на этом.

Она покорно легла. Николай хотел сказать что-то еще, но побоялся, что в их странной психологии любая фраза может быть интерпретирована по-своему. Потому махнул рукой и пошел в свои покои. Конечно, шорсир влетели первыми и вначале обыскали каждый уголок, лишь после этого оставили их с Триной наедине.

— Позволь мне высказать свое мнение, Киан, — она вежливо склонилась.

— Говори уже, я сам дал тебе это право. Тебя уже пора возводить в ранг первого советника.

— Но первый советник уже есть.

— Точно. Тогда надо придумать другие звания. Визирь, к примеру. Будешь моим визирем, Трина?

— Буду тем, кем ты прикажешь. И все же скажу, что собиралась. Я знаю, почему ты не собираешься брать новую шорсир — не хочешь ехать в школу шорсир, попросту боишься увидеть тренировки маленьких девочек, которые на твой вкус могут показаться жестокими. Изучив тебя, предполагаю, что придется с этим что-то делать, а ты пока не знаешь, что именно.

— Делаешь вид, что хорошо меня изучила?

— Не делаю. Знаю. Я неправа?

— Отчасти, — Николай устало завалился на кушетку. — Но дело не только в этом.

— Еще и в жалости ко Второй, — подсказала она.

— И не в этом! — Николай все подыскивал правильные слова, будто хотел оправдаться. — Трина, это инстинкт, понимаешь? В моем мире это в крови прописано — держаться за тех, кто держится за тебя. Я, быть может, это понял только после того, как попал сюда, но факт остается фактом. Второй я теперь не могу не доверять, моя благодарность ей — это далеко не только жалость, а инстинкт самосохранения, который со времен совместной охоты на мамонтов зародился. И не надо повторять, что все шорсир поступили бы так же, — есть сознание, а есть подсознание, вот оно и диктует мне отношение. И точка.

Трина подошла и села на кушетку рядом, задумчиво уставившись в пол.

— Я не понимаю, но мне и не нужно понимать, Киан.

— А здесь меня никто не понимает, — вздохнул он. — Ты и Ноэ хотя бы знаете меня, остальные просто ненавидят.

— Неверно. Остальные ненавидят и боятся — так и должно быть. И ты уже решил для себя, что будешь править только при условии, что воссоздашь здесь правила своего мира — меньшее всегда будет тебя раздражать.

— Я вот все думаю, а может, договориться с Советом Тринадцати о моих командировках?

Пусть они сами здесь организацию быта поддерживают. Обязуюсь являться раз в три-четыре месяца, кровушкой спонсировать, о делах узнавать, а в остальное время в своем мире жить? Просто мне все сильнее кажется, что тут без меня так или иначе всё функционировало, всех всё устраивало, а ты права — я всегда буду переделывать этот мир под себя, раз уж мне дали такую возможность. И в школу шорсир наведуясь сразу, как придумаю, что с ней потом делать... Но вдруг и не надо этого всего? Черная империя должна быть черной, а не такой, какой я хочу ее видеть.

— Этот план звучит не так уж и плохо, первый хоасси тоже говорил что-то подобное. Но пока об этом не может идти речи. Слишком опасно отпускать тебя одного, даже со всеми шорсир, но вдали от хоасси. Враги могут добраться до тебя и там, почему нет? Мы ведь добрались. Этот вариант можно рассмотреть только при условии, что первый хоасси согласится отправиться с тобой, а также я и мои сестры.

— Ага. То есть той же толпой, только в маленькой квартирке... Ладно, Триниш, запускать просителей — сам себе придумал развлечение, самому и разгребать.

Справедливости ради, доносов было не так уж и много. То ли слуги пока не освоились с новым источником заработка, то ли извращенцы поумерили прыть, чему очень способствовал мертвый

маркиз. Зато карточные игры приживались, не так чтобы сразу массово, но шорсир докладывали о появившихся игроках, которым Ноэ подкидывал все новые колоды. Итого на сегодня просителей лордовской милости оказалось всего двое. Первого Николай отправил, поскольку не увидел в воровстве треснувшего кувшина состава преступления. Да и вряд ли кто-то из знатных подобным промышляет, а беднота сама разберется — и теми самыми методами, которыми разбирается беднота во всех мирах, здесь ничего нового привносить не надо. Второго попросил прийти позже, после ужина, когда к нему обычно заглядывал Ноэ. Здесь уже ситуация была серьезной: служба настаивал, что один из благородных до смерти замучил паренька из дворовых. Если хоасси подтвердит правдивость обвинения, то кол долго простаивать не будет — одним мерзавцем меньше, а для любителей жестяных шоу развлечение. С развлечениями здесь было туго.

— Триндуил! — позвал Николай.

— Ты это мне? — она еще не устала удивляться.

— Только ты здесь похожа на унылого эльфа. Тоска одолевает мои царские мощи!

Она сразу собралась:

— Вино, карты, наложницы?

Николай глубоко задумался до философских выводов:

— Хм... Ты только что описала рай, как я его всю жизнь представлял. А попав в него, не чувствую радости. Это нормально?

— Все, что ты делаешь, ненормально, Киан. В этом все твои слабости и силы.

— Ну, спасибо. Что у нас там по дворцовому расписанию? Ноэ уже изобрел магическую рулетку, не пора внедрять казино?

— Сегодня многие заняты приемом почетных гостей, глубинных тварей. Встречей делегации занимается Тайгон Корд, это его обязанность, но многие тоже присутствуют.

Николай встал.

— Очень интересный расклад. А меня даже в известность не поставили? Я тут властитель всея империи или конюший?

— Властитель, — без труда выбрала Трина. — И именно поэтому тебя не привлекают к столь мелким задачам. Даже верховное правительство Глубины не рассчитывает на встречу персоны такого уровня.

— Идем туда, — решительно заявил Коля. — Я уже понял, что у вас тут такое правило: любую фигну прикрывать моим статусом.

В коридоре Трина коротко свистнула, после чего за лордом последовали еще одиннадцать шорсир. Торжественное облачение и даже корона были ни к чему, само сопровождение и являлось исчерпывающим символом титула. В тронном зале людей скопилось немало, большинство прибежали просто поглазеть, и никаких приятных ассоциаций помещение с толпой внутри у Николая не вызывало. Но он уверенно шагал вперед, наслаждаясь тем, что люди, подобно волнам, расступаются при его приближении.

Тайгон, который стоял перед тронном, прервал приветственные речи на полуслове и склонился. На той же торжественной ноте он пропел через несколько секунд:

— Сам повелитель решил почтить нас своим присутствием! Склонитесь в благоговении, пред вами его темнейшество, законный лорд черной империи и властитель всего мирового зла!

Николай прошел к трону и сел. Положил ногу на ногу, руки на подлокотники размещать не спешил — кто знает, не захочет ли этот кровопийца подкрепиться, если ему предложить.

Только после этого дал волю любопытству и осмотрел собравшихся.

— Это большая честь для нас, повелитель! — пробулькал один из... русалов?

Николай приложил все усилия, чтобы не открыть в изумлении рот. Вот, оказывается, откуда растут ноги у всех легенд о морских чудовищах? Величественные в своем уродстве, они были больше похожи на рептилий, чем людей. Или результат генетических экспериментов по скрещиванию драконов с хомо сапиенс? Перед ним стояли мужчины и женщины с трезубцами в руках, балансирующие на длинных чешуйчатых хвостах и нижних конечностях, коротких, как у крокодилов. Заодно Николаю посчастливилось раскрыть тайну, которая тревожила большое воображение еще со времен детских сказок и диснеевских мультфильмов. Причиндалы, со всей очевидностью демонстрирующие половую принадлежность, располагались между нижними конечностями до начала чешуйчатой области. Уф, ну теперь хоть понятно, как русалки размножаются. Хотя о красоте их истории сильно преувеличены — создания эти по

человеческим меркам никак нельзя было назвать симпатичными. Они смотрели на лорда круглыми, огромными, немигающими глазами, отчего он поймал себя на желании сходить на рыбалку. Хотя эти полурыбы гуманоидного типа еще были ничего, а вот по краям делегации располагались какие-то осьминоги, постоянно перекатывающиеся на щупальцах — вот уж кто полностью оправдывал звание глубинных тварей.

— Я тоже рад приветствовать наших друзей! — сказал Николай, гости после его слов снова склонились, осьминоги в том числе, что выглядело особенно жутко. Коля тихо уточнил у Трины: — Друзей же?

Она, к счастью, догадалась сразу встать за его плечом.

— Друзей, Киан. Глубина принесла вечную вассальную клятву черному престолу. Они ваши вернейшие слуги и союзники... правда, только в морских сражениях, а их никогда и не случается.

Тот, что стоял в центре, самый мускулистый и высокий из рыболодов, заговорил мощным, вибрирующим голосом:

— На мой век не выпадало такого праздника, темнейший! О сем дне я стану рассказывать детям, внукам, правнукам, праправнукам, прапрапра...

Николай прервал, поскольку успел уловить суть:

— На мой век тоже. Прошу прощения, не знаю вашего имени.

Его круглые и огромные глаза стали еще круглее, вероятно, от радости.

— Лорд хочет знать мое имя? Это величайший день в истории Глубины! Пред вами недостойный такой чести гранд Глубины и прибрежных территорий, генерал армии и великий реформатор, Альбиннадин Воларский Триста Семнадцатый, если считать с начала новых времен, то есть с восхождения на трон великой династии Кордов!

Не к добру поминать эльфов. Николай усердно не заикливался:

— Рад видеть вас в добром здравии, гранд. Как дела в Глубине?

— Текут! — многозначительно ответил Альбиннадин. — Мы явились, чтобы привезти дары моря, как и заложено со времен объединения злых сил под вашими знаменами!

— Спасибо. Будьте нашими гостями, места на всех хватит. Праздник какой-нибудь вечером закатим, — пытался соответствовать образу Николай.

Но людорыбы начали в недоумении переглядываться. Трина снова подсказала:

— Они не могут оставаться на суше слишком долго, Киан. Всего несколько часов, после чего их жабры начнут атрофироваться. Ваше распоряжение звучит как смертная казнь.

Николай поспешил исправиться:

— Очень быстрый праздник, вжух — и конец. Тайгон, любезный, распорядись, чтобы принесли вина. Вино-то им можно?

— Можно, Киан, — Трина как будто едва сдержала смех, глядя на его потуги, но зато заставила облегченно выдохнуть.

Рыболоды тоже выдыхали — шумно и очень радостно, — их и без того бледные лица снова начали синеть здоровым румянцем. Гранд оглушил всех глубоким баритоном:

— Буду счастлив разделить с вами вино, повелитель! Счастлив настолько, что наотрез откажусь брать тринадцать самок человека, даже не настаивайте! Глубине в сей великолепный день хватит семи!

— А это он о чем? — Трине уже было бы удобнее сесть с ним рядом на трон, чем бесконечно наклоняться.

— Это наша статья обмена. Они привозят кучу ресурсов, а с нас берут только тринадцать девственниц. У них там острая нехватка человечины.

— И зачем они их берут?

— Понятия не имею, никто этим вопросом не задавался. Едят, скорее всего. А может, сначала пользуют как наложниц, а потом едят. Иначе зачем им именно девственницы? Но мы находим трупы на берегу, иногда почти целые.

— Ну и твари...

— Глубинные, — дополнила она. — Зная твой характер, смею посоветовать не принимать поспешных решений. То, что они дают нам, несравнимо с тринадцатью девками в год.

— Да нет. Я, наоборот, приятно поражен! Не думал, что у вас тут целых тринадцать девственниц можно отыскать при прошлых-то порядках, — он поднял голос, обращаясь к гостю. — Уважаемый гранд, вы назвали себя реформатором? Так вот вам новая реформа —

никто из моих девиц с вами не отправится. Самому нужнее. Люблю, знаете ли, вечерами побаловаться.

Казалось бы, их глаза уже достигли физиологического максимума, но не тут-то было. Теперь они уставились на правителя немигающими и безжизненными тарелками. Первым не выдержал Тайгон:

— Мой лорд, но вы даже не видели этих девушек!

Николай посмотрел на сводного брата:

— А разве вы для Глубины приготовили не самых лучших?

— Конечно, мой лорд! Но...

— Вот самых лучших мне и оставьте, я вашему вкусу доверяю. И плохоньких оставьте — жадность лорда не сгубила.

— Но...

— Хватит, Тайгон. Как вам вино, дорогие гости?

— Суховатое, — совсем уж без восторга ответил главный. Да по всем было видно, что такое решение им поперек горла — приучены получать подачи без споров. Гард отставил чашу на поднос слуги и произнес уже не так гулко: — Повелитель, правильно ли я понимаю, что условия нашего сотрудничества меняются?

— Сотрудничества? — Киан вскинулся. — А я думал, что вы вассалы и верные слуги.

— Да... но у каждой верности должна быть какая-то целесообразность. Те дары, что мы доставили сегодня, обеспечат ваш замок ресурсами, которые сами бы вы не добыли!

— У меня такое ощущение, гард, что вы решили со мной поспорить. Не настоять ли мне на вашем пребывании в сем гостеприимном замке на пару дней?

Тот позеленел, но ответил твердо:

— Я понял вас, повелитель. И очень надеюсь, что к следующему году вы измените свое решение, — прозвучало в дословном переводе как «очень надеюсь, что через год на вашем месте будет сидеть кто-то более вменяемый». — А пока прошу разрешения откланяться.

— Кланяйтесь, — разрешил Николай. — И ты, Тайгон, прекращай зыркать, а то нечем будет зыркать.

— Да, мой лорд, простите, — братец спешно уставился в пол.

Николай, вернувшись в свои покои, долго не мог успокоиться и ходил туда-сюда под прицельным взглядом Трины. Нет, он все сделал верно, иначе и не мог поступить, но число его врагов множилось в геометрической прогрессии. Никто из присутствующих не удивится, если через год Глубина уже не пришлет никаких даров. Или вообще объявит войну черной империи. Хотя какая может быть война, если они в воде, а остальные на суше?

Трина попыталась прервать его метания:

— Я кое-что скажу, Киан. Меня восхищает твоя целостность, ты в своих странностях настолько последователен, что это впечатляет. Бьешься за каждую важную для тебя позицию и всегда ее отвоевываешь. Как бы я ни относилась к ним, твой стержень непоколебим, а это важнее. Я говорю искренне, а не как часть восторга шорсир своим господином.

Коля не обратил внимания на ее слова и не ответил, все еще погруженный в переживания. Да ведь он и не собирался никого здесь перевоспитывать! Из Николая тот еще воспитатель. И прекрасно понимал, что все вернется на круги своя или сделается еще хуже после его смерти — на будущей неделе или через семьдесят лет, не так уж и важно. Но Коля словно не мог остановиться — все силы прилагал, для того чтобы конец его дней пришелся на будущую неделю. Кого в этом винить, если не самого себя? И как переделать самого себя, если окончательно изменить мир вокруг невозможно?

Глава 19

Ничего удивительного, что азартные игры в этой обители зла прижились как родные запчасти к иномарке. Николай сам был свидетелем, как один барон, проигравший родовое поместье, рвал на себе волосы и кричал, что черная империя такого зла еще не знавала. И в его отчаянном вое не было ни уважения, ни восхищения — чистая ненависть. Коля же утешался тем, что азарт хотя бы на время заменил знати привычные развлечения, и раз уж ему полагается нести

неразумное, злое и вечное — так пусть возрадутся. Вот только усредненный характер этой самой знати он недооценил. Проигравшийся барон отчаялся настолько, что отыскал еще парочку таких же неудачников и посреди ночи ввалился в покои лорда.

Конечно, никто из нападавших не успел сделать и двух шагов по направлению к нему: первого убила Трина, остальных за пару секунд дорезали другие шорсир. И, разумеется, эти заговорщики не были теми самими. Ноэ тоже примчался через несколько минут, оповещенный собственной магической сигнализацией. Убедился, что все в порядке, улыбнулся, но Николаю заявил:

— Число трупов вокруг вас растет, а с ними крепнет репутация. Это даже хорошо, мой лорд. Но мне кажется, вы считаете своих подданных злыми тупицами, а правда в том, что они только злобные. Не слишком много времени пройдет, прежде чем кто-то дозреет до осознания, ради чего вы устроили этот бардак. И когда за вашими мотивами увидят великодушные и милосердие... вот тогда, мой лорд, у шорсир стократно прибавится работы.

— Я пытаюсь найти золотую середину, Ноэ, не придирайтесь!

— Не пытаешься, — зачем-то встала Трина. — Ты действуешь согласно своей совести, а такой атрибут характера здесь не прощают. Первый хоаси прав, со всей очевидностью рано или поздно это поймут остальные. Разумеется, мы сможем защищать тебя, но главным врагам черного престола, сильным и могущественным, любая шумиха может сыграть на руку.

— Погоди! — возмутился Николай. — Не ты ли меня давеча расхваливала за целостность?

— Я. И от своих слов не отказываюсь. Просто описываю факты такими, каковы они есть.

Ноэ не позволил спору развиваться:

— Все-таки мне кажется, что главные враги находятся где-то не здесь... Уж слишком топорно для мага высочайшего класса — оказался он поблизости, всем хоаси пришлось бы попотеть, чтобы с ним справиться. А если он посредственность, тогда тем более неясно, зачем все это организовано... Я уже и сам начинаю подозревать белых: вдруг они каким-то образом узнали о списке престолонаследия и предположили, что именно вы ограничите рост зла? Но тогда покушения на вас уже не их рук дело. Да мало ли врагов у черного лорда? В общем, у меня нет пока ответов. А вам, мой черный господин, все-таки посоветую — не зря же я называюсь первым из ваших советников, — вы хотя бы тех девственниц заберите и хоть что-нибудь с ними сделайте. Будьте уверены, и Тайгон, и все, кто недоволен нарушением союза с Глубиной, заметили, что вам эти девицы тоже оказались без надобности.

— А мне они на кой? — окончательно расстроился Коля.

Ноэ хитро ухмыльнулся:

— Именно потому черный престол могут наследовать только сыновья, а не дочери. Хотя бы по той причине, что мужчины чаще всего знают, что делать с лишними девами и стоит ли оно того, чтобы обижать старых союзников. Мой совет прост в своей мудрости: в следующий раз, принимая решения, подумайте, под каким соусом вы подадите последствия. Если сможете прикрыть злодеяниями — так ни в чем себе не отказывайте. От горстки недовольных вас защитят. Но даже я не смогу помочь, если в вас увидят источник, тьфу, добра.

— Да понял я, понял, — отозвался Николай, которому уже до смерти осточертели подковерные интриги, которые здесь еще и наизнанку вывернуты.

Но к вечеру он отошел и созрел для продуктивных мер. Усадил Трину за стол напротив и принялся составлять «Программу экономического развития ЧИ на ближайшую пятилетку».

Хватит отлынивать, пора брать зло в ежовые рукавицы, а Трина честно и без обвиняков расскажет ему о своем мнении. Она и была честна — особенно в своем искреннем смехе, когда Николай предложил ввести налог на каждую особь в гареме.

— Чего ты так веселишься? — смеялся заодно и он. — Это же первый закон мироздания: самых классных девиц получают самые крутые перцы! А самые крутые перцы уж точно смогут за них заплатить! Мы потом еще им и проверки будем устраивать на предмет содержания, штрафные санкции введем за ненадлежащий уход.

— Смеюсь, потому что здесь жадность не порок. Большинство дворян скорее удавятся, чем начнут платить за то, за что никогда не платили! Или разгонят все гаремы к чертям собачьим. Николаю нравилось, что она все чаще использует его же фразочки и сама того не замечает.

— Так и пусть разгоняют. Мне-то что?

— И куда ты всю эту армию нахлебниц пристроишь? Это же сотни женщин, которые не умеют ничего, кроме как мужчин ублажать.

— Уверен, пустоголовые красотки теплые места не потеряют, это второй закон мироздания. Зато те, кто оказался в наложницах не по доброй воле, смогут поискать себе другие занятия.

— И какие же? Будешь увеличивать количество прислуги до бесконечности? Тогда тебя и ругры возненавидят!

— Зачем же? Продолжаем реформу налоговой системы! Уберем-ка налоги со всех поместий, которые занимаются производством продуктов, а также с ткацких и портняжных мастерских.

— Да ты за два года разоришь казну, Киан!

— Не очкуй, Тринюш. Здесь такая налогооблагаемая база, что только разворачивайся — если за все пороки будут платить, то я за два года увеличу казну вдвое. А если не выйдет, пойду за картонные столы сам — с такими лохами я любой бюджетный дефицит покрою.

Сомневаешься?

Она засмеялась еще звонче, еще искреннее — красивая и необычная, мрачная и чудная, как весь этот мир. А Николай смотрел и все ждал повода пригласить на свидание — пройтись под огромной луной-лепешкой по какой-нибудь Серой Пустоши по берегу кровавого моря. Только он, она, Ноэ и двенадцать вооруженных шорсир следом — это на случай, если Глубина решит выразить ему свое фу.

А пока же он увлекал ее идеями:

— Подпишем все под решение демографических проблем: сюда же бессмысленные убийства соотечественников, плохая забота о детях и жестокие наказания за провинности. Зло же может заботиться о том, чтобы у него было много подданных?

— Может. Но несостыковок будет столько, что и не счесть.

— Ерунда. Надо с чего-то начинать. Пока составим общую схему развития, а проблемы начнем решать по мере их поступления.

— Как прикажешь, Киан.

— Я не приказываю, секретарь, я твой ответственный работодатель: босс, шеф, директор, властелин ночных фантазий.

— Как прикажешь, босс и властелин лишь собственного сумасбродства.

— Жаль, что ты так мало была в моем мире — успела бы посмотреть несколько фильмов. И будь в тебе хоть капля романтики, уже поняла бы, что все сотрудницы влюбляются в своих боссов, если боссы такие, как я, молодые, красивые и мультимиллиардеры. В последних влюбляются наверняка, а я прямо по всем статьям в профите.

— Эх, женщину бы тебе. Проскальзывает явное желание спариться.

— А что плохого в спаривании?

— Тебе не по статусу, слишком ты велик для подобного. В пары стремятся объединиться те, кто сам по себе неполновесная личность, вот и ищут... вторую половину, даже не понимая, насколько это жалко. Целому не нужен никто, он и так целый.

— А-а, понял! Поэтому шорсир объединяются сразу группами по тринадцать?

— Твой сарказм летит мимо, Киан. Я и одна уложила бы тебя на лопатки, если бы захотела.

— Все обещаешь и обещаешь... Давай, Трина, с тебя новый налог — придумай самый жуткий. Она задумалась.

— Налог на налоги? Это для титулов, которые вправе собирать мзду со своих подданных. Пусть часть в твою казну переводят.

— Чертовка... Уложила-таки на лопатки. Вписывай. Если мы продолжим в том же духе, революция не за горами.

— Ничего страшного, революций у нас уже тысячу лет не случалось — все какое-то развлечение. Я, кажется, заражаюсь твоей тоской.

С юмором у нее тоже все нормально, он только запрятан глубоко, но наружу прорываются смелые ростки. Характер мерзейший, вредность и упрямство зашкаливают — но это отличные качества, любой стерве к лицу. Николаю стервы не особенно нравились, но в этой звенящей самоуверенности все-таки было что-то привлекательное. Например, Трину он бы вряд ли доверил какому-то другому мужчине, было бы жаль бедолагу. А вот самому Николаю ничего так, сойдет.

Новые законы успели поднять настроение им, но не успели обрушить настроение придворным: случилось нечто, отложившее внедрение системы беспощадных издевательств. Уже даже служба, прибежавший пригласить лорда на совет, выглядел слишком растрепанным. Николай не стал задерживаться и в сопровождении охранниц отправился в знакомый зал.

А в коридоре его встретил господин Шур, едва склонивший голову.

— Приветствую, мой лорд. Прошу, поспешите, ждем только вас.

Николаю его встревоженный вид не понравился:

— Это вы так из-за Глубины расстроились, дорогие хоасси? Ну ничего, иду я, иду, сейчас поругаетесь и разойдемся.

— Нет, мой лорд, дело другого уровня.

— Да что случилось-то?

— Война, — отозвался тот как-то подчеркнуто сухо.

Николаю это слово не понравилось настолько, что он замедлил шаг и позволил неприятному холодку спокойно пробежать по спине. Господин Шур, вышедший вперед, обернулся.

— И раз уж вы сами затронули этот вопрос, то Глубина не предупредила нас вовремя, когда враги пересекли приграничную реку. Армия света уже идет по нашей земле, мой лорд. Если мы их не остановим, через два дня они будут здесь.

— Потом разберемся с Глубиной, — теперь уже тихо ответил Коля. — И что, если мы не остановим свет? Ведь им самим невыгодно разрушать черный престол — так говорил господин Ноэ.

— А они и не разрушат, — хоасси развел руками. — Но это не значит, что не потеснят тьму до такой степени, что она будет восстанавливаться тысячи лет. Наверное, не разрушат. Мы ни в чем сейчас не уверены, но уже потеряли преимущество, не стоит медлить.

В следующий час Николай с ужасом слушал о кровавых битвах между вечными врагами. О том, что жертвами неизбежно станут тысячи человек, а черному лорду, несмотря на всю опасность, придется возглавить армию: демоны приносили клятву служить законному властителю, демоны управляют драконами, а драконы — самое главное оружие тьмы. Конечно, шорсир и семь хоасси будут охранять его, остальные советники останутся во дворце. Они станут последней линией обороны, если свет «заиграется» в азарте победы. Сам Николай молчал, поскольку не видел себя ни в роли рядового воина, ни уж тем более в роли генерала многотысячной армии. У него вообще о военных стратегиях и дисциплине были весьма размытые представления.

Хоасси, видя его состояние, не давили и даже, удалившись, дали время на раздумья. В зале Совета Тринадцати остался только Ноэ. К нему Николай и обратился, когда смог собрать мысли воедино:

— Да зачем им это? Тем более если добро и не собирается уничтожить зло окончательно?

— Не собирается, мы полагаем, — Ноэ пожал плечами. — Ваш отец в прошлой войне отвоевал у них Серую Пустошь. Быть может, они собираются вернуть ее и часть Долины Смерти, где произрастают папоротники...

— Так давайте отдадим им эту Пустошь, а папоротники оставим себе! Тогда они угомонятся?

— Вряд ли. Нужна война. Испокоя веков свет борется с тьмой.

Звучало так абсурдно, что можно было бы рассмеяться — но было не смешно.

— Похоже на какую-то игру — война ради войны.

— Это реальность, а не игра, мой лорд. И причин у этих битв множество: территории, ресурсы, справедливость. Пусть у каждой стороны она своя, да и самое главное — они белые, а мы черные, наша взаимная ненависть оправдана хотя бы этим фактом.

— И всё? За такую ерунду умирают тысячами? Территории можно поделить, ресурсами можно торговать, но они все равно пойдут нас убивать только за то, что мы черные, или у нас свой взгляд на справедливость? Какая чушь!

— А у войн в вашем родном мире более стоящие причины?

Николай глубоко задумался, потом выдал раздраженно:

— Вы такой невыносимый, Ноэ, отстаньте.

Началась новая веха в истории черной империи, когда на троне оказался не тот лорд, который с привычной холодной жестокостью и циничной расчетливостью отвечает на такие вызовы.

Николай впервые понял, насколько он не на своем месте — речь шла уже не о его привычках и стереотипах, а о том, что прямо сейчас за окнами нарастал шум: это поднимались армии тьмы, выгоняли из загонов ревущих драконов, а солдаты вставали в стройные шеренги и звенели щитами. Шорсир стали выглядеть еще более сосредоточенными, чем раньше. Многие погибнут, вероятно, и сам Николай, уступив место следующему в списке — просто потому, что у добренького света оказалось слишком много непримиримой злости.

Глава 20

Самое страшное, что небо светлело — голубело от самого горизонта пока тончайшей, но медленно расширяющейся полосой. Свет оказался не теоретической абстракцией, приближался самый настоящий Свет, что начинало портить уже привычный серо-синий пейзаж каким-то жутким, неожиданным рассветом. И теперь пожелание «Пусть завтра солнце не взойдет» приобретало более глубокий смысл: Свет не сулил ничего хорошего всем жителям черной империи, если только они не зацкивались на декорациях.

Николай на горизонт не смотрел — опасался, что поддастся страху. И что этот страх смогут увидеть другие — отчего-то ему именно это казалось важным. В конце концов, несмотря на противоречия с соотечественниками и собственное мнение, он самый настоящий черный лорд. И вряд ли имеет право быть трусом, никакой лорд не имеет — дело не в расовой принадлежности. Но именно черный, наверное, уже должен гореть азартом и мчаться в кровавое месиво, опережая остальных на полкорпуса. Николай ведь себя и трусом никогда не считал, но вот до сих пор его храбрость настолько не проверялась.

— Я и на коне не умею! — раздраженно ответил он Трине, хотя та пыталась хоть как-то решить проблему.

Николай с содроганием осмотрел дракона, затем песчаного змея, дольше задержался на вороном скакуне, взвесил все известные ему факты о наездничестве, очень тяжело вздохнул и выбрал:

— Пусть будет дракон, Трина. Если меня скинет конь, то все равно эта орава затопчет. Падая с дракона, я хотя бы переживу падение с дракона — все будет чем похвастаться на том свете.

— На каком еще свете?

— Дракона, Тринюш, дракона, — мрачно закончил он разговор.

Выбрали ему особь покрупнее и посолиднее, а Николаю уже было все равно. Чудище глянуло на него злыми янтарными глазами, но покорно склонило голову. Вскарбавшись, Николай смог более-менее удобно разместиться между зубцами закривка в основании шеи, но когда монстр рванул вверх, забыл обо всех настройках и отчаянно взвыл от ужаса. К счастью, его нестатусный крик утонул в реве ветра. Минут через десять Николай смог дышать и постепенно начал осваиваться, поминая добрым словом маму. Какая же она молодец, что не запрещала ребенку сначала кататься на велосипеде, потом на мопеде и мотоцикле. Нет, ничего общего с тем самым опытом не находилось, но хотя бы осталась привычка дышать, когда воздух бьет в лицо на полной скорости. Да и с принципами управления он справился тоже благодаря мотоциклу — дракон оказался даже более податливым и маневренным.

Страх мгновенно сменился на восторг, когда в небо почти одновременно поднялись остальные драконы — все шорсир и несколько хоасси смогли подстроиться к его пока рваным движениям, создавая самый роскошный из известных истории эскортов. Драконы с демонами разлетелись в две шеренги по обе стороны от правителя и его ближайшего сопровождения. Через полчаса такого полета Николай был готов петь от радости, даром что поводом для таких впечатлений стала отнюдь не приятная прогулка. Обзор был превосходным, но теперь быстро расширяющаяся светлая полоса рассвета его так не беспокоила. По земле стройными рядами шла конница, а фланги замыкали демоны, но уже оседлавшие пустынных змеев, чьи огромные хвосты полосовали черный песок и сносили мелкую растительность. Ревела эта живность похлеще драконов, что Николаю особенно в них понравилось. Устрашающая армада — да будь Свет хоть трижды героическим, еще большой вопрос, кто кого.

Николай освоился настолько, что вытянул из ножен меч и поднял вверх. Оружие сразу засветилось синим, распространяя тусклое сияние все дальше и дальше. Змеи, даже не поднимая голов, будто почувствовали магию тьмы и взревели еще громче, их вой подхватили демоны, тоже вытаскивающие мечи — совсем не того же размера, что был в руках Коли. А затем боевой настрой накрыл уже всех сомневающихся.

Николай сам себя застучал за тем же победоносным криком и осекся, когда увидел в небе точки: реки точек, океан. По земле шла пехота — все воины в белом, они будто застилали землю белесой жидкостью. Свет с тьмой перемешались, создав в воздухе хрустальные сумерки. Армии остановились друг напротив друга, ветер стих, словно тоже присматривался к

происходящему. Теперь и говорить было можно. Николай решил действовать по привычке — шутить, чтобы не начать проявлять ненужные эмоции:

— А я думал, будут единороги, пуляющиеся радугой.

— Это пегасы, мой лорд, — ответила одна из шорсир. — И пегасы очень опасны в бою.

С этим спорить не хотелось. Конечно, в размерной таблице эти летающие кони с распластанными крыльями располагались бы через несколько страниц после драконов, но все они были одеты в бронированные доспехи, а из-за относительно малого размера казались быстрее и точнее черных чудовищ. Насколько Николай мог окинуть взглядом, силы противников были примерно равны, но и к гадалке не ходи — предстоит бойня в самом худшем значении этого слова. А с Коли уже хватило победоносных криков и маршей, ему попросту не хотелось спускать столько своих подданных, способных платить налоги, в эту урну бессмысленности.

Последняя мысль и заставила его забыть об осторожности и рвануть вперед. Кричал он, конечно, громко — так, чтобы его могли услышать и в небе, и на земле, — но казалось, что какая-то магия разносит его голос сама, да, вероятно, так оно и было:

— Это вы пришли на нашу землю, не мы объявили войну! — пытался он подобрать правильную фразу, чтобы свернуть конфликт и разойтись в разные стороны. — Мир огромный, на всех хватит! Я хочу говорить с вашим лордом!

Самого белого лорда он уже разглядел — его выдавал большой и белоснежный пегас, а также меч, от которого во все стороны расходился свет. Одежда же ослепляла и делала его издали похожим на металлического робота или курицу в фольге. Красиво! Ответом на требование Николая были сразу несколько светящихся стрел, но шорсир успели вылететь вперед, закрывая его. Одна из стрел угодила дракону Третьей в бок, но он, кажется, этого не заметил. Или тоже впал в боевой азарт, когда боль отходит на второй план.

Разумеется, Николай рванул дракона обратно, чтобы не рисковать дальше жизнями своих охранниц. Но не удержал удивленного вскрика:

— Как подло!

— А вы чего ожидали?! — нервно ответила Девятая. — Благородства?!

— Да! Это же светлые!

Она наклонилась и совсем по-мужски сплюнула на землю.

— Все мы благородные, пока речь идет о своих. И все мы темные, когда ненавидим. Будьте осторожнее, мой лорд, прошу!

Николай больше не высовывался, но крикнул снова на последних каплях надежды:

— Я хочу говорить с лордом, если он не трус, конечно!

И белый лорд ответил — но не ему, а всем своим подданным:

— Вперед! Во славу добра и справедливости! Перережьте им глотки!

Какой-то в этой фразе наблюдался логический прокол, но Николаю уже некогда было соображать. Как только светлые врезались в темные ряды, началась какая-то каша. Коля драться мечом не умел, но дракона ему все-таки выдали опытного — монстр сам изрыгал пламя на тех, кто приближался на опасное расстояние. Одиночек успевали вырубать шорсир и хоасси. На стороне белых тоже были маги — их светящиеся стены и вихри сталкивались в воздухе с такими же синими, заживо сжигая всех на пути: и своих, и чужих. Крики боли доносились и с земли. И ничего с этим нельзя было поделать, никак остановить. Николай старался хотя бы не доставлять лишних проблем, но освещал мечом как можно больше пространства, казалось, тьма дает силы всем, кто за нее сражается. Или хотя бы веру в то, что не все потеряно.

Дракона впереди подсекли на излете, и он тяжелым ядром полетел вниз. Ноз кинулся следом, чтобы попытаться спасти своего коллегу-хоасси, и тем самым открыл брешь в обороне. Шорсир быстро переместились, и в на секунду открывшемся проеме Николай успел разглядеть отряд во главе с белым лордом. Вероятно, вершина добра хочет придушить зло самостоятельно. Коля буквально кожей ощущал, как разгорается в нем тьма, лишь реакция на чужую агрессию, но оттого тьмой она быть не перестает. Страх не осталось — осталось только тревожное ощущение бессмысленности происходящего, как во сне или компьютерной игре: происходит какая-то жуть, но она обязана быть понарошку.

Демоны с флангов пытались прорваться к центру через толщу врагов, хоасси пока успешно отбивали волновые удары белых магов, но светлый клин все же медленно продвигался вперед. Белый лорд вдруг подкинул меч, перехватил его иначе и посмотрел прямо на Николая, его

будто не беспокоил хаос вокруг и вовсе не мешал. Он с размаха кинул меч, как копьё, и оружие прямо в воздухе засветилось еще ярче, ослепляя и отшвыривая от себя всех черных. За полсекунды Николай успел попрощаться с жизнью — настолько неотвратимой казалась угроза. Он даже не успевал накрениться, чтобы попытаться развернуть дракона, слишком мало было времени. И в последний момент сквозь белое свечение прорвалась Трина — меч-копье прошил ее насквозь и вышвырнул в воздух. Тем не менее траекторию она сбила, и в следующую секунду Николай забыл обо всем, на полной скорости впечатавшись в реальность: Трина или уже мертва, или разобьется о землю, или окажется раненой в самом сердце бойни. Конечно, он думал о потерях... но отчего-то даже не предполагал, что потеряет именно ее.

Николай взревел уже не победоносно — отчаянно. Дракон, повинувшись его движению, молнией устремился вперед, не обращая внимания на удары и стрелы. Коля уже вообще ни о чем не думал, ему просто хотелось, чтобы это белоснежное добро сдохло. Прорвавшись далеко вперед и оказавшись всего в десятке метров от цели, Николай приподнялся, он и сам не понял, как перекинул меч наподобие копья и кинул в противника. Тут же вынул из голенища сапога кинжал — у него в запасе была еще парочка, хватит, чтобы добить. Теперь вокруг расплзлась тьма, ослепляя даже магов и пугая пегасов. Меч сам стал олицетворением магии, потому и летел так точно. Но все-таки нужна какая-то сноровка — и для сражений, и для использования оружия. Лезвие только полоснуло по плечу белого лорда и пролетело дальше, рассекая всех, кто попадался на его пути. Зато лорд теперь морщился от боли и безуспешно пытался выправить коня, который терял высоту — то ли от испуга, то ли кем-то раненный. Этого явно было недостаточно, чтобы Николай начал соображать.

С кинжалом в руке он встал на ноги и прыгнул на врага сверху. Просто убить — и неважно, чем это закончится для него самого. Лорд успел поднять руку и отбить прямой удар, но Николай упал на него всем весом, снося обоих с пегаса, и не отпустил противника даже в воздухе, как будто собирался вгрызться ему в горло или разорвать руками. Секунды замерли, крики остались где-то далеко сверху, оставив только оглушающий рев ветра в ушах.

Глава 21

В вихре ярости Николай забыл и о своем сопровождении, и о свите белого врага. Хоасси и маги противника вмиг перестали думать о битве и бросили вниз воздушные волны, замедляя падение своих лордов. Коля ощутил, как их с силой подхлестнул невидимый мешок, но не заморозил в воздухе, а лишь создал подушку, сквозь которую они продолжали лететь с замедленной скоростью, уносимые в сторону от гущи сражения, — в этом вопросе маги обеих сторон сошлись. Так и до земли доберутся невредимыми, а это Николая не устраивало. Он пару раз пытался вонзить кинжал в противника, но белый лорд успешно отбивался, демонстрируя лишь порезы на своем блестящем целлофане. Тогда Коля вывернулся, ослабил хватку и со всей силы пнул врага в живот, выбрасывая из надежной подушки. Белые маги не успели среагировать, да и были теперь слишком далеко, потому лорд светлых полетел в сторону и резко вниз. Вот только до земли оставалось всего несколько метров: блестящий выродок может быть слишком силен и не помрет от удара.

Николай выждал еще немного для безопасности и снова прыгнул сверху, уже через секунду припечатав хрипящее существо к земле и об него же смягчив собственное падение. У лорда ртом пошла кровь, а глаза расширились в ужасе — сейчас тот и сам понимал, что добить его мог даже ребенок. Но белые маги скоро окажутся здесь, потому Коля времени даром не терял — замахнулся, чтобы вонзить лезвие в горло. И тут услышал:

— Пощады... прошу.

Это было совершенно, абсолютно нелепо. До такой степени, что Николай зло засмеялся:

— Пощады?! Ты объявил мне войну, ты убил моих людей, ты отказался договариваться, мразь!

— Пощады... — повторил белый лорд. — Или перед тем, как убить меня, вспомни, я последний из сыновей своего отца. Не знаю, чего вы добивались, но черная империя падет вслед за белой... Вы хороните не только нас, а все миры. И пусть в вас нет сострадания, но о себе-то вы должны беспоко...

— Ты пошел на меня войной! Ты! А теперь несешь про падение белого престола, до которого мне и дела не было?

— Но я обязан был отомстить за смерти братьев...

Николай снова замахнулся, но удержал руку, когда вник в смысл услышанного. Встал со своего противника. Тот, крихтя, начал садиться, вскинул руку, сплюнул кровь и крикнул вверх:

— Не приближайтесь!

Коля посмотрел туда же и закричал:

— Оставайтесь в воздухе. Хоасси, проследите, чтобы к нам никто не лез. Шорсир, найдите Тринадцатую и Ноэ. Кажется, наступило время переговоров, а от результатов ваших поисков будет зависеть и ход дипломатической миссии.

Белый лорд с каждой секундой выглядел все лучше, уже через минуту начала пропадать бледность, и стоял он на ногах все тверже. Похоже, у него та же регенерация тканей, которая уничтожила раны Николая во время коронации. Таких надо добивать сразу — теперь он снова сильный противник. Не было ли это уловкой? Начать говорить всякую ерунду и тем самым дать себе время восстановиться...

Но белый лорд не атаковал. Он выпрямился, привычным жестом оправил плащ, вскинул подбородок. Молодой совсем, моложе самого Николая, голубоглазый блондин, такой типаж изображают в виде ангелов. И вдруг затянул на какой-то повышенной ноте:

— Если ты меня не убил, тогда наступило время переговоров. Начнем, пожалуй, — все это он тянул с какой-то возвышенностью, как в дешевом фильме про старинных королей. — Я Низель Святой, семьсот девятый сын рода Роаллов.

Николай так протяжно излагать не умел, но пожал плечами и ответил:

— Я Киан, не знаю какой по счету сын рода Кордов. Тоже почти святой. Что ты там чесал про смерть братьев?

Низель Святой нахмурился — надо признать, очень красиво и изящно. И ответил уже задумчиво, без раздражающей патетики:

— Мой отец убит три месяца назад, он оставил трех наследников — я последний. Нельзя было оставлять такой удар без ответа, черные должны заплатить за содеянное.

— Отравления? — заинтересовался Николай еще сильнее. — Твою родню отравили?

Его изумление не могло остаться незамеченным, но Низель процедил:

— Еще скажи, что ты об этом не знал, Киан, не знаю какой по счету сын рода Кордов.

И Николай ответил, не видя смысла юлить:

— Мой отец умер от старости, насколько мне известно. Но уже двух наследников отравили. Я третий черный лорд на престоле за последние два месяца.

Маги, которые кружили ближе остальных, явно расслышали, потому что стали переглядываться, а потом и спрыгивать с пегасов и драконов, хотя им вроде бы не разрешали приближаться. Скорее всего, белые подчиняются приказам лорда примерно в той же степени, что и хоасси, то есть терпят его чудачества, пока тот им не мешает, но не более. И один из белых выкрикнул:

— Он не лжет, мой лорд!

Господин Рой отозвался с другой стороны тон-в-тон:

— Мой лорд, белая зараза не врет!

После чего лорды уставились друг на друга с совсем другими чувствами и будто впервые увидели. Разумеется, ситуация сразу стала выглядеть немного иначе.

— Приказывай отступление! — первым рявкнул Николай. — Потом будем разбираться с деталями!

— Ты первый!

— Что за ребячество?! — Коля зарычал от бессилия. — Хоасси, отступаем! Отведите войска! — он вспомнил, что голос может усиливаться магией: — Всем черным отступить!

К его облегчению, Низель мгновенно отдал такое же распоряжение. Затрубили горны, понеслись крики хоасси и демонов, но шум не стихал еще долго. Это ж сколько народу полегло из-за глупости? Коля не выдержал:

— Не будь ты так туп, мы бы это выяснили до начала битвы! Жаль, что у белого престола не нашлось еще одного наследника.

— Ты какой-то странный, — совсем по-детски ответил Ниэль. — Ты ведь черный лорд — никто на моем месте не стал бы слушать, потому что подлость — твоё второе имя. И уж точно я не имел права рисковать жизнью, будучи последним оплотом добра!

— Да заткнись уже, — Николай судорожно соображал. — Идиот ты, а не оплот. Идти воевать, тем более, когда ты последний... Черт. Да сделай уже рожу не такой обиженной, я констатирую факты! Сейчас предлагаю всем успокоиться. Раз атаковали сразу оба престола, а может, и осознанно натравливали друг на друга, тогда нам надо прекращать быть марионетками. Предлагаю заключить союз...

— Союз? — звонко рассмеялся Ниэль. — Союз добра с низменными тварями?!

К нему подошел один из белых магов и наклонился к плечу:

— Мой лорд, Корд предлагает разумное решение. И оно временное — хотя бы до тех пор, пока мы не узнаем имя общего врага. Повоюем вдоволь позже, когда убедимся в сохранности всех миров. В конце концов, это наш священный долг, даже если придется поступиться принципами. Ниэль скривился, размышляя. Хоасси помалкивали — вероятно, тоже считали временный пакт о ненападении единственным вариантом. Николай же осматривал поле вдаль, где очень медленно оседали пыль и прах. Он старался не думать о погибших драконах, чьи туши распластались по земле, о людях, которые уже не вернуться домой — без разницы, в мрачные замки или в светящиеся серебром купола. Пытался не винить себя за то, что не нашел правильного решения до беды. Хотя что он мог сделать? Отправить к белым делегацию, которую бы расстреляли светящимися стрелами еще на подходе? Это не Николай дурак, это мир дурацкий: живут по тупым шаблонам и по этим же шаблонам умирают.

Его отвлек голос Ниэля:

— Я Ниэль Святой, семьсот девятый сын рода Роаллов, согласен на пакт о ненападении, пока мы не устраним общую угрозу. И клянусь, что до того времени ни один белый не убьет ни одного черного, если тот не пересечет нашу границу.

— Да что вы говорите. Славненько, — буркнул Николай. — Еще сделаем вид, что у нас есть другой выход. Вы-то громче нас блеете о добре и справедливости, так сделайте для этого хоть что-нибудь. А потом тоже не помешает сесть за круглый стол и уже каким-то волевым решением прекратить этот тысячелетний кретинизм.

— Вы очень странный, — зачем-то сказал и белый маг, сканируя Николая взглядом. — Я видел двух ваших предшественников и с уверенностью скажу, вы очень странный. Не ощущал бы вашу магию, усомнился бы, что вы вообще черный лорд...

Господин Шур нервно воскликнул:

— Самый черный из черных лордов! Не ваше дело!

А Луар выступил вперед:

— Кого хотим, того и коронуем! Вашего белочего мнения мы еще не спрашивали! Давайте, топайте уже с нашей земли, а то вы теперь нарушаете пакт!

— Ну и утопаем! Потом за каждое слово ответите!

— Ага. Как вы в прошлый раз, когда мы отбили Серую Пустошь?

— Хватит, хватит! — остановил Николай, пока едва утихший конфликт не перерос в новую стычку. — Взрослые же люди! Прощай, Ниэль. Знакомству не рад, врать не стану, но надеюсь, у тебя хватит если не благородства, то ума не нарушать наш договор. — И сразу повернулся к своим: — Трину с Ноэ нашли?

Все промолчали, это и было ответом. Господин Шур подошел ближе и тихо заговорил:

— Хочу сказать важное, мой лорд. Да, ваша выдержка меня восхитила. И не было других решений — нет ничего глупее, чем убивать друг друга, пока кто-то в стороне ждет, когда оба престола освободятся. И теперь все подозрения с белых сняты, это тоже благодаря вам. Но замечу, что союз с белыми очень плохо скажется на вашей репутации. Все, что вы творили до сих пор, не идет ни в какое сравнение. Настаиваю на том, чтобы вы вели себя осторожнее, чем раньше, теперь ждите ударов и от своих.

Господин Зор просто разводит руками и рассуждал вслух сам с собой:

— Но если белые невиновны, тогда кто? Неужели действительно предатель в нашем или их совете?

Николая пока заботили совсем другие проблемы.

Черные утаскивали к погребальным кострам тела своих и успевали обобрать павших светлых, пока те до них не добрались. Быть может, не зря белые кричали им вслед проклятия и называли

вандалами? Убитых драконов демоны разделявали на месте — а чего мясу пропадать? Николай решил мысленно называть их прагматичными и разумными, а не каким-нибудь оскорбительным термином. Настроение его было ниже всех допустимых норм.

Ноэ нашелся сам — уже тогда, когда привычная синь заполнила воздух, а луна снова засияла огромной плашкой на полнеба. Хоасси прихрамывал, и вся его одежда была пропитана кровью, но Коля обрадовался и зашагал навстречу — все-таки облегчение узнать, что верный товарищ жив.

Но тот сразу сообщил:

— Я видел, как они унесли Тринадцатую, мой лорд. Осознавая, что она вам дорога и является чуть ли не единственным гарантом вашей стабильности, я решил ее отбить.

— От кого? Кто унес?

— Белые маги, мой лорд. Но к тому времени я уже был ранен и против пятерых не устоял. Они пригвоздили меня к дереву, уже из этого я сделал вывод, что заключено какое-то мирное соглашение. Иначе бы убили, а не задержали.

— Что?!

Пока он подбирал правильное определение, в небе обозначилась черная точка. Всадник на пегасе сделал круг над ними, бросил сверток и поспешил убраться. Господин Луар передал Коле письмо. Почерк Ниэля оказался таким же забористым и раздражающим, как и он сам. «Киан! Поскольку мы теперь „друзья“, — вот так, именно в кавычках, — то я „по-дружески“ сообщаю тебе, что мы обнаружили ту девушку, которую ты искал. Мне показалось, что она важна. Она пострадала в битве, но жива. Даю слово Ниэля Святого, семьсот девятого сына рода Роаллов, что лекари окажут помощь, мы позаботимся о ней и не причиним вреда.

Предупреждаю вспышку черного гнева, Киан, и подчеркиваю, что мне нужна хоть какая-то гарантия против твоей подлости. Клянусь, что верну ее живой и невредимой сразу после того, как обнаружится враг и наш союз распадется. Это будет моим последним актом милосердия перед тьмой».

Николай не мог осознать. А потом решил, что стоит написать ответное послание — «по-дружески». Если исключить все маты, которые в этом мире нуждались в дополнительной трактовке, то осталось бы только «козел» — а таких животных здесь вовсе не водилось. Руки дрожали от ненависти. Да он уже проклял этот союз с негодями и собирался вновь поднять войска в наступление.

Видя его состояние, Ноэ сам взял бумагу и понюхал, после чего спокойно заметил:

— Ложью не пахнет, мой лорд. Ниэль действительно собирается вернуть ее живой и здоровой, если вы не нарушите договор. Есть подозрение, что они даже не узнали в ней шорсир — Тринадцатая тяжело ранена, была без сознания. А у белых вообще шорсир нет, они об их существовании слышали только из сплетен и домыслов. Потому я настойчиво советую не пороть горячку. Тринадцатая или сбежит сама, или ее вернут, как обещано. Ее жизни ничто не угрожает, но сам союз крайне важен. Вам в связи с этим решением придется столкнуться со множеством проблем, не тратьте силы там, где и без вас все уладится.

Не только Ниэлю в этот знаменательный день пришлось переступить через свои принципы и амбиции. Черный лорд чувствовал себя так же: заглушив отчетливое желание и буквально заставив себя рассуждать рационально, он был вынужден согласиться. И, в точности как Ниэль, только и ждал момента, когда уже можно будет отомстить всем этим гадам.

Глава 22

Когда армия вновь выстроилась в шеренги, а Николай придумывал какую-нибудь вдохновляющую речь, вперед выступил Тайгон, глубоко поклонился и зычно заговорил:

— Вы мой лорд и повелитель! — он вновь склонил голову, дожидаясь, пока шум вокруг утихнет. — И я видел, с какой яростью бросились на эту белую гниль. Сегодня в вашем облике я узрел лик отца, который в каждой схватке разил врагов в первых рядах. Вы его смелость и безрассудство, вы его кровь, мой лорд, а я навеки ваш слуга. Но по праву родства низменно прошу вас ответить: почему вы не убили его? Почему приказали отступить? Почему вообще пошли на этот унижительный союз?

На последней фразе сразу несколько человек в первых рядах опустили взгляды, из чего Николай мог сделать все нужные выводы. Вот и начало волны осуждения. Он сказал сначала тихо Ноэ, который стоял рядом:

— Слышали? Если он все видел, значит, был рядом. И притом не пытался меня убить. Кроме того, у него хватило храбрости спросить о том, что беспокоит всех. Я тоже дам вам совет, советник. Если меня убьют, коронуйте Тайгона — уверен, что он оправдает все ожидания. — Хорошее решение, но проблематичное, — так же тихо ответил Ноэ. — Он не проживет и недели.

— По возвращении я назову его своим преемником, если у меня не будет прямых наследников. Тогда шорсир согласится его защищать?

— Этот вопрос можно обсудить позже, а пока ваш фаворит ждет ответа. И не факт, что прямо сейчас разговор не закончится революцией — в данный момент его кандидатуру могут поддержать все, кроме демонов.

Николай поднял голову и ответил родственнику:

— Сладко заливаешь, братец, у меня от лесты даже настроение на полпроцента подскочило. Но ты сам ответил, я лорд и повелитель, потому не обязан спрашивать твоего разрешения. Иногда черный лорд должен думать и об империи, а не только о себе. Этот союз был необходим, ясно? — он окинул взглядом вояк и рявкнул: — Всем ясно?!

Отчего-то голос его сотряс даже землю, но он уже ничему не удивлялся. В таком унынии Николаю раньше пребывать не приходилось. Заглушенная злость просто рвалась из него, не могла угмониться. И Коля точно знал, что сегодня не сможет спокойно уснуть, пока это раздражение не выплеснется до капли. Потому он почти на той же ноте продолжил:

— Я знаю, что вы устали. Но приказываю закончить этот день победой, а не вынужденным союзом, который самого меня приводит в ярость. Все тяжелораненые могут отправиться по домам, но если вы можете идти, если еще хотите крови, следуйте за мной. Потому что сегодня точно прольются реки крови тех, кто осмелился посчитать нас слабыми. Глубина — ничто. Мы покажем Глубине, что она ничто. Это будет самая знатная уха в моей жизни.

Казалось, произнесено это было без торжественности, но сначала радостно взревели демоны, за ними пустынные змеи, и даже Тайгон начал с удивлением улыбаться и кивать. Когда Николай снова карабкался на дракона, он даже подбежал и уточнил:

— Мой лорд! Мне это совершенно неважно, но простой люд любопытен — они попросили узнать, что такое «уха»?

Николай выдавил улыбку:

— А это мы увидим через несколько часов, брат.

Кровавое Море, разумеется, состояло не из крови, а иначе не было бы пригодно для жизни. Просто луна здесь давала розоватый отсвет, издали делающий воду красной. А само название закрепилось — для общего антуража. Николай уже спешил на берег, как и все, кто летел на драконах, конница немного отставала, но тоже уже шумела приближением.

— Что вы собираетесь делать, мой лорд? — Ноэ спрашивал, позволяя слышать их разговор только другим хоасси. — Глубина потому так и называется, что для сухопутного жителя недостижима. Даже будь мы способны прорваться сквозь толщу воды, там они окажутся сильнее, пребывая в своей стихии.

Николай тоже рассматривал темную гладь, простирающуюся до самых скал.

— А в этом мире вода не высыхает? Я видел магию хоасси в бою — вы точно сумеете раздвинуть толщу теми же воздушными стенами. Еще можно рыть оттоки и тут же иссушать их драконовым огнем.

— Да нет, если ваша задача — просто высушить море, то с этим справимся и мы, хотя это непросто и потребует уйма времени. Но ни к чему не приведет. Глубинные твари смогут уйти по рекам куда угодно, все водоемы соединяются. Вы же не собираетесь высушить вообще все озера и реки империи?

— Почему нет?

— Потому что тогда превратите ее в пустыню и погубите весь народ засухой, — Ноэ легко пожал плечами.

— Дорогой Ноэ, — Николай посмотрел на него, — неужели я не рассказывал вам про блеф?

— Кажется, нет, мой лорд.

— Вот потому вам и приходится химичить новые карты, а не играть имеющимися.

— Не понял.

— Необязательно уничтожать все водоемы. Достаточно заставить поверить в то, что мы собираемся это сделать. Моя слава неадекватна нам только на руку. Глубина может поручиться, что я не безумен настолько, чтобы обречь на засуху и собственный народ?

Ноэ пожал плечами и молча кивнул, обозначая свое согласие с аргументом. Мнения хоасси разделились: некоторые сомневались в разумности подобного «блефа», но и они вынуждены были присоединиться, раз дело все равно пошло. Маги встали на берегу и одинаково вскинули руки, поначалу вызывая резкие порывы ветра. Николай же выступил вперед и закричал, уже зная, как пользоваться магией для усиления голоса, чтобы его расслышали по всей черной империи:

— Я, Киан Корд, взываю к Глубине! Приказываю выйти на поверхность. Вы ответите за то, что предали меня. Выходите и примите наказание, чтобы Глубина существовала дальше!

Реакции не последовало. Однако волны уже поднимались вверх почти вертикальными стенами и отшвыривались в стороны, будто море вычерпывалось гигантскими ковшами. Зрелище было впечатляющим, но Ноэ сказал правду — так им придется работать очень долго. Коля махнул приготовившимся демонам, те вверх взмыли на драконах и начали кружить над поверхностью воды, время от времени пуская вниз огневые вихри. Вряд ли огонь прошивал всю толщу, но определенно нагонял температуры и страха — для декораций сойдет.

— Я высушу это море, — продолжал Николай. — Высушу все реки и озера, но достану каждого из вас. И тогда пощады не будет никому. Глубина будет служить мне и не поднимать головы, или Глубины не будет вовсе. Я, черный лорд, клянусь своей кровью, что мне не нужны рабы, готовые на предательство.

В следующие пару часов он молчал, не надрывал глотку без повода, а результаты уже были очевидны: от пара вся одежда стала влажной, хоть выжимай, уровень воды медленно, но верно отступал. Вояки переглядывались в недоумении, но все же рыли траншеи для отвода. Только демоны гоготали — они вообще нравились Николаю все больше: их радовала любая движуха во славу тьмы, и никаких вопросов. Вопросы назревали у людей. Выскаться вновь осмелился Тайгон:

— Мой лорд, вы ведь не собираетесь в самом деле высушить море?

— Сделай одолжение, брат, заткнись. Иначе я могу забыть, что ты мне брат.

— Но...

— Тайгон! — уже рявкнул на него Коля. — Исполни приказ. Или тоже хочешь получить знак предателя?

Тайгон не хотел и быстро ретировался. Однако после этого переглядывания и шепотки среди солдат стали еще заметнее, даже они поверили в полное безумие правителя. Куда уж тем, кто напросился?

Знакомый гард обозначился только через три часа после начала событий — один. Николай поднял руку, чтобы все остановилось и не заглушали шумом волн его голос. Рыболод вынырнул далеко и направился к берегу, зеленый лицом от ужаса.

— Повелитель! — его голос булькал волнением. — Какая честь, что вы пришли сюда сами! Вся Глубина уже готовит дары во славу этого дня!

— И тебе привет, — ответил Николай. — С дарами разберемся чуть позже, вначале я буду казнить. До тех пор, пока моя ярость не утихнет. Ты, кстати, первый. Раздражаешь.

— Вы... вы говорили о каком-то предательстве? Но Глубина никогда бы не осмелилась...

— Хватит! — Коля даже не повысил голос, но магия почему-то разнесла его окрик оглушительным взрывом. — Если Глубина хочет выжить, пусть поднимутся все ее жители. Чем дольше вы тянете, тем меньше у меня терпения.

— Повелитель! Но вы несправедливы к нам... Мы никогда не помышляли ни о каком предательстве!

Николай не ответил, а снова махнул рукой хоасси:

— Продолжайте.

Драконы восторженно взревели даже раньше, чем маги подняли вверх очередные водяные столпы. Гард в отчаянии взглянул в небо и заскулил. Попытался что-то еще сказать, но без рупора его с берега расслышать было невозможно — да Николай и не пытался. Еще через несколько минут на поверхности воды начали показываться гребни и головы: десятки, сотни монстров разных мастей. Николаю некогда было разбираться, кто из них кто, он просто

выискивал тех, на ком видел самые богатые украшения — пережиток стереотипов, что богачи всегда больше виноваты, чем нищие.

— Это все?

— Да, повелитель! — ответил уже другой, в золотой короне.

— Корону сними. В моей империи только я имею право носить корону, — он глянул на ближайшего демона: — Отруби ему голову, чтобы некуда было побрякушку пялить. И этому. Этому, — он случайным образом тыкал на тех, кто «рожей не вышел» и выглядел самым грозным.

Демонам только в радость, а Николай не мог остановиться, несмотря на плач. Рыбодетишки, оказывается, режут точно так же, как и земные. Но злость выплескивалась медленно, будто по капле, пока море действительно не стало кровавым. Примерно после пятидесяти мгновенных казней Коля усилием воли заставил себя остановиться и прорычал:

— Теперь запомни, Глубина. Ты служишь мне. Без подачек и при моих условиях. Надеюсь, больше не увидимся при таких обстоятельствах.

Он развернулся к своему дракону, считая, что дело сделано. Но кто-то из хоасси заголосил:

— Склонитесь, недостойные, и возблагодарите лорда за милосердие, ибо каждый из вас сегодня заслужил смерть!

Он слышал вынужденные сдавленные крики благодарности, а от них становилось еще тяжелее. Во время полета до замка он себя не винил. Все-таки Николай обладал рациональным и довольно циничным характером. Он не убийца, но если надо убивать ради гарантии стабильности — что ж, не он избрал этот путь.

Ноэ догнал уже в замковом коридоре. Кивнул шорсир, чтобы отошли подальше и не слышали разговора.

— Мой лорд, я понимаю, почему вы это сделали. Вы были в ярости. А ваша ярость есть прямое следствие того, что белые взяли Тринадцатую в заложницы. Но все равно похвалю вас. Не было способа удачнее, чем демонстрация полной отстраненности при жестокости.

Благодарить за похвалу Николай не собирался, ему вообще надоело об этом думать. Он до смерти устал. Но мысль Ноэ озвучил верно, потому Коля и переключился, зная, что хоасси сразу поймет, о чем идет речь:

— А если она не выжила после ран, белые сообщат? Как вы думаете? А если они ее пытаются — просто так, из ненависти? И что будет, если мы не сможем найти врага годами? Чего вы молчите, Ноэ, о чем думаете?

— О том, что после возвращения Тринадцатой вам нужно будет серьезно поговорить.

— А она точно вернется?

— Большая вероятность, что да, — Ноэ отчего-то улыбнулся.

— А о чем говорить-то? — вернулся Коля к предыдущей странной фразе.

— О ваших отношениях, полагаю.

— Вы там смеетесь, что ли? Нашли тоже время! И о каких еще отношениях?

— Хотя бы о том, что вы считаете ее своей женщиной и места себе не находите от беспокойства. Тринадцатая — шорсир и не может называться чьей-то женщиной. Но в вашем случае я ничему не удивлюсь, вы уже поломали кучу вековых традиций.

— Вы любовные романы писать не пробовали? Серьезный человек! Первый советник! А голова забита какой-то чушью, стыдно должно быть!

— Ваши наследники — это не чушь, а задача политической важности, мой лорд. Но хорошо, хорошо, в интимные вопросы пока лезть не буду.

— Вообще не лезьте!

Николай нервно распахнул дверь своей спальни, но был остановлен сразу несколькими парами рук. Шорсир аккуратно отодвинули его с прохода и вошли первыми, чтобы осмотреть помещение. Потому Николаю пришлось еще целую минуту делать вид, что он не замечает лукавой улыбки хоасси.

Волнение, казавшееся максимальным после битвы, с каждым днем только нарастало, побивая собственные рекорды. Через неделю оно начало наслаиваться на вязкую тоску. Николай даже радовался ограниченности своей фантазии — он и без того успел вообразить тысячи способов пыток, после которых Грина останется живой, но оттого они не перестают быть мучительными. В самом лучшем случае ее содержат в цепях в каком-нибудь каменном мешке. Убеждения Ноэ, что для шорсир такое испытание не очень-то тягостно, не успокаивали.

Чтобы отвлечься, Николай вплотную занялся внутренней политикой. Систему власти он мог описать как «тоталитарный беспросветный деспотизм» и пока даже не пытался отойти от этой схемы. До демократии тут общество будет зреть еще тысячу лет, плюрализма мнений отродясь не водилось, а гуманизмом можно только кур смешить. Если бы в ближайших поместьях дворянство уже наконец-то озаботилось разведением кур.

— Зачем ты убил свою жену, герцог? — интересовался он уже почти равнодушно.

— Так... жена же, — в отчаянии разводил тот трясущимися руками. — Кто ж знал, что я даже собственную жену прибить не могу? Она ж моя...

Николай тяжело вздохнул:

— Непатриотично это. Вот сколько твоей жене было? Двадцать семь? По моим прикидкам она могла родить еще десять детей. То есть ты вчера убил десять моих теоретических подданных. Сильных воинов или красавиц-дочерей, которых я потом смог бы взять в наложницы. Неужели думаешь, что можно вот так запросто взять и забрать у меня будущих воинов или наложниц в количестве десяти штук, а потом сделать вид, что так и надо?

Герцог рухнул на колени:

— Помилуйте, помилуйте, властелин! Клянусь сегодня же жениться на другой — и пусть она рождает вам подданных каждый год!

— Не пойдет. Ты мне уже не нравишься. Казните его. И огласите указ, что каждый, повинный в смерти моего подданного без моего ведома, сам отправится под топор.

Справедливости ради, если не заикливаться на мелочах, люди здесь были немного распоясавшиеся, привыкшие к безнаказанности, но вполне себе люди: со своими тараканами, пристрастиями, комплексами и нередко привязанностями к близким. Если взять обычных слуг, то они вообще принципиально ничем не отличались от простых людей в родном мире Коли, только зашуганные слишком. Что-то наподобие крепостных или рабов у жестоких господ. Все эти выводы вселяли оптимизм: нет никакой тьмы в сути этих людей, просто жизнь у них темная, вот они и проявляют лишь худшие качества. И скорее всего в белой империи дела обстоят так же: знать выпячивает свою «святость», а кухарки и прачки почти такие же, как кухарки или прачки у черных. Ну, может, убивают их пореже. Хотя и в этом уверенности быть не могло.

Разумеется, его правление не вызывало восторга у всех, да и союз с белыми бесследно не прошел. За две недели Николай пережил десять покушений. Но Совет Тринадцати когда-то сделал верную ставку: попробуй-ка убить лорда при такой охране. Оказалось, что привыкнуть можно ко всему. Довольно скоро Коля и ухом не вел, когда в него летел болт из арбалета или в очередной раз шорсир впечатывали его лицом в пол. Серьезных магических атак больше не случалось, потому хоасси даже не было необходимости вмешиваться. То есть главный враг куда-то пропал...

И это бесило сильнее прочего. Николай уже сам созывал Совет Тринадцати чуть ли не ежедневно.

— Почему вы бездействуете, советники? — он не усаживался на стул, а сам шагал по центру, куда его с самого начала и пытались поместить. — Разве не ваша задача найти предателя?

Почему меня это беспокоит больше, чем тех, кто поклялся решать подобные проблемы?!

— Вас это беспокоит больше, — спокойно ответил господин Форн, — потому что белые уязвили вашу гордость, взяв в заложницы шорсир. Я даже поражаюсь вашему спокойствию. Вы не только первым предложили унижительный союз, но еще и получили плевков от своих «союзников».

Николай резко повернулся:

— А вам жалование платят за то, чтобы делать плохое настроение отвратительным, советник?

— Нет, — Форн оставался равнодушным. — Мне платят жалование за честное мнение, мой лорд. Для лести у вас хватает челяди, а Совет Тринадцати освобожден от этой обязанности. Так

вот, исполню-ка я свой долг и скажу. Если бы я был там, то выступил бы против такого решения.

— В самом деле, почему вас там не было? — с ядом ответил Николай. — Тогда бы вы увидели, что для дискуссий не было времени! Иногда надо принять любое решение, даже не самое эффективное!

Другие хоасси не вмешивались — наоборот, внимательно слушали, будто сопоставляли со своим мнением. Даже Ноэ за лорда не заступался, наблюдая за тем, как он парирует сам. Это заметил и Форн, выпрямился и заговорил с большим нажимом:

— Может и так, мой лорд. Но для начала речь должна идти хоть о какой-то эффективности решения. Я все никак не мог определиться с отношением к вам. Вначале мне даже нравилась ваша необычность — я и сам видел необходимость встряхнуть этот мир. Вы умны и изворотливы, признаю. Вы даже свою добросердечность умудряетесь прикрыть, и хоть толки идут, а ваших врагов все больше, но вопреки моим ожиданиям, ситуация так и не вышла из-под контроля. Но теперь могу сформулировать, что меня с самого начала неясно смущало: вы не просто необычны, вы не в курсе законов этого мира и не собираетесь их понимать. Ну, тогда я вас просвещу. Черные и белые никогда не сотрудничали отнюдь не потому, что все такие высокомерные и зашоренные... хотя и не без этого. Просто недоверие между нами заложено на генном уровне, ежели угодно. Ниэль мог искренне согласиться на договор, но пройдет час, день, три недели — и он передумает. И это не назовешь предательством. Потому что выбор будет стоять простой: предать вас или предать тысячелетние традиции. Ждите удара в спину, если вы настолько глупы, чтобы им доверять!

— Вы хотите сказать, что не сомневаетесь в нарушении договора?

— Не сомневаюсь, конечно. Скажу больше, никто в этом зале не сомневается. Большинство, однако, поддерживает ваше решение только потому, что оно в тех условиях остановило кровопролитие. И на этом вся результативность. Но вы здесь единственный, кто верит в этот союз, мой лорд. А мы все терпеливо ждем, когда же до вас дойдет. Точнее, я вот не выдержал — устал ждать.

Николай в ужасе рассматривал по очереди лица хоасси. Дольше задержался на Ноэ и спросил:

— Это так? — Тот неопределенно пожал плечами в ответ. Но Колю, конечно, это не устроило: — А как же ваши слова, Ноэ?

— Я подтверждал, что Ниэль Святой говорил искренне, это чистая правда. А вот насколько хватит его искренности, тут уже никакой уверенности. Я лично ставил на месяц. Господин Шур был уверен, что и двух дней не пройдет, а армию они пока не собирают только потому, что ждут более подходящего момента.

— А Трина? — Николай совсем уж похолодел. — Про ее безопасность вы тоже вралли? Ее уже убили, по вашему мнению?! Ноэ, вы единственный, кому я здесь доверял!

Ответил почему-то снова Форн:

— Нет, мой лорд, вряд ли. Им незачем ее убивать — просто нет смысла. Белые намного лучше нас улавливают любые светлые эмоции, и если они заподозрили в шорсир человека, который вам близок, то ее можно использовать. Кстати, их интерес к Тринадцатой на многое открыл глаза и нам, и это тоже не идет в плюс вашей репутации. В самом крайнем случае им выгоднее швырнуть ее истерзанный труп на наши стены, когда белая армия подойдет сюда. Или наоборот, относиться к ней как к почетной гостье, тем самым раздражая вас еще сильнее. Вот только вы отчего-то свой гнев направляете не на них, а на нас. В том числе на господина Ноэ, который с первого и до последнего дня оставался на вашей стороне, кстати, да, единственный, кто ни разу не подверг вашу кандидатуру сомнению.

Николай почувствовал опустошение. Но главный невысказанный совет — повзрослеть и начать принимать вещи такими, какие они есть, — к сведению принял. Потому неожиданно успокоился. Отправился к своему стулу в общем кругу и сел. Хватит давать волю эмоциям, хватит злиться без результата. Никто здесь ему не друг. Во всем этом мире только шорсир он может доверять — тем, которые стоят сейчас за дверью и ждут окончания совета, им безразличны результаты совещаний и уровень его репутации, они всегда на его стороне. Они и, конечно, Трина. Потому что она тоже шорсир. Ну и потому что Трина. Николай сначала вернет ее, а потом на глазах у этих мерзавцев плюнет с высокой колокольни на еще одну тысячелетнюю традицию. А пока только дипломатия.

— Все верно, господин Форн, — он сам удивился появившемуся равнодушию. — Есть проблемы поважнее, с чего я и начал. Предлагаю еще раз послушать клятвы в том, что никто из вас не является предателем.

— Пустая трата времени, мой лорд, — вздохнул господин Зор. — Мы это вам и в первый, и во второй раз объясняли. Конечно, любой из нас способен чувствовать ложь. Но при этом любой из нас настолько могущественный, что может скрыть ее даже от сильнейших.

— А на что вы экономите время, советники? Или занимаетесь чем-то еще, кроме пустой болтовни? Весь ли двор проверили?

— Да, мой лорд, еще после вашего первого распоряжения. Выявили четырех злоумышленников против вашей персоны, но ни один из них не причастен к главному заговору.

— Всех? Даже самого последнего служку или ругра?

— Всех, — подтвердил Луар. — В замке нет того самого предателя, если он не сидит в этом зале. Следующим пунктом проверки становится Серая Пустошь — земля там сама по себе богата магией, потому в деревенских семьях нередко появляются одаренные.

— Так чего же вы ждете?

Сразу двое советников усмехнулись, а ответил господин Шур:

— Атаки белых, конечно. Мы опасаемся отправляться в Пустошь, ведь белые могут нагрязнить в любой момент.

Николай вздохнул и, не прощаясь, отправился на выход, больше не видя смысла что-то обсуждать. Хоасси не глупы и всегда верно расставляют приоритеты, вот только не спешат самого посвящать его в каждый шаг — он для них лишь фигура, красивая и значимая, с черной коронкой и вкусной кровушкой. Потому они останутся предельно вежливыми, но основные стратегии будут строить сами.

До конца дня он успел рассмотреть еще несколько жалоб, но потом закрылся в покоях. Его тревожило затишье — отчего главный враг перестал обозначать себя? Не входило ли в его планы только натравить друг на друга черный и белый престолы? Хватило бы разрушения одного из них, и дело было бы сделано. Но Коля своим непопулярным решением именно на этом направлении и поставил преграду. Маг может быть очень могущественным, но сам Николай защищен тоже не любителями. Выходило, что он снес важнейшую ставку противника, когда сдержался и не убил Низля. И как себя после этого не любить? Как не хвалить?

Он уже отправился спать, когда шорсир пропустили в его покои запыхавшегося Тайгона:

— Мой лорд! Срочное сообщение от Глубины! Отряд белых пересек приграничную реку! Николай вмиг забыл о сонливости, натягивая первый попавшийся под руку сюртук, точнее, который вовремя подсунула Вторая.

— Что? Опять война?

Тайгон покачал головой:

— Не похоже, мой лорд. Отряд небольшой — двадцать человек без тяжелого вооружения и пегасов, но с двумя магами. Пешим ходом они будут здесь примерно через три-четыре дня. И уж точно не представляют никакой угрозы. Я предполагаю, что это разведывательная операция — осматриваются, перед тем как пойти в наступление всей армией. Расстрелять издали или притащить сюда для пыток?

Николай глубоко задумался.

— Пусть идут. Если двигаются напрямик сюда, значит, никакие они не шпионы. Делегация с какими-нибудь новостями. А вот если свернут с дороги, тогда мы объявим военную готовность. Ты молодец, брат. Но ничего не делай с ними, только наблюдай.

— Делегация? — озадачился Тайгон. — А это что еще за идиотизм? Это ж белые! Прошу прощения, мой лорд, но вы, по всей видимости, очень далеки от истинного понимания белых... Однако почему они не на пегасах? Ничего не понимаю...

Николай не перебивал — внимательно слушал сбивчивые объяснения. Тайгон, в отличие от тех же хоасси, пытался разобраться и перебирал все приходящие на ум варианты. И его рассуждения могли к чему-то привести:

— Если вы говорите... Предположим, они хотят передать вам какую-то записку от белой мрази, тогда проще снарядить одного посыльного на одном пегасе... Это же все равно что вы бы слугу пешком отправили, когда могли поднять в небо дракона... Не понимаю. А для шпионов они идут слишком открыто — так отчиталась Глубина, сейчас ей можно верить...

Поскольку он замолчал в раздумьях, Николай повернулся к застывшим шорсир:

— Вторая, будь добра, предупреди демонов-стражников о любых движениях со стороны Долины Смерти. Пусть обо всем сообщают. Мы не понимаем, что происходит, но на всякий случай перебдим.

— Да, господин, — она коротко поклонилась и исчезла.

Николай снова прислушался к бормотанию родственника:

— Предупредить демонов-стражников... Да. Демоны... Я вот все думаю и думаю, мой лорд, при каких условиях вы не отправили бы посыльного на драконе? И в голову не приходит ничего дельного, кроме того, что дракона некому было бы поднять в воздух...

— А это ты о чем? — Николай даже наклонился.

— Ну, ерунда, просто размышляю вслух. Драконы подчиняются демонам, демоны — вам. Если нет вас, демоны не поднимут драконов. Заставить, уговорить, конечно, можно, но никаких гарантий, что те же драконы не полетят пасть на луга, например... На кой им воевать, если их магия тьмы не ведет?

— Подожди, Тайгон, стоп! Ты сейчас говоришь, что некому было поднять в воздух пегаса?

— Не говорю, конечно, просто вслух... Но если у них пегасы тоже направляются белой магией?

Ни к каким выводам они прийти не успели, слишком неясные были предпосылки. А

дальнейшее обсуждение прервала Вторая, которая ворвалась в спальню, сообщая:

— Господин, как раз сейчас кто-то идет со стороны Долины. Вы просили оповещать. Один путник, пока неизвестен.

— Но они бы не успели! — выдохнул Тайгон.

Николай же, не успев вообще ни о чем подумать, уже летел вихрем, а рядом с ним неслись еще двенадцать торнадо. Один путник. Один! Николай еще до того, как остановиться на дозорной башне и вглядеться в густую синь, уже ощущал неуемную надежду. И точка приближалась — очень быстро, человек бежал. Еще через пару секунд обозначилась тонкая женская фигурка. Коля невольно расхохотался:

— Она сбежала! А белые просто бросились вдогонку. Но куда им до нее, на три дня отстали! Он уже сбежал вниз по лестнице, вылетел на улицу, дождался, пока демоны расступятся. Трина тоже замерла. Она выглядела измотанной, иссохшей, наверняка бежала без сна, еды и отдыха. На ней болталось рваное тряпье, а ноги от бедер были совсем голые и босые. Оборванная девчонка с кровоподтеками по всему телу — ее стало почти жаль, но жалости шорсир не вызывают даже в таком состоянии.

— Тринадцатая! — не удержалась Вторая, но устояла на месте. — Я счастлива видеть тебя живой, сестра.

Ну а Колю в жестокой школе для шорсир с младенчества не тренировали. Ему сверхспособности по эмоциональному контролю не вбили, как собакам Павлова. Потому он, как самый обычный человек, шагнул вперед и обнял, прижимая к себе. Пусть услышит, как стучит его сердце. А сказать получилось только:

— Я тоже счастлив.

Она как-то совсем неловко подняла руки и обняла его.

— Я сбежала, Киан. Сделала то, на что не способен человек, чтобы добраться сюда. Это мой долг — быть рядом со своим лордом.

— А я и не сомневался, — соврал Николай.

Он заставил себя отстраниться и заглянуть в грязное изможденное лицо:

— Сначала воды. Потом расскажешь, что там было.

— Боюсь, что обязана сначала рассказать, Киан. И, быть может, я не заслужила ни воды, ни твоей милости. Там было... ужасно. Они мучили меня.

— Пытали? — отозвался он почти сухо, чтобы не начать орать.

— Да! Киан, это было невыносимо! Они нарядили меня в жемчужное платье и называли «леди»! Так меня ни разу в жизни не унижали! Я умоляла, чтобы мне лучше руку отрезали, но этот светлосный ублюдок только засмеялся и подарил мне... ожерелье! И называл самой красивой леди его двора! О, он не знал, что я шорсир, иначе проглотил бы свой поганый язык! Николай недоуменно отступил на шаг и просто махнул рукой, предлагая продолжать. Он, конечно, всякие пытки воображал, но такое... Трина захлебывалась возмущением:

— Они там все моральные уроды, Киан! Балы какие-то, ужины, и говорят, говорят, говорят как заведенные, жрут какую-то траву и бесконечно восхищаются светом вокруг. Улыбаются друг другу мерзко, одни и те же комплименты повторяют. Маги пытались убеждать этого ублюдка,

несли чушь наподобие: «Не стоит соблазнять любимую женщину Киана Корда, в текущей ситуации лучше придерживаться предложенного союза». Или: «Этому лорду можно попытаться доверять, он сильно отличается от предыдущих». А он им еще более несусветный бред: «Белому престолу давно не хватает капли черной крови. Вы разве не видите, что мы тут от скуки скоро умрем?» Представляешь, какая чушь? Они на полном серьезе называли меня твоей любимой женщиной!

— Представляю... Идиоты просто. Продолжай.

— Я на самом деле очень терпеливая, Киан. Но общение с тобой меня изменило... Я повела себя непростительно для шорсир — поддалась эмоциям. Потому что дальше становилось все хуже. Этот пропитанный светом слащавый урод начал говорить о тебе гадости. Такие, за которые любая шорсир убила бы на месте. А к тому моменту я уже морально выдохлась от всего этого блеска, паршивых цветочков, нарядов, — она с отвращением подняла лоскут изодранного платья, которое несколько дней назад могло быть бальным. — Во время последнего ужина кто-то оказался настолько глуп, что положил к овощам на тарелке нож. Я не выдержала, Киан. У меня просто закончились силы терпеть!

— Что ты сделала, Трина? — не узнал он свой голос.

— Метнула нож ему в горло. Попрощалась мысленно с жизнью и с тобой. Но вокруг поднялся такой шум и суматоха, просто невообразимая. Из их криков я поняла, что он был последним лордом престола, других наследников нет... Тогда побежала — меня некому было останавливать, все пытались спасти этого ублюдка. Но шорсир не промахиваются, Киан. Вокруг стало тихо-тихо, даже шевеление ветерка помогло бы запустить мысли. Николай покачнулся, очень медленно перевел взгляд в сторону. Заметил рядом господина Таша, тринадцатого советника. Старик зажал рот ладонью, а сам бессмысленно смотрел в воздух, как будто видел далеко вдали что-то такое же интересное и неотвратимое, как, например, разрушение мира. Николай его невысказанную точку зрения разделял. Как-то офигенно получилось, что вся жизнь исчезнет только по той причине, что на неправильную девушку неправильное платье нацепили.

Глава 24

Николай не отрывал взгляда от черного пола. Сказать ему было нечего, пусть хоасси сами до чего-нибудь додумаются. А они и позабыли о своем извечном высокомерии и выдержке, кричали наперебой:

— На то и был расчет! Слишком уж гладко все протекало!

— Но как враг мог вычислить похищение шорсир?

— Вот это единственное белое пятно во всей истории! Вы только посмотрите — они натравливали престолы друг на друга, вопрос должен был решиться уже во время схватки: уж слишком Ниэль неопытен и импульсивен, он просто нарывался на смерть. А Киан не убил, но этим только отодвинул реализацию плана! Главная атака шла не на черный престол, а на белый! Как мы сразу об этом не подумали?

— Но нельзя было так точно предсказать поведение Тринадцатой!

— Вы серьезно, советник? Шорсир в стане врага, которая слышит ругательства в адрес своего господина, а они там непременно звучат — и чтобы она ничего подобного не сотворила? Это как раз было легко педугадать! Шорсир равна целому отряду наемных убийц, она результативнее арбалетного болта или яда!

— Вы притягиваете за уши, хоасси... Хотя во всем остальном четкие планы прослеживаются... Это мы еще долго продержались, благодаря странностям нашего лорда. Был бы на его месте любой из его братьев — первым поднял бы войска и не успокоился бы, пока не пришел Ниэля. Никакой шорсир бы не потребовалось...

— Но она потребовалась! И сыграла решающую роль!

— Господа, предлагаю успокоиться и обдумать дальнейшие действия!

— А какие дальнейшие действия?

— Господин Ноэ, вы-то почему молчите? Неужели фаталист в вас победил, и вы теперь просто ждете скончания мира?

Ноэ протяжно выдохнул, дождался полной тишины, затем заговорил — тоже немного нервно, но все же спокойнее в сравнении с коллегами:

— Фаталист во мне победил лет сто назад, господин Форн. Но сейчас не об этом. Отряд белых идет сюда — пешком. Без чистой магии света пегасы могут выйти из-под контроля, как и наши драконы. А чистой магии света больше нет... — он сделал задумчивую паузу. — Я не думаю, что они идут за Тринадцатой, господа. В смысле, они могут потребовать ее голову в качестве моральной компенсации, но у них сейчас проблемы куда важнее любых моральных претензий...

— Как и у нас! — воскликнул господин Таш.

— Как и у нас, — отозвался Ноэ. — Я предполагаю, что это мирная делегация. Вот уж когда наступили времена оставить всю застарелую неприязнь. Они сейчас примут любую помощь: от нас, от Глубины, от песчаных змеев или дождевых червей. Они пойдут на любую сделку с кем угодно.

— Это понятно, господин Ноэ, — Рой тоже заметно успокоился. — И даже скажу больше — мы готовы чем угодно помочь им. Но чем? Поискать в Пустоши всех магов — вдруг среди них есть какой-нибудь дальний потомок белой крови?

— И это тоже, хоасси, — ответил первый советник. — И прошерстим все наши территории, как они шерстят свои. Ведь именно так когда-то и нашли первого Корда... Но здесь возникает еще одна проблема к другим проблемам. Белые лорды, в отличие от черных, не брали женщин сотнями, они женятся на одной и хранят ей верность. Потому потомки черной крови встречаются в тысячи раз чаще потомков белой. Вот вам и причина, почему предатель выбрал главной целью именно белый престол. Даже мы пять тысяч лет назад кое-как отыскали наследника, а им сейчас... я даже опасуюсь делать хоть какую-то ставку.

Теперь в зале совета воцарилось гробовое молчание. Да, снова включился обратный отсчет на месяцы, но в данной проблеме и годы не помогли бы.

— Господин Ноэ, умоляю, скажите, что у вас есть хоть какие-то прикидки! — не выдержал самый эмоциональный господин Таш. — Конечно, сейчас идет самый лучший период, полное торжество зла. Как пять тысяч лет назад, пока наши с вами предшественники искали обладателя черной крови, во всех остальных мирах рождались святые и философы, так сейчас во всех мирах рождаются деспоты и негодяи. Но любой праздник не ощущается праздником, если закончится гибелью всего сущего. Даже для торжества зла это слишком!

На Ноэ возложили тяжкую миссию — вдруг взять и выдать какой-то способ, который разом всех спасет. Потому он и хмурился все сильнее, а рассуждал вслух в надежде, что из его мыслей кто-то может помочь сделать выводы:

— Итак, мы теперь не рассматриваем белый престол в качестве врага. Не рассматриваем и наследников черного — вот уж кому совсем не на руку происходящее, если они лишь хотели добраться до власти. Следовательно, удар нанесен кем-то извне. Поймем мотив — поймем, где искать. У меня почти с самого начала зрела такая мысль: некто очень могущественный решил разрушить все и вся, собрать высвободившуюся энергию и с ее помощью создать веер новых миров. В котором он станет Богом, разумеется. Собственно, такое тщеславие вообразить можно, мы ведь черные.

— Да, можно, — ответил господин Зор. — Но такой маг сам должен пережить падение миров — а это означает, что он не должен быть белым или черным, иначе его непременно зацепит отдачей от взрыва. Кроме того он должен быть могущественным до такой степени, что и вообразить сложно. А с таким могуществом он действовал уж слишком тонко — отравления, убийство Ниэля руками шорсир... Зачем? Или он силы экономит для более грандиозной задачи? Уж простите, не вяжется.

— Отчего же не вяжется? — вмешался Форн. — Если мы и без массированных атак сами справились, а ему нужно было просто подождать? Зато враг не выдал себя раньше времени. Каким бы он ни был могущественным, при первой же догадке, мы вместе с белыми встали бы против него — а это сила, превосходящая потенциальное могущество одного человека!

— Господин Ноэ, — как-то слишком мягко обратился к нему пятый советник, самый большой знаток архивов и древних трактатов, — а по вашим соображениям, кто из присутствующих потенциально обладает силой для такого грандиозного переброса энергии? Притом давайте не забывать, что он не должен быть исключительно черным магом, иначе ему не миновать гибели вместе с черным престолом.

Ноэ ответил предельно равнодушно:

— Я. Вы, господин Киrr. И господин Рой. Трое, если настоящий враг попросту не скрывал все это время свою силу. А по поводу последнего — никто из нас не является исключительно черным. Все мы черные, пока здесь. И любой из нас мог быть белым, если бы родился на другом конце империи. Этот критерий вообще невозможно рассматривать... Но вот нарушить клятву хранить престол, это уже намного сложнее. Я не могу представить, как осуществить без потери силы. Ведь это внутри себя надо сломать стержень — и что там останется? Такой риск лично я не считаю оправданным. Вы все знаете, как это происходит и каковы законы этого мира. У нас маг не может дать слово или тем более клятву, а потом отказаться так, как будто не давал.

Господин Киrr медленно кивнул. Но смотрел на всех по очереди очень пристально — быть может, искал признаки уже «сломанного стержня»? И говорил тихо-тихо, так что Николай невольно подался вперед, чтобы расслышать:

— Итого из нас трое очевидных кандидатов, если версия господина Ноэ верна. И может быть неочевидный. Но вся теория первого советника им же и рушится: чем могущественнее сила, тем больше веса в каждой клятве. А если речь идет не о падении престола, а о какой-то другой цели? Тогда клятва не будет нарушена. О, я с минуты получения ужасных новостей не вылезал из книг, друзья мои, а история умнее любого из нас.

— О чем вы говорите, господин Киrr? — вновь начал раздражаться Таш. — Белый престол уже пал!

— Никак нет, — улыбнулся господин Киrr. — До полного падения еще несколько месяцев.

— Если обнаружится наследник!

— Вот именно.

— Да говорите уже прямо! Хватит ходить вокруг да около! Или вам нравится трепать всем нервы, пятый хоасси?

— О, сколько экспрессии, господин Таш, — совсем уж многозначительно улыбнулся Киrr. — Выводов у меня пока нет, я просто предоставляю пищу для размышлений... И говорю открыто, что версия господина Ноэ шита белыми нитками. Вот и думайте.

Ноэ неуместно усмехнулся:

— И вы специально создаете видимость, что уже до всего додумались?

— Что вы! Только домыслы, господин Ноэ! И твердая уверенность, что разрешение проблем возьмется из ниоткуда — вот просто упадет с неба и расставит все нужные точки. Кстати, спрошу прямо, а вы сами не хотели бы стать Богом, господин Ноэ? Сильнейший из нас, первый советник уже при пятом черном лорде, это если не считать двух сразу погибших наследников. Вечно скучающий и проявляющий искренний интерес лишь к новшествам и иным мирам...

— Это обвинение?

— Что вы! Любопытство! Книжному червю позволено любопытство?

Господин Форн не выдержал нарастающего напряжения:

— Хватит, господа! А то мы так до внутренней борьбы докатимся! Милое дело, конечно, но уж точно не сейчас. А вы, мой лорд, почему молчите? Сами о чем думаете?

Николай встал, намереваясь сразу уйти:

— Я думаю, надо отправиться на драконах встречать делегацию белых. Они идут с миром и от безысходности. Я буду с ними союзничать и помогать, чем смогу, и буду продолжать делать черных немного белыми, а белым навязывать немного черноты — ведь именно этого от моего характера ожидали? И я услышал каждое слово. Теперь я уже не просто коронованное чучело, а очень важная фигура в чьей-то грандиозной игре. Похоже, надо отыграть свою роль до конца.

Глава 25

Разумеется, Николай и не собирался озвучивать все свои выводы: часть из них не имела четких доказательств, а создавать себе еще врагов на ровном месте — определенно лишнее. Но это не означало, что никаких выводов он не сделал. Еще как сделал, медленно и мучительно выстраивая логическую цепочку и пока оставляя незаполненные пробелы. Жаль, что Николай все свои таланты направил на карты, а не на шахматы, как советовала мама. Вероятно, сейчас

это помогло бы быстрее разобраться со всей многоходовкой. Но запутанные стратегии Коля любил, а распутывать их обязательно следует звено за звеном, не пытаясь разорвать весь клубок разом.

Начать следует с Трины. Он затащил ее в свои покои, предварительно распорядившись:

— Шестая, будь добра, прикажи приготовить драконов. Мы летим на партийное собрание.

— Да, повелитель. Сколько будет охраны, кроме нас?

— Все шорсир и один хоасси. Хватит, если мы не хотим напугать наших вражеских союзников.

— Слушаюсь, повелитель.

Перед Триной он изобразил самое трагичное выражение лица и долго хмурился, сводя брови в угнетенную кучу. Она не выдержала первой:

— Совет прошел плохо, Киан?

— Не то слово, — выдавил он. — Трина, наши дела плохи, но ты и сама это знаешь.

— Мир рухнет?

Он отмахнулся:

— Да это когда будет — через несколько месяцев? Брось переживать из-за далекого будущего, наши дела плохи уже сейчас!

— Я не вполне понимаю, Киан.

Николай наклонился, взял ее за плечи и пристально посмотрел в глаза.

— Ты моя шорсир, Трина. И знаешь обо мне больше, чем все остальные. Я могу бросить свою шорсир в беде, как думаешь?

— Вряд ли, но...

— Так вот. Белые будут требовать возмездия — твоей смерти.

— Это логично...

Он не давал ей закончить ни одного предложения:

— И у меня дилемма, Тринюш. Я не разбрасываюсь своими шорсир, но и ссориться с белыми сейчас совершенно неуместно — у нас с ними один мир на двоих, который, как ты верно заметила, скоро разрушится. Но не волнуйся, я все придумал! Вряд ли даже месть заставит их требовать смерти моей невесты.

— Невесты? — теперь и она свела брови в кучу — только у нее куча была красивая. — Это, если я ничего не путаю, статус перед женой? Смею напомнить, что у черного лорда не бывает жен, а значит, и невест. Ты больше, чем обычный человек, и...

— Помню, помню, ты мне это уже втирала. Но нам ведь нужно просто сказать это белым. Все поняла?

— Да. Если это твой приказ.

— Мой приказ, Трина, чтобы ты выжила. Не собираюсь я рисковать без твоего прикрытия. И если для того потребуется всю жизнь врать кому угодно и о чем угодно — ты будешь врать.

— Безусловно, Киан, — она почти улыбнулась, но быстро взяла выражение лица под контроль. — Служить тебе — лучшая цель любого существования!

Служить ему, как же. Но у шорсир психика монополярна, пусть Трина думает, что служит.

— Стоп, ты куда собралась?

— Так на встречу с белыми. Мы еще не идем?

Николай наклонился еще чуть ниже.

— Подождут часок-другой, у нас своих проблем тоже хватает. Давай теперь поцелуй меня. Не уверен, что ты хоть раз с кем-то целовалась, а белые — жуткие типы. Они могут потребовать доказательств.

— Но... — Трина невольно отшатнулась. — А... но...

— Это еще что за сомнения? Ты собираешься лишить меня своей защиты? Мне-то плевать — пусть тебя хоть на кол сажают, но степень моей безопасности снизится на семь с половиной процентов! Тебя не заест?

— Тебе не плевать — ты сам говорил.

— А ты о процентах думай, а не о том, что я говорил. Цифры всегда сбивают с толку, а ты какая-то непрошибаемая. Мне долго ждать?

Ждать можно было до бесконечности, потому что у Трины только глаза расширились.

Пришлось действовать Николаю. Первые пару минут у него было четкое ощущение, что он вернулся в раннюю молодость, когда учился целоваться с помидором по совету

одноклассников-юмористов. Прочувствовав всю тщетность усилий, Николай отстранился и заявил со строгим раздражением:

— Миссия провалена! Все пропало, мы в жопе. Тебя убьют, меня убьют, а мир все равно рухнет. Потому что шорсир не способны на самопожертвование!

— Чего?

— Ничего. Расслабься уже и представь, что ты обычная девушка, которая целуется с парнем, который в тебя влюблен. Потому что он реально влюблен. Тот парень.

— Что?

— Что? — отозвался он ей в тон и предпринял вторую попытку.

На этот раз дела пошли успешнее — и все успешнее с каждой минутой. То ли Трина прониклась речью, то ли в ней открылись безупречные актерские таланты, то ли просто отдалась инстинктам во славу своего господина, но поцелуй принимал такой характер, что отодвигал встречу с белыми на неопределенный срок и направлял участников эксперимента к кровати — там экспериментировать можно дальше, особенно когда уже оба прониклись текущим заданием. У Николая нервы сдали еще пять минут назад, а затянувшийся период воздержания диктовал свои правила игры, но он заставил себя остановиться и с удивлением отметил, что руки его уже давно не на приличном месте, а Трина раскраснелась.

— Потом продолжим, — заставил он себя улыбнуться. — Нас уже ждут.

— Потом?

— Хочешь сейчас?

— А потом зачем, если белых нужно убедить сейчас?

— Тебе не кажется, что мы перешли на обмен тупыми вопросами?

— Ты думаешь, что эти вопросы тупые?

Николай просто взял ее за руку и повел из комнаты, тем прекращая бессмысленный диалог, который чем-то неувлимым ему очень понравился. Но звенья-то нужно разматывать все, а не наслаждаться одним.

Ноэ подошел, когда они уже готовились к отправке.

— Мой лорд, мне лучше отправиться с вами для безопасности.

Николай махнул рукой, чтобы остальные подождали, и повернулся к советнику.

— Есть у меня легкое ощущение, господин Ноэ, что моей безопасности ничего не угрожает. Но для вашего спокойствия я пригласил с собой господина Таша — он очень смешно повизгивает, когда волнуется. Прикольный старикан.

— В Совете целых тринадцать прикольных стариканов, мой лорд, но вы правы — господин Таш повизгивает смешнее остальных.

— Вот и чудесно. К тому же я соглашусь с господином Кирром в одном: решение буквально свалится с неба. А если не свалится, то мы с неведомым организатором все равно ничего поделать не сможем, так что впору расслабиться и получать удовольствие. Не подскажите, какое именно решение должно свалиться, чтобы я не пропустил?

Ноэ с легкой улыбкой склонил голову набок:

— А у меня есть легкое ощущение, господин Корд, что последнее совещание породило в вашей голове какие-то сомнения во мне. Стоит ли напоминать, что я ваш друг и защитник?

— О, кстати, вот тут вы правы, первый хоасси. Про защитника. На меня было совершено два серьезных покушения, если не считать всплесков злости притесненной знати. Плотоядные тараканы и маг-невидимка в коридоре. Как вы думаете, Ноэ, какова вероятность случайности, что вы оказались рядом в обоих случаях?

— Совпадение? — Ноэ улыбнулся чуть шире. — Или моя ответственность перед престолом.

— Верно. Ответственность. А потом белые взяли в заложницы Трину. Я верю, что они могли прочитать мои чувства к ней, но как из десятков женщин внизу они легко нашли ту самую? И

— о чудо! — вы опять были там. Почти указали своим вмешательством на то, что они ищут. У вас просто талант оказываться в нужном месте, Ноэ.

— Я бесспорно талантлив, мой лорд, — советник коротко поклонился, не скрывая иронии. — Но не настолько, чтобы нарушить клятву. Я верный слуга тьмы и черной империи.

На это Николаю возразить было нечего — ему приходилось полагаться на чужие слова, а этот вопрос и стал единственным незаполненным пятном. Потому он только развел руками:

— Может, только поэтому я все еще говорю? Нет, вы не хотите меня убить, уважаемый маг. Да и какой смысл, если в списке еще куча имен, а других отпрысков черной крови отыскать вполне реально? Но нужны не они — я.

— И что вы об этом думаете, мой лорд? — Ноэ явно не тушевался от почти прямых обвинений.

— Я думаю, что вы самый профессиональный игрок за этим столом, и играем мы вашей колодой. В таких случаях я обычно скидывал карты и уходил. Но мне не разрешат просто слиться, так?

— Именно так, мой лорд. А если самый профессиональный игрок с вами в паре, то есть ли разница, чья колода?

Николай задумчиво кивнул, но после паузы осмелился высказать еще одну идею — раз уж начал откровенничать, назад все равно не отмотаешь:

— Вы были первым советником при моем отце. Я все думал, если в списке наследников указаны только имена, то откуда же вы знали, кто моя мать и где именно меня искать? То есть место моего рождения не было тайной... Допустим. Но зачем отец написал меня вторым наследником? Остальных сыновей он знал, они росли здесь, их хоть как-то готовили к власти, так какой логикой он руководствовался, всовывая меня на вторую строчку хит-парада? Не по вашему ли совету?

— Нет, мой лорд. Клянусь тьмой.

Николаю нечего было больше добавить, а озвучивать чистые домыслы или открытое недоверие к магическим клятвам — лишнее, потому он повернулся к дракону, который уже нетерпеливо рычал в ожидании полета. И расслышал в спину отчетливое:

— Если бы Тарий Корд последовал моему совету, то вы в списке стояли бы первым. У меня ушла уйма сил и аргументов, чтобы он записал вас хотя бы вторым. Кстати говоря, я очень счастлив, что вы оказались совсем не таким, как даже я мог прогнозировать. Идеальный напарник за карточным столом.

Когда Николай обернулся, Ноэ на прежнем месте уже не было. Зато пища для выводов прибавилось. И твердой уверенности, что ничего, ровным счетом ничего жизни Николая не угрожает. Ноэ участвовал в организации этой неразберихи — факт. И имел тысячи возможностей его убить. Если бы он хотел разрушения всех миров, то как раз фигура Николая роли не играла, можно было бить только по белому престолу, а это быстрее получилось бы с другим черным лордом. Следовательно, надо смотреть в небо и ждать простого решения.

Глава 26

Белые остановились заранее, едва заметив приближение драконов. Слишком изможденными они не выглядели — все-таки маги в компании здорово украшают быт. Да и не было похоже, что они спешили и сбивали ноги. Причина тому была ясна заранее: никому из них этот союз не по душе, никто не мечтает оказаться в черном тронном зале и низменно просить о любой помощи. Но они шли, зная, что вся история этого мира еще не знавала подобного тупика.

Отряд черных приземлился заранее, чтобы животинки могли пастись в стороне под присмотром одного из демонов и не слишком пугали своим видом и без того перепуганных союзников. Николай пошел вперед первым, но шорсир через секунду выстроились в привычном порядке, а ближе всех, согласно той же самой методе, оказалась Трина. Один из мужчин в белой рясе вскинул руку и нервно закричал:

— Убийца, убийца!

Конечно, он указывал на Трину, но Николай даже шага не замедлил и остановился в нескольких метрах от десятка человек, которые напряженно молчали — давали первое слово черному лорду, но и не пытались утихомирить единственного подавшегося эмоциям.

— Не убийца, — спокойно поправил Николай. — А будущая черная леди. Позволено ей по статусу перерезать глотку тому, кто нелিপцприятно высказывался обо мне, как думаете? Или можете что-то добавить к словам Ниэля Святого, пусть покоится с миром, или чем он там теперь занят, и тогда составите ему компанию.

— Черная леди? — выдохнуло справа. — Что за...

— Помолчите, господин Таш. И не забывайте, что вы на моей стороне.

Белым вообще было не до того, висели проблемы помассивнее. Вперед выступил старец — высокий, седоволосый. Он чем-то неуловимым походил на негативный снимок Ноэ. Главный, наверное. Старик не кланялся, а взглядом будто пытался пролезть напрямую в мозг.

— Меня зовут Лир-Дан, лорд. Я первый маг и первый защитник белого престола уже на протяжении трехсот лет. Все эти люди, — он махнул рукой на своих спутников, — пересекли ваши границы, следуя за мной. А я здесь, потому что ищу любые варианты.

— Я вас слушаю, Лир-Дан, — Николай не пытался никого из себя изображать: не приосанился, корону не прихватил. А разве нужно изображать кого-то, если все и так не ставят под сомнение твой вес?

— Начну с того, Киан из династии Кордов, что откажусь от возмездия. Пусть убийца надежды и света живет, если таково ваше желание.

— Почему? Мы простим убийцу лорда?! — не выдержал кто-то из белых, тем самым дав Николаю возможность промолчать и не проявить любопытства.

Но только Николаю маг и отвечал:

— Во-первых, потому что смерть вашей любимой женщины уже ничего не изменит. Если бы было не так, мы сейчас шли бы сюда с армией — и всякий житель империи от семи до семисот лет взял бы в руки оружие, чтобы отомстить. Но в этом нет смысла. Во-вторых, я чувствую в ваших словах правду — а в моей жизни и в исторических архивах не попадались черные лорды, говорящие правду. Она действительно ваша женщина, это мы поняли еще во время битвы. А вы действительно ее мужчина — именно потому мы пытались отговорить Ниэля от его... э-э, не совсем мудрого решения приручить ее и оставить в белом замке. Ее душа, все ее эмоции и сердце рвались к вам, правильнее было держать ее нужное время в тюремном мешке, но Ниэль оказался слишком молодым и импульсивным, он не поверил ни нам, ни ее бесконечной любви к вам.

Николай заторможенно перевел взгляд на Трину, она сделала вид, что не замечает.

— Что? — спросил он у нее.

— Что? — она ответила в тон.

— Сердце рвалось? Это у всех шорсир от разлуки с господином сердце рвется?

— У всех.

— Именно так, от бесконечной любви?

— Прекрати улыбаться, Киан. Сейчас совсем не время.

Пришлось снова смотреть на Лир-Дана и слушать дальнейшие объяснения:

— В-третьих, этот факт, как и несколько других, подтверждают, что вы очень сильно отличаетесь от лордов тьмы. Само это осознание дает направление для мыслей — если мы и могли сотрудничать, то только с началом вашего воцарения. Боюсь, это белый лорд оказался недостаточно... э-э, странным для новых взглядов. В-четвертых, я легко иду на эту уступку только по той причине, что хочу просить вас об уступке гораздо большей. Намного, намного большей, чем если вы оправдаете тысячу убийц.

Он замолчал — будто ждал реакции.

— Говорите уже свою просьбу, — Николай напрягся. — Или полетим в мой замок?

— Теперь незачем, раз вы сами вышли навстречу. Суть в этом самом разговоре, а не в торжественности. Киан, не пройдет и нескольких месяцев, как белый престол падет. Но за ним падет и черный, поскольку сам мир держится на двух основах, дисбаланс допустим, но до каких-то пределов. Как только один полюс перестанет существовать, вся сила перейдет ко второму — и тоже его разрушит. Без света не бывает тьмы, а без тьмы...

— Об этом я знаю, маг. Переходите к следующим пунктам.

— А я, с вашего позволения, все-таки не стану упускать никаких подробностей. Двадцать шесть сильнейших магов приносят клятвы не допускать подобной ситуации, а не ублажать своих лордов. Но со временем мы все-таки начали их ублажать, потому что не задумывались о конце света, а мечтали создать правильную атмосферу в своей империи — и эта атмосфера зависит от настроения лорда. Это произошло незаметно, каким-то эволюционным образом. Не было никакого резкого перехода, потому его и пропустили. Мы не справились, и винить в этом можно сотни наших предшественников, а не только себя. Но сейчас о другом. Любой из этих магов сильнее лорда, но никто из нас не способен генерировать свет или тьму. Собственно, ее даже лорды не генерируют — этим занимаются древнейшие в мире артефакты.

— Престолы, — понял Николай, которому очень хотелось поторопить медлительного старика.

— Да. Лорды — лишь связующее звено. Они нужны для того, чтобы напомнить артефактам, зачем они вообще нужны. Ни одна настолько могущественная вещь не будет существовать просто так и являться источником силы в никуда. Если не будет жизни, то и в этой силе пропадет необходимость, она за ненадобностью разрушится сама собой.

— Понятно. То есть лорды напоминают стульям, что по эту сторону еще остались живые. Дорогой Лир-Дан, я доживу до сути вашего предложения?

Старик улыбнулся — совсем мягко, невесомо.

— Надеюсь на это, Киан из династии Кордов. Сомневаюсь, что ваш наследник будет столь же лоялен. Теперь я могу перейти к своему предложению, видя ваш азарт — он наверняка поможет. У меня несколько гипотез, и каждую из них следует проверить. Есть люди, которые верят в то, что этот мир существовал задолго до разделения добра и зла. А это означает, что черный и белые лорды могут вести свои линии от одного и того же человека. Если подобные верования верны, черная кровь может продлить существование белого престола.

Николай усмехнулся. А вот и сюрпризы, падающие с неба. Ноэ точно знает правильный ответ, но сам не скажет — другие игроки должны догадаться, как будто он не при делах.

— Ага. Жили-были Адам и Ева, родили Каина и Авеля, а те как давай тусить...

Лир-Дан нахмурился:

— Простите, лорд, я не понимаю...

— Неважно, — отмахнулся Николай. — Вы сами-то в это верите?

— Не буду врать — вероятность слишком низка. Если бы эта гипотеза была верна, то капля нужной крови содержалась бы в жилах очень большого числа людей. В белый замок сейчас стоит бесконечная очередь, многие пробуют, но никто не подходит. Весь тронный зал уже залит кровью крестьян и дворян. Кто-то из них готов перенести боль ради спасения мира, а кто-то втайне желает стать белым лордом и прародителем новой династии. Не столь важны причины, суть вы поняли. Обладателей белой крови нет или почти нет. Когда мы проверим все свое население, то будем просить ваше — и, боюсь, результат окажется тем же. Белый престол в этом смысле всегда был более уязвим, наши лорды не поддавались грехам так, как вы.

— Но я как обладатель чистой черной крови должен хотя бы попытаться? Вдруг моя капля окажется чуть более объемной? Да и братьев у меня предостаточно — хоть залейся.

— Не должны, — он склонил голову. — Или должны, но не нам, а самому себе.

Николай долго не думал:

— Попытаюсь, если вас это успокоит. Но я верю в эту гипотезу не больше, чем вы сами. Тогда к каким вариантам мы перейдем?

Казалось, старику нравится ход беседы или реакции Николая. Он снова склонил голову — теперь с большим уважением.

— Если черная кровь не подойдет и не найдется ни одного наследника, тогда у меня останется лишь одно предложение. И я пока не буду его озвучивать, чтобы не потерять ваше расположение. Будем надеяться, что исход найдется до крайних мер.

— А откуда вы вообще все так уверены, что мир рухнет? — размышлял Николай. — Ведь он ни разу не рушился? Или рушился, просто мне не сообщили?

— Только из древних архивов, Киан. Из самых старых инструкций по управлению артефактами. Мир мог рушиться уже миллионы раз, но, разумеется, никто об этом знать или написать не смог бы. Мы же имеем данные только о существующей реальности.

Николай никак не мог сформулировать идею, которая уже мельтешила на краю его сознания, потому просто перебирал:

— Лир-Дан, а мог бы какой-то маг все это устроить? Именно для того, чтобы создать новые миры?

Тот уставился на него как на прокаженного, даже в лице изменился. Но заговорил сухо, подбирая правильные слова:

— Только теоретически... Но все сильнейшие маги служат престолом, а для подобного нужно немислимое могущество. Я, вероятно, после долгих лет подготовки смог бы проверить подобное, но обойти клятву — никак. То есть этот маг должен быть вне добра и зла... Честно говоря, я не готов исчерпывающе ответить на ваш вопрос.

— И не надо. Мне хоасси говорили то же самое. — Господин Таш кивнул, подтверждая. — Если такой маг существует, он знает наверняка, что черная кровь не подходит для белого

престола, иначе убивал бы всех подряд, а он явно просто отвлекал внимание от ваших дел. В общем, отставим пока. Я все же хочу услышать последнюю гипотезу.

Лир-Дан долго молчал, потом подошел ближе и заговорил шепотом, хотя ближайшим все равно было слышно:

— Последний способ самый радикальный. Падение света погасит тьму, падение тьмы погасит свет — тут все ясно. Потому что они находятся на разных полюсах и уравнивают друг друга, как грузы на весах. А если разом падут оба престола, то равновесие не будет нарушено. Опять теоретически. Новый мир перемешает в себе добро и зло, он станет совсем другим, но не рухнет.

Господин Таш воскликнул:

— Что?! Вы предлагаете разрушить черный престол одновременно с белым? — Лир-Дан ему не ответил, он пристально смотрел на Николая. Таш не унимался и озвучивал мысли всех черных, даже шорсир нервно заелозили на месте: — Да ведь нет никаких гарантий! И мы этого не допустим, слышите? Мы, тринадцать хоасси, встанем на защиту его и ляжем там, если потребуется, но не подпустим ни одну из белых гнид к источнику тьмы!

Николай ответил ему спокойно:

— Угомонитесь, господин Таш. И так всем известно, что вы этого не допустите — вы же принесли клятву. Тогда давайте делать все что угодно, чтобы эта гипотеза больше не была произнесена вслух.

— С превеликим удовольствием, мой лорд! — Таш злобно скривился. — Надо поспешить обратно. Пусть Тайгон проверит, спасет ли его кровь всех нас.

Николай удивился:

— Почему не я? Может, сразу слетаем до белого замка?

— Нет, мой лорд, сначала мы убедимся, что белые не замыслили ничего такого против нас. А они замыслили! Нет, мы отправим в прогнившую обитель света Тайгона. Вы цените его, я в курсе, но лучше мы потеряем Тайгона, чем вас.

— Прогнившую обитель?! — неожиданно яростно взвился Лир-Дан. — Кто бы говорил! В белом замке царит добродетель! Вам бы поучиться!

— О, это я заметил, неуважаемый. Из-за этой вашей добродетели ни одного наследника не найти, верно? Из-за нее же ваш святоша кинулся на первую женщину, которая не корчит из себя сундук благодати? Вы там на стены еще не лезете, подальше от добродетели? Может, к вам консультантов послать, чтобы объяснили, откуда берутся дети и что своих жен можно иметь не только в миссионерских позах?

— А-а-а, черная мразь будет меня учить жизни? Как мило! Вернусь-ка я домой и обзаведусь сотней любовниц, залью чрево пьянящей жидкостью и примусь выплясывать демонские танцы, убивая по одному слуге в час забавы ради! Всю жизнь мечтал погрузиться в разврат и жестокость, вот только вашего сопливого совета ждал!

— Сделайте себе одолжение, милейший! Последний день мира не за горами, то-то потом жалеть будете, что провели сотни лет в молитвенных песнопениях!

Николай вскинул руки и заорал:

— Хватит! Хватит уже! Или вы мудрецы только в своих советах? Подумать не даете. Но знаете, вы в чем-то оба правы... позже сформулирую, а пока к делам. Итак, Лир-Дан, я пошлю в белый замок своего брата. Требую, чтобы его не наряжали в белое и не провоцировали комплиментами. Он хоть и не профессиональный убийца, но характер у него тяжелый, как у всех черных.

Старик мигом успокоился:

— Да, лорд, прошлый опыт нас многому научил. Благодарю.

— Пока не за что. Даю слово, что буду содействовать вам в поисках решения.

— И за это благодарю! Снова хочу подчеркнуть, вы не просто черный лорд, вы лучший из них.

Николай продолжил с большим нажимом:

— Не просто так! Позже я выдвину требования о торговле — и вы их примете. В черной империи просто нет условий для выращивания необходимого объема зерна...

— Зато есть условия для грабежей, — буркнул старик себе под нос. — Это, наверное, от плохой урожайности. Ладно, мы их примем, хотя никакой торговли раньше не было — и я не имею представления, что из этого выйдет. Но даю слово, что буду содействовать вам во всем. При

всей моей нелюбви к... Нет, я все-таки спрошу. В чем причина ваших странностей, лорд? Это уже слишком сильно бросается в глаза, я не могу не поинтересоваться.

Николай не видел смысла скрывать:

— Я родился и вырос в другом мире. Вы ведь тоже можете путешествовать по мирам?

— Да, конечно, наши лорды могут... могли открывать врата... Постойте, в каком именно мире?

— Понятия не имею, как он называется. Земля, Солнечная система и прочее бла-бла-бла, но давайте сначала этот мир спасем, а потом уже обменяемся впечатлениями.

На том и разошлись.

Господин Таш вопил во время совета, что белые ведут сюда армию. Уже на следующий день все хоасси вопили о том же с ним в тон и планировали организацию обороны престола. Даже господин Ноэ выглядел встревоженным. Николай очень внимательно наблюдал за первым советником и главным своим подозреваемым и пришел к выводу, что такого поворота Ноэ не планировал. А может, Николай зря его подозревал в организации заговора, ведь такую тревогу с бледностью вряд ли разыграешь? Значит, надо дождаться или прихода новых козырей, или пока «напарник» сам решит посвятить его в правила игры.

Глава 27

Новых козырей Николай дождался, но радости это не прибавило. Тайгон в компании Лир-Дана вернулся быстрее, чем ждали. И с прискорбием сообщил, что его кровь тоже не подошла.

Лир-Дан выглядел раздавленным:

— Этот вариант провалился, мой лорд. Остается еще несколько, мы обязаны проверить все.

Кстати говоря, мы в последнее время искали любую информацию, способную подсказать выход, и наткнулись на записки Маринария Чудотворца, прапрапрадеда Ниэля Святого. Оказалось, что он очень любил тот самый мир, в котором вы родились... Вынужден признать некоторую правоту хоасси, не всегда наши лорды выдерживали святость и благопристойность, кое-кто из них искал способы отдохнуть душой и... э-э, телом. Прошу прощения, но этот факт наталкивает нас на еще одно подозрение...

— Да что вы говорите, — Николай даже не удивился. Просто отметил еще один кусочек паззла, летящий с неба ровнехонько в общую картину. — Выход найдется. Уже бы нашелся, имей мы возможность искать в наших общих архивах. А пока поживите здесь, Лир-Дан, я поговорю с вами позже. Новый указ! — он просто крикнул вверх, уже привыкнув к тому, что все его распоряжения слышат и передают из уст в уста. — Кто хотя бы косо взглянет на моего гостя — отправится на кол. Мы целую неделю не слышали криков, скукота.

Лир-Дан вздрогнул, но взял себя в руки и согласился:

— Я воспользуюсь вашим гостеприимством и останусь здесь, мой лорд. Буду рад любому варианту, если таковой имеется, — он низко поклонился и ушел вслед за слугами.

За спиной Николая стояли Трина и Ноэ.

— Заметили? — тихо спросил Коля сразу у обоих.

— Да, Киан, — ответила Трина. — Он дважды назвал тебя «мой лорд». Может быть, оговорился от волнения? Потому что это немисливо.

И Ноэ подхватил:

— Или ему уже безразлично, как вас называть, раз других лордов все равно в мире нет.

Николай посмотрел на хоасси:

— Верно. Ему уже все равно. Первый маг белой империи упал до того, что называет меня своим лордом. Еще через месяц так меня будут называть все в этом мире. Не в этом ли смысл?

Ноэ улыбнулся с иронией во взгляде:

— Кажется, вы уже поняли, Киан?

Николаю веселиться не хотелось, он желал ответов. И махнув рукой шорсир, чтобы не позволили никому приближаться и сами отошли, ухватил советника за локоть и потащил из тронного зала, теперь не сдерживаясь:

— Чего вы добиваетесь, Ноэ? Я должен отправиться в белый замок сам и попробовать?

Интересно, почему вы уверены, что моя кровь подойдет?

— А почему вы считаете, что я в этом уверен, мой лорд? Но я бы на вашем месте проработал все варианты.

— Прекратите уже, Ноэ! Вы так самоотверженно пошли за мной в чужой мир, так настаивали на моей кандидатуре — и теперь я могу сказать с уверенностью, что вы далеко не все причины озвучили. Давайте тотализатор откроем, ставки всем двором сделаем — подойдет ли моя кровь для белого престола. Никого из моих братьев не подойдет, а моя — как родная. А потом и объяснение найдется. Окажется, например, что моя мать была какой-нибудь прапраправнучкой этого Чудотворца, и мой отец не просто так ее выбрал. Но хуже всего, что вы во всем этом участвовали, Ноэ. Это именно вы создали наследника сразу двух престолов. Попробуйте, если я в чем-то ошибаюсь!

Ноэ остановился, но даже улыбаться не перестал. Только глаза его стали внимательнее.

— Нет, Киан, вы не ошибаетесь. Но и не выдвигаете обвинений. Говорите уже прямо.

Николая накрыло веселым раздражением, он развел руки в стороны, не определившись, то ли зло расхохотаться, то ли ехидно поморщиться.

— Еще прямее? Вы один из тех, чьей силы хватит для переброса. Вы точно знали, кого и зачем ищете. Скорее всего, вы с моим отцом осознанно нашли именно мою мать, не так ли? Ну, и в конце концов вы, любитель всего нового и интересного, наверняка решили, что разрушение и создание вселенных не самое скучное времяпрепровождение. Надоело быть первым и сильнейшим, если можно стать Богом?

Ноэ кивнул, будто соглашался:

— С вашей стороны все именно так и должно выглядеть. Весьма логично и по большей части правда, хотя нет твердой уверенности, что белой крови в ваших жилах хватит — все-таки вы наследовали ее через четыре поколения. Вы истинный черный лорд и сын своего отца, но можете подойти и для белого престола. Только вот несостыковка — если мой план таков, как вы говорите, то именно вас я и должен был убить первым, ведь как раз вы и остаетесь последним препятствием для плана по разрушению мира.

— Вот уж понятия не имею, почему вы до сих пор меня не пришили. Ждем остальных разгадок с неба?

— Единственное понятие, которое вам поможет, я ваш друг и защитник, мой лорд. И я вернейший слуга тьмы. Этого должно быть достаточно.

— Друг или кукловод, Ноэ? Разве я не стал просто фигурой в вашей игре?

— Стали, но лишь потому, что обстоятельства сложились таким образом. Не я убивал наследников, уж тем более — белых лордов, поскольку на момент гибели первого из них бегал за вами в другом мире. Да, я завел свою игру, но моя маленькая партия наслонилась на чью-то грандиозную. И тот самый первый игрок наверняка не в курсе моей игры, иначе атаковал бы вас куда большими силами.

— А-а, так я сольный артист сразу в двух операх? Милота. А цель вашей маленькой партии в чем? Ну, раз мы такие большие друзья.

Глаза Ноэ прищурились, а улыбка стала еще многозначительнее.

— Я верный слуга тьмы, мой лорд, — повторил он.

— Ясно.

Николай развернулся и быстро зашагал к своим покоям, показывая, что разговор окончен.

Больше он Ноэ не доверял — вообще было большой ошибкой доверять прожженному и циничному магу, который всегда руководствовался только личными мотивами. Если хоасси не врет — а это еще большой вопрос, — то он под общую шумиху просто решил проработать вариант с Николаем. «Верный слуга тьмы», вполне вероятно. Вечная борьба добра и зла, когда ни одна из сторон не может одержать окончательную победу. Они убивают друг друга, отвоевывают территории, но самый последний оплот магии не разрушают. Такое туповатое перетягивание каната. Однако финал этой эпопеи возможен — если черная империя победит, но притом не разрушит престол врага. А как это сделать? Верно, посадить на белый престол истинного черного лорда — полная и безоговорочная победа тьмы, светлые уже никогда не смогут поднять голову и выйти из-под контроля. Верный слуга тьмы, а может, и черные лорды давно планировали эту точку в извечной битве. В замысловатости им не откажешь, но Николая тошнило от переизбытка информации и новых выборов, которые делают за него.

К Лир-Дану он не пошел — не знал, что сказать. Если уж сам Николай додумался до первого ответа, то и белый маг должен был. Но даже несмотря на подозрения в спланированной

стратегии у белых нет других вариантов решения, они согласятся на любой путь для спасения жизни, даже при твердом осознании, что их отымили. И что Николай будет ему говорить? Оправдываться, мол, ему и один престол даром не нужен, куда уж второй? Что он постарается быть справедливым лордом для белых? Но все это пустое сотрясение воздуха. Он от святости белых еще дальше, чем от пороков черных. И об этом знают все. Единственное, о чем знают все.

Еще есть хоасси — они точно не в курсе планов Ноэ. Реакция господина Таша была показательной, он очень боялся отпустить Николая в белый замок, да и остальные погрузились в панику, вместо того чтобы толкать его поскорее к светлым. Завтра нужно будет привести Лир-Дана на Совет Тринадцати и попытаться уговорить разом все стороны. Интересно, Николай должен согласовывать визит белого мага к своим советникам, или пусть проорутся уже на месте? Голова раскалывалась от обилия мыслей и отсутствия дельных выводов.

Шорсир привычно осмотрели его покой и вышли, осталась только Трина. Николай упал в кресло, зажимая виски ладонями. Она долго молчала, но, видя его состояние, решила отчитаться — хоть с чего-то начать разговор:

— Если ты волнуешься за своего гостя, Киан, то напрасно. Конечно, ему здесь не рады, но сестры присматривают и за его комнатой. Ему ничего не угрожает, если он не решит прогуляться. А он не решит — за этим смотрят хоасси.

— Что? — Николай нахмурился и поднял голову. — Зачем?

— Вероятно, они опасаются, что белый маг здесь для того, чтобы выждать подходящий момент и разрушить наш престол. Они ему не позволяют даже приблизиться.

— Понятно, — Коля снова тяжело вздохнул. Подумал и все же решил спросить прямо — ему было очень важно знать ответ: — Трина, а ты знала?

— О чем, Киан? — она подошла ближе.

— О том, почему Ноэ так хотел короновать именно меня.

— Потому что ты второй в списке Тария, конечно!

— Нет... Ты знала о том, что с большой долей вероятности моя кровь подойдет и для белого престола?

Трина выглядела растерянной, будто не понимала его терзаний:

— Именно на это и делал ставку белый маг, но разве она сработала на Тайгоне?

— Наверняка сработает на мне. То есть ты не знала о том, что моя мать — предположительный потомок белого лорда?

— Что?! — для неэмоциональной шорсир это был почти крик. — Ты уверен?

— Почти на сто процентов.

Взгляд Трины бегал по помещению, не останавливаясь на одной точке. И соображала она быстро:

— Верно, Лир-Дан еще не дошел до этой мысли, но уже почти ее озвучил. Я могла бы догадаться. И его слова слышали многие — все, кто находился в зале. А первый хоасси сразу об этом знал — не зря он даже жизнью рисковал, чтобы тебя отыскать... В самом худшем случае ты гарантированно стал бы черным лордом, притом новатором — таким, каких первый хоасси любит. А в идеале... Киан! — она наконец-то остановила взгляд на его лице. — В идеале ты сможешь подмять под себя и белый престол! И они пойдут на это — слова против не скажут, потому что нет иного выхода!

— И ты туда же? Радуетесь?

— Пока нет, но такого торжества зла история еще не видела. Зная тебя, предположу, ты не позволишь совсем загнобить светлых, не разрешишь их всех казнить и даже будешь защищать... быть может, просто привнесешь туда немного пороков, а им это даже на пользу. Будет совсем не так, как если бы на твоём месте оказался другой человек. А я все равно буду радоваться — кажется, мне посчастливилось быть рядом с самым победоносным лордом с начала времен! Не беда, что ты сам начнешь останавливать полное торжество тьмы — но ты положишь начало новой эре. И когда-нибудь кто-то из твоих сыновей или внуков окажется в достаточной степени черным и завершит начатое тобой. Я преклоняюсь пред мудростью первого хоасси, никто до него не приносил тьме такого триумфа!

— И ты туда же... — обреченнее повторил Николай.

А ведь Трина перечеркнула все зачатки оптимизма. Даже если Николай станет справедливым правителем для белых, любой из его потомков сможет это изменить: оставит престол себе,

убьет всех светлых и окончательно войдет в новую эру торжества зла, которую начнет Николай. Конечно, зависеть это будет от множества факторов, но черная кровь имеется в наличии, а воспитание возьмут на себя хоасси, у белых вообще постепенно будет все меньше прав и возможностей влияния — тут Николай ничего сделать не сможет, особенно после своей смерти. Он и сам не заметил, как начал размышлять вслух:

— Моих сыновей должна родить светлая. Только в этом случае мои наследники не будут белыми или черными, только так империи рано или поздно объединятся без уничтожения одной из сторон... Только женившись на светлой, я разрушу этот долгосрочный план. И Ноэ об этом тоже подумал, потому и поддерживал мои чувства к тебе, да он единственный, кто слова против не сказал... Как же я раньше этого не видел? Трина, как я этого не видел? Я ведь смотрел только на тебя, уже все спланировал — ты теперь другая и пошла бы на все, потому что я хитер, не оставил бы шанса увернуться. Ноэ выиграл, поставив на мою хитрость... Он уже выиграл! А я просто влюбился как идиот и теперь не имею представления, как уйти с этой дороги...

Трина вдруг мягко улыбнулась и сделала еще шаг навстречу — о, она соображала еще быстрее Николая. И коснулась молнии на своем костюме, медленно расстегивая ее.

— И хорошо, что Ноэ выиграл. Если ты уже влюбился, то и я могу забыть о том, что шорсир. Пусть все старые традиции рухнут, если это означает начало новой эпохи. Я буду твоей, я давно готова любить тебя, но сломать эту границу казалось невозможным. Но если моя граница отпустит тьму, то я готова перестать быть шорсир и стать твоей черной леди.

И она сама наклонилась к его губам, жадно целуя. Самая красивая на свете, самая желанная, готовая ко всему — ей не надо себя заставлять, она давно хотела того же. Николай же тонул — противоречивости: самая желанная оказалась главным оружием против него. Ведь он любит — по-дурацки, романтично, страстно, как ополоумевший кретин. И она любит — пока иначе, но будет любить так, как захочется ему. Во славу тьмы и удовольствия ради.

Николай схватился за остатки самообладания и оттолкнул ее.

— Не надо, Трина. Уйди, — он перестал сдерживаться и крикнул в полный голос: — Уйди, это приказ! Ты шорсир, а я твой лорд!

Девушка смотрела на него несколько секунд, потом склонила голову и бесшумно вынырнула из спальни. Николай с трудом переместил тело на кровать и закрыл глаза в надежде хотя бы уснуть, если все остальное уже не получилось.

Глава 28

Утром Коля потащил Лир-Дана в Совет Тринадцати. Сам не слишком понимал зачем и что именно там нужно обсудить, но все мысли сходились к одному: обсуждать давно пора и надо хоть с чего-то начинать. Но уже издали раздались нервные крики хоасси, оскорбленных таким неуважением. Дверь закрыли прямо перед их носом, вполне возможно, они не имели в виду собственного лорда, просто нос его оказался в непосредственной близости от белого мага, потому и возникла эдакая двусмысленность. И сквозь толстые стены оба могли слышать, что «белая гнида» до престола не доберется и вообще ни до чего не доберется — пусть даже не рассчитывает! Это, вероятно, господин Таш вопил. Он, как обычно, соображал медленнее других и еще не уразумел, что белые уже проиграли.

Но спорить было не о чем, потому Николай пожал плечами, развел руками и резюмировал без капли вины:

— Ну, вот так. Хоасси к вам сейчас относятся примерно так же, как я к ним в самом начале правления — как к диковинным зверям, интересным, но зубастым. И от которых на уровне подсознания хочется держаться как можно дальше.

— Я все понимаю, мой лорд, — Лир-Дан склонил голову. — Не стоит объясняться.

Они возвращались обратно по длинным коридорам в сопровождении только шорсир, но и женщины держались на почтительном расстоянии, пока не чуяли угрозы, потому собеседники могли говорить открыто.

— Попробуем повторить завтра, — размышлял Николай. — И послезавтра. И до тех пор, пока что-нибудь не произойдет. А чует мое сердце, что-то случится задолго до послезавтра, мне вообще в последнее время не везет.

Лир-Дан тер подбородок и ковылял рядом. Несмотря на возраст — навскидку ему можно было спокойно дать лет девятьсот, — он оказался довольно бойким стариком. И этим тоже очень напоминал Ноэ.

— Вы правы, Киан. До черных магов очень быстро дойдет суть стратегии. Меня они видеть по-прежнему не захотят, но возрадуются так, что мир содрогнется. Выживет, конечно, но содрогнется. Я прав, будущий лорд двух империй?

Ну вот, и ему хватило времени, чтобы окончательно сопоставить факты. Николай остановился и посмотрел ему в глаза:

— Именно так, Лир-Дан. Разумеется, я скажу, что в организации этого плана никакого участия не принимал. Более того, скажу, что этот план еще далеко не самый веселый по сравнению с другим. Но я бы на вашем месте себе не поверил. Вот только это не имеет никакого значения, если я все равно последний. Очень хотелось бы обзавестись хоть одним союзником, Лир-Дан, и плевать на цвет его мантии, но меня отучили доверять кому бы то ни было. И оправдываться, и пытаться быть понятым. Потому мне все равно, станете вы считать меня спасителем или узурпатором.

Белый маг молчал почти до самых своих покоев, а на прощание тихо заметил:

— Нас просто прижали. Победили. Мне не нравится происходящее, но нравитесь вы. И если в этом мире верить больше не в кого, я буду верить хотя бы в вас, Киан Корд.

Николай не посмотрел на него, чтобы не соглашаться и не опровергать, не глянул и на Трину, чтобы не увидеть блеска восторга от услышанного в ее глазах. Он предпочел провести весь день в своей спальне и полном одиночестве. Проработать все незакрытые вопросы, обдумать каждую странность и принять хоть одно собственное решение.

Проснулся он от криков — не от встревоженных или предупреждающих об опасности, а от самых натуральных криков боли и ужаса. Он еще даже не успел полностью вынырнуть из сна, а уже осознал происходящее: пространство вокруг стремительно менялось, сдвигались стены, потолок уже прижал шкаф и продолжал давить, пока доски не лопнули, отплевываясь щепами. Скрежетала ломающаяся мебель и раздавленные стекла, само же пространство сжималось бесшумно, потому-то Коля и проснулся слишком поздно.

Он бросился с кровати и вмиг прижался к полу, боясь продвигаться дальше: как раз возле входной двери потолок уже сминал стену вместе со всем, что попадалось по пути, больше шансов выжить, если выпрыгнуть в окно. Хотя тоже, конечно, ноль. Стены не гнулись, а ломались при слишком сильной деформации, это давало надежду. Быть может, где-то откроется более надежный выход из этого скрипящего и ломающегося ада. Николай повернул голову и почти без эмоций посмотрел в помертвевшие глаза Девятой Шорсир. Она стала первой, но далеко не единственной жертвой этой сумасшедшей магии.

Шорсир пробиралась к лорду, кто-то пытался остановить движение потолка вниз, но в этом не было никакого смысла — тех, кто не искал свободные пространства для лорда, просто заваливало, вызывая крики боли, а потом и раздавливало, бездушно, как мусор под прессом. Рядом с Никодем оказалась Трина и еще несколько шорсир, они почти не разговаривали, лишь рассредоточились в разных направлениях — ждали, когда любая из стен треснет настолько, что можно будет в протиснуться в пролом. Николай тоже молчал, не видя смысла кричать от ужаса или пытаться выбраться из сжимающегося лабиринта. И так, не только он додумался до первых выводов, кто-то смог сделать то же самое — уж слишком логичным тогда представлялись все поступки Ноэ. И кому-то это не понравилось, потому и подключилась тяжелая артиллерия. От Николая нужно было избавиться, а не просто играть в пугалки, пока убирают белых наследников, но лишь Лир-Дан озвучил для всех причину и фактически подписал лорду смертный приговор, хотя вряд ли собирался это делать.

Именно Лир-Дан первым из магов оказался здесь — все-таки его покои размещались рядом. Появился он с грохотом, пытаясь врезать воздушную стену между полом и потолком, чтобы не дать им сойтись. Магу удалось пробраться к Николаю, где он упал на колени, но почти сразу лег на пол и вскинул руки. Закрыв глаза и замычал заклинание. Ему удалось остановить сжатие пространства — и уже от этого стало легче дышать. В промежутке между двумя песенными строчками Лир-Дан быстро сказал:

— Могу не удержать, слишком сильная атака... Мой лорд, попытайтесь выбраться, пока я держу...

— Спасибо, Лир-Дан, — Николай сел и осмотрелся. На самом деле выбираться здесь некуда, повсюду завалы, а отойти от белого мага — намного больший риск. Вновь посреди скрежета раздались стоны, на что Коля отреагировал сухим: — Попробуйте перетащить сюда выживших. Если доберемся до окна, то каковы наши шансы?

— Нулевые, Киан. Слишком высоко, — ответила Трина почти обреченно и тут же воскликнула: — Слава тьме, почему так долго?

Николай тоже выдохнул с облегчением, разглядев Ноэ. Тот юркнул через оконный проем на свободное место на полу и точно так же, как Лир-Дан, вскинул руки, только с другой стороны от Николая. Но прежде объяснился:

— Было не пробраться! Почти все замковое крыло всмятку, до меня не сразу дошло, что через окно получится быстрее. Другие хоасси идут напрямик, будут здесь с минуты на минуту. Эй, Лир-Дан, можете выдохнуть на пару минут. Спасибо за спасение нашего повелителя, — поблагодарил и сразу зашептал то же заклинание почти звук в звук, потолок даже начал колебаться в воздухе, будто заметно облегченный.

Лир-Дан выглядел очень уставшим, он, так и лежа на полу, вытер пот со лба. Ответил будто самому себе:

— Вот уж действительно есть за что. Такого халатного отношения к безопасности лорда я еще не видел. Он уже был бы мертв, не окажись я по случайности в соседних покоях! Девчонки эти шустрые еще помогли, вовремя шум подняли и лорда прикрыли, но они ведь обычные люди — им не под силу было остановить магическую атаку. Уму непостижимо, мягко говоря. Он снова вскинул руки и забубнил — потолок под влиянием сразу двух сильных магов потихоньку поднимался. Николай попытался сесть, но удобнее оставалось лежать, уцелевшие шорсир осматривали открывающиеся щели. Ноэ воспользовался паузой в монотонном речитативе и ответил на претензию:

— Кто бы говорил! Приберегите иронию для более подходящего случая. Наш-то лорд хоть до этого дня дожил.

Они оба уже хором заговорили, приподнимая потолок еще на полметра. Со стороны двери послышались радостные крики первых хоасси, которые прорвались сквозь завалы и убедились, что лорд жив. Лир-Дан же в паузе продолжил дискуссию:

— Чему я и удивлен, неуважаемый. Кстати, заодно и сориентируйте в ваших заговорах: Киана Корда хотят на белый престол пришпандорить или замочить? Потому что вот это, — он указал взглядом вверх, куда с таким трудом отползал потолок, — никак не вяжется с тем, до чего додумался я.

— Кто пришпандорить, а кто и замочить, — задумчиво ответил Ноэ. — Я за первое, но я здесь, как видите, не единственный. И главный враг все-таки из ваших же слов сделал все нужные выводы. Будьте уверены, Лир-Дан, что это нападение вы своей болтовней сами же и спровоцировали.

— Сам спровоцировал — сам спас. Дело ведь закончилось хорошо.

— Вы только что в двух словах описали всю внешнюю политику белой империи. Не отвлекайтесь, Лир-Дан, нам лучше вернуть потолок на место, а то мои коллеги не могут пробиться в дверной проем.

Николай переводил взгляд с одного на другого, не вмешиваясь в этот деловитый обмен лобзестностями. Кажется, ему посчастливилось оказаться на первом совещании «Серого» Совета, где присутствуют самые вменяемые представители вражеских лагерей. Ну, или просто занятые очень важным совместным делом, потому все еще не закончилось международным конфликтом или дракой. Была очередь Лир-Дана колоть:

— Те самые коллеги, любой из которых мог этот самый потолок и обрушить?

Ноэ открыл рот, дабы саркастично парировать, но хмыкнул, прикрыл и кивнул. И заговорил уже примирительно:

— Кстати говоря, завтра все-таки приходите на совет — я попытаюсь это уладить. Нам с вами нужно найти врага, так жаждущего убить Киана Корда.

Николай вставил:

— Я как раз тут лежу. Но продолжайте.

Лир-Дан и продолжил:

— Нам с вами? Ноэ, а вы ничего не перепутали? К Киану Корду у меня претензий нет, поскольку он не солгал о своих намерениях. А вот вы... Вы еще ответите!

— Сразу после того, как мы нашего черного лорда на белый престол усадим — вот тогда и отвечу. Я, кстати говоря, при нем первый советник. И, несмотря на незначительное похолодание наших отношений, им же собираюсь и остаться.

— Да что вы говорите! — снова взвился Лир-Дан, отчего потолок чуть не рухнул снова. — По поводу черных дел вы будете советником, а вот по поводу белых, уж извольте, лорд как-нибудь без вас разберется — с моей помощью, конечно.

Николай вздохнул и вновь напомнил о своем присутствии:

— А я все еще тут, советники. Предвижу, что годы моего правления будут весьма занимательными — как бы шизой не поехать. Вы хоть не скандальте по пустякам — лучше б делом занялись.

— Я и занимаюсь, — спокойно ответил господин Ноэ. — Например, посматриваю, кто из хоасси прибежал вас спасать первым и вычеркиваю их из списка подозреваемых. И на завтра врага в оплот нашей магии пригласил, в смысле, нового союзника в его новый дом. Потому что всерьез рассчитываю на его помощь. Если он прекратит скандалить по пустякам, разумеется.

— Ну, разумеется, — в тон ему и с тем же скепсисом ответил Лир-Дан.

Кстати говоря, Николай видел все меньше разницы между белыми и черными. Поменяй им ряссы, а потом попробуй найти семь отличий — задолбаешься, право слово.

На этот раз покушение провалилось, но погибли две шорсир и еще пять были ранены, это если не считать многочисленных слуг и дворян, оказавшихся в том же крыле. При такой масштабности операций успех не заставит себя долго ждать.

— Кто это там? Хоасси? — вдруг спросил Лир-Дан Николая, когда оба уже стояли на ногах.

Коля посмотрел на группу взволнованных магов, один стоял поодаль, внимательно осматриваясь.

— Да. Вы кого из них имеете в виду?

— Никого, — старик на выдохе сгорбился, будто за секунду растерял все силы. — Мне нужно отдохнуть, мой лорд. Рад, что вы не пострадали.

— Благодаря вам.

— Благодаря мне. Рассчитываю на вашу память об этой ночи.

— Все здесь чего-то от меня ждут, — Николай вздохнул и повел плечом. — Вот бы хоть одно исключение попало.

Глава 29

Труднее всего ситуация переживалась из-за Трины. Николай даже осознанно ее избегал, дабы не сбивала с мысли. Но последнее покушение показало, насколько шита белыми нитками его отстраненность. О себе Николай, конечно, очень переживал, но и не мог забыть, какое облегчение почувствовал, увидев ее живой. Девушек-телохранительниц, конечно, было жалко, но к Трине это слово совсем не подходило.

Николаю бы выйти в чисто поле и прокричаться или напиться до пьяных песен, или хотя бы посидеть в одиночестве подольше и поразмыслить, но даже такие простые удовольствия ему были недоступны: слишком велика опасность от своих и чужих. Шорсир теперь караулили его покои в полном составе — Коле и в голову не пришло спорить, черные хоасси мытарствовались здесь минимум по двое, а Лир-Дан прибегал на любой звук: стоило просто кому-то поздороваться чуть громче, как белый маг вместе с воздушной волной вонзался в полуразрушенную спальню, осматривался, выдыхал и извинялся. Хоасси здоровому соперничеству не изменяли и подробно расписывали, где видели его извинения.

Николаю от всего этого было душно. От мира, никаким боком ему не нужного, тошнило.

Появившийся Ноэ, с задумчивым видом трупий подбородок и сканирующий каждого присутствующего взглядом, раздражал. Но Николай сделал над собой усилие и подошел к первому советнику:

— Вы тоже заметили, что господин Кирир куда-то исчез, — он не спросил, констатировал.

Дождался, пока Ноэ переведет на него прожигающий взгляд. — И именно он привлек внимание нашего белого друга сразу после нападения. Лир-Дан, будьте добры, обозначьте причины своей заинтересованности.

— А-а, — тот устало отмахнулся. — Ничего важного, иначе я бы сам бежал всех оповещать. Просто лицо одного из хоасси мне показалось знакомым. Если меня завтра все-таки пустят на Совет Черных, то там и рассмотрю пристальней — разберусь, кого он мне напоминает. Николай перестал дышать. К счастью, Ноэ дословно озвучил его мысли — дал возможность молодому лорду сдержанно нелицеприятные эпитеты в адрес старика сверхпенсионного возраста:

— Лир-Дан, вы совсем идиот? Демоны, просто признайтесь, что вы исключение из всех правил, а у остальных белых присутствует не только спинной мозг!

Лир-Дан прищурился и привычно зашипел:

— Может, ближе к делу, мой чернокожий товарищ, а то за вами пока водится одна суперспособность — лясы без дела точить.

— Вам показалось лицо одного из подозреваемых знакомым — и это неважно? Вы ждали Совета! Я ничего не пропустил? Как вы дожили-то до столь преклонных лет, неужто сами научились ложку до рта доносить?

— А, я понял! Раз мне что-то там мельком показалось, то надо было отправить его на кол — все забываю, где нахожусь. Будет громко кричать — виновен. Будет кричать безнадежно — невиновен, мы его потом, посмертно, оправдаем. Я ничего не пропустил? Да потому и молчу на всякий случай, вам же жизни человека лишит без суда — раз плюнуть!

Николай уже просто взвился от назревающей перепалки и гаркнул, обращаясь и к ним, и ко всем присутствующим:

— Господа! Кто видел пятого советника? Где он?

Хоасси начали переглядываться и недоуменно пожимать плечами. Николай надавил:

— Может, изображение какое-то его есть? Портрет? Да, господин Таш, будьте добры принесите его портрет и покажите нашему гостю.

Все сразу зашумело, затрещало, пока Лир-Дан долго вглядывался в изображение — сначала непринужденно, а потом все пристальнее, бледнея на глазах. Уже минуты через три он буквально выдавил:

— Уж больно он похож на одного белого мага... Лет триста назад того выгнали из Совета за недостаток магических способностей... Я не могу говорить наверняка, сходство такое, какое бывает у родственников... ну, или если лет триста прошло. Выгнали без скандалов и нервотрепки. Я сейчас уже с трудом вспомню. Просто попросили освободить место для более сильного претендента, как и у вас, наверное, делается... — он конец фразы уже шептал и сам понимал, к чему приводят его выводы.

Да все уже понимали. А господин Таш голосил на уровне ультразвука:

— Да ведь это именно он вчера первым потребовал, чтобы белого мага в зал совещаний не пускали!

— Он первым, а вы вторым поддакнули, — спокойнее заметил господин Форн. — Давайте на секунду представим, что это один и тот же человек... Но как такое возможно?

— Ой, я вас умоляю! — визг Таша очень сильно нервировал, зато обращал на себя внимание и был слышен во всей огромной комнате. — Давайте уже не о способах, а о фактах говорить — а факты таковы, что если некто когда-то был белым магом, а потом стал черным, он не может называться ни абсолютно белым, ни черным! Что и требовалось доказать!

Господин Зор испуганно водил глазами с одного лица на другое:

— Но ведь мы его всю жизнь знаем... И из Совета белых мага выгнали за недостаток способностей, а не далее как неделю назад господин Ноэ назвал господина Кирра одним из сильнейших из нас как минимум равным себе!

Ноэ тоже не мог устоять на месте:

— Идиот... Идиот! Это я не вам, Лир-Дан. Я идиот. Ведь Кирр — самый классический пример скрытой силы, которую можно считать по ауре, но проявлений которой он нам никогда и не демонстрировал... И если уж исходить из предположения, что это один и тот же человек, то он смог нарушить уже две клятвы престолам! Сомневаюсь, что это в два раза сложнее, чем нарушить одну... Идиот, он же все время сидел у меня перед носом...

Ноэ полетел на выход, вероятно, обыскать покои Кирра или найти какие-то доказательства и зацепки. Но в двери остановился и сухо приказал:

— Охраняйте черного лорда... Раздери меня тьма, он обязательно начнет с него! Шорсир, Лир-Дан, хоасси, сделайте что угодно, лишь бы Киан не пострадал. Я найду и убью предателя.

Но Таш покачал головой и сказал неожиданно спокойно:

— Боюсь, господин Ноэ, что мне придется озвучить очевидное — вы не справитесь с ним. Он сильнее, старше и могущественнее вас. Мы все обязаны отправиться с вами. Самое глупое сейчас — разделять силы.

— Самое глупое сейчас — потерять черного лорда, который сможет стать и лордом белых! — Ноэ вскинул голову и возопил в потолок: — Да почему я окружил себя дураками? Всем надо прямым текстом говорить! Какой смысл в победе над предателем, если мир все равно рухнет? Я уж не говорю о том, что мой приятнейший темный план провалится!

Николай тоже поддался всеобщей панике и тревоге, но последняя реплика его рассмешила:

— Ноэ, вы хоть что-нибудь видите, кроме своего темного плана? Ну серьезно, ваша страсть к азарту уже нуждается в медикаментозном лечении! Господин Таш, вы правы, все хоасси идите с Ноэ и найдите врага. Если вы с ним не справитесь, мне никто не поможет. А до вашего прихода я постараюсь... спрятаться? — сказал он неуверенно, спрашивая у самого себя.

Собственно, именно спрятаться ему и было нужно. Хоасси без долгих дебатов поспешили за Ноэ, а Николай размышлял вслух:

— Все шорсир останутся здесь. Лир-Дан, вам придется изобразить мое присутствие. Ну и никто кроме вас не в силах отбить атаку, когда она последует. А мне нужно уйти... куда-нибудь.

— Это слишком опасно, повелитель! — Вторая нахмурилась.

— Именно поэтому и похоже на правду. Кирр знает, что вы ни при каких обстоятельствах не оставили бы меня без защиты, значит, и не будет искать в других местах. Мне нужно просто найти укромный угол и там отсидеться. Все, все, девочки, это приказ. Вы ведь тоже умеете мыслить стратегически?

Шорсир умели — не зря все по очереди кивнули, принимая его план. Николай повернулся к Трине, чтобы и для нее повторить распоряжение, но она опередила:

— Нет, я пойду с тобой. Сестры примут удар на себя и позволят нам скрыться, но совсем один ты не пойдешь. Да хотя бы потому, что я в десять раз быстрее найду укромный угол. Не спорь! Ты мой лорд, но я умоляю тебя, не спорь. Я пойду за тобой в любом случае, можешь не сотрясать воздух.

Николаю очень понравился этот монолог, достойный голливудского кинематографа, с ноткой пафоса и недовысказанных признаний в любви. Вот бы услышать то же самое, но в какой-нибудь другой жизни. А пока он только пожал плечами и выдал:

— Я именно это и собирался сказать. Когда ты успела стать такой болтливой?

Лир-Дан напустил какого-то тумана, а шорсир предварительно осмотрели коридор, тем самым привлекая к себе внимание. А в то время Николай с Триной заказали ужин, неспешно перекусили, а потом приказали слугам раздеться. Нарядились в их темно-коричневые мешковины, убрали волосы под темные косынки и понесли на кухню грязные тарелки. До нее не дошли, бросили посреди какого-то безлюдного зала и направились в подземные переходы. Николай быстро устал от темноты и бесцельности блужданий.

— Может, здесь и отсидимся? — предложил он. Казалось, тут можно армию демонов спрятать — она скорее сама заблудится и подохнет от голода, чем ее смогут отыскать.

Но Трина осветила лицо чающим факелом, чтобы он разглядел, как она качает головой:

— Ни в коем случае, Киан. Мы с Ноэ нашли тебя по знакам и запаху в другом мире, неужели ты думаешь, что могущественный маг не сможет справиться, если ты будешь сидеть прямо под ним?

Об этом Николай как-то подзабыл. И сейчас праведно возмутился:

— Так, а зачем мы этот отвод глаз планировали?

— Потому что тебя ищет не только могущественный маг. А все, кому не нравятся белые и твоя новая политика, а они еще не в курсе, что ты скоро знаменуеть торжество тьмы. То есть все. Они только ждали шанса, когда ты будешь наиболее уязвим — сестрам и белой гниде придется нелегко. Идем, Киан. Надеюсь, хоасси справятся с предателем быстрее, чем мы падём замертво. Сомневаюсь, что тебя хватит и на пару дней.

— И что же ты предлагаешь? Как скрыться от того, от кого нельзя скрыться?

— Во-первых, не останавливаться! — выдала она каплю злости. — Пока мы не топчемся на месте, он не сможет нацелиться на знаки!

— Не хотелось бы тебя разочаровывать, Триниш, но я уже на последнем издыхании. И тоже очень сомневаюсь, что меня хватит на пару дней!

Она ухватила его за локоть и потащила дальше:

— Прискорбно. Значит, мне придется тащить тебя волоком.

— Красота какая — хоть на ручках покатаюсь. Трина, остынь, сейчас ему не до наших поисков — он сам от магов прячется. И нам лучше использовать эту передышку, чтобы осмотреться и подумать.

— Думай на ходу, Киан! И шевели уже ногами! Так и знала, что нужно тебя как-то тренировать, но все времени не хватало: то заговоры, то революции, то разрушение мира. Вот выберемся — и я точно с тебя не слезу, пока не повышу твою выносливость! Не в том смысле «не слезу», я твою улыбку затылком чувствую!

Николай в самом деле улыбался. А это вообще во всех ситуациях наиболее интересное занятие.

— Ты посмотри на себя — орешь уже, как вредная женушка. Не забыла, с кем говоришь?

— Не забыла, — с вызовом ответила она, протискиваясь в очередной засмоленный проход. —

Моя задача — обеспечить твоё выживание. Для этого я сделаю то, на что человек не способен. Хочешь — считай это признанием в самых искренних чувствах, хочешь — смейся, но мое поведение от твоей реакции не изменится.

— Надо же! Шорсир призналась в том, что она шорсир! — Николаю в проходе было уже тесно, пришлось протискиваться боком. Хотя если коридор сузится еще на сантиметр, то здесь черный лорд может и окончить свои дни. А пока ничего, дело шло, Коля просто не задумывался о том, чем перепачканы эти засаленные веками стены и что конкретно по ним ползает. Не хватало еще перед красивой девушкой истерику изображать. Вот последнюю мысль он и решил развивать: — Или ты в каких-то других, нешорсирских, чувствах призналась? Намекни попрямее, я в последнее время все навыки пикапа растерял за ненужностью — никогда ж не думал, что попаду в мир, где меня и так все по определению хотят. Иногда убить, но хотят-то все.

Трина вдруг остановилась, без света ее перемещения вообще стали казаться слишком быстрыми, как рывки тени. Она повернулась назад и прошептала:

— Ни в чем я признаваться не буду. Не умею и не вижу причин. Ты мой лорд. И ты будешь поступать так, как захочешь. Для того и рожден. А я буду рядом до последнего вздоха, в любом статусе.

— Потому что тоже для того рождена?

— Да. И нет. Ты сам знаешь все ответы, а признаваться я не буду.

Как же Николаю стало тоскливо — вот просто возьми да выпотроши всю душу наизнанку, а потом еще и заяви, что надо куда-то идти, что-то решать и зачем-то продолжать это бессмысленное царствование. Так ему тоскливо стало, почти до слез, от безысходности, что он взял ее за плечи, вжал в эту грязную стену и поцеловал. И целовал, пока хоть чуть-чуть на душе не полегчало. Зато после она уже ничего не говорила, дышала только рвано и не отстранялась. Николаю именно это передышка и была необходима:

— Трина...

— Я все, все знаю, Киан. Хоть всегда думала, что во мне совсем нет женщины, но оказалось, что капля осталась — и именно она все знает. И будет радоваться, когда ты выберешь себе в жены светлую, она поймет, что другого выхода не было, и ей всегда будет немного больно, потому что ты стал совсем чуть-чуть важнее всей тьмы, но она...

— Да я не о том, — перебил он, хотя слушал бы и слушал. — Нам нужно выбраться из подвалов к драконам.

— Зачем? — она собралась, чтобы скрыть непривычное для себя смущение.

— Раз надо постоянно перемещаться, то полетим. Например, до белой империи. Все равно давно пора проверить, подходит ли моя кровь — в этом даже Ноэ на сто процентов не уверен.

— Идея отличная, Киан, но очень опасно лететь туда вдвоем. Все-таки я убийца их лорда, и уж точно далеко не все из них будут рады узнать, что их приперли к стенке!

— Знаю. Но здесь мы как на ладони — надо сделать то, чего от нас вообще никто не ожидает. Лучшая стратегия в безвыходной ситуации.

— Хорошо. Тогда сюда, — потянула она его за руку в очередной темный и низкий коридорчик, больше похожий на нору.

Он шел и по ее командам пригибался. Держал девушку за руку, позволяя вести туда, куда она тащит. Странно ведь, они оба не самые большие на свете романтики. И уж наверняка не

однолюбы и лебединые страдальцы. А тоскливо, и все тут. Может, и пусть этот мир рушится? Все равно не очень такой мир получился.

Глава 30

Демоны взревели, приветствуя лорда, их сразу не угомонишь. Приятные во всех отношениях работники с правильным понятием о корпоративной этике и субординации, вот только слишком шумные. Даже Трина с ужасом озиралась на темнеющие в небе клыки замка. Уж если кто-то ищет, где происходит странное, то прямо сейчас об этом услышал. Собственно, это и была исчерпывающая причина, по которой Николай с Триной схватили первого попавшегося дракона и решили лететь на нем вдвоем. Разумеется, было еще несколько мотивов, например, вынужденные объятия — но их обмозговывать было незачем. Полетели и полетели. Неудобно, зато тепло. И быстро. Им ведь надо было именно быстро.

Но обоим стало не до нежностей — дракон преодолел расстояние до белого замка за часы, уже к концу этого дня они будут там, но еще большой вопрос, не встретят ли их гигантским гарпуном. Ведь всем известна подлость и беспощадная неадекватность светлых, вдруг у них единственный разумный человек и есть первый имперский маг Лир-Дан. Николай не мог об этом не задумываться, но тревоги не озвучивал, Трина думала о том же. Тем не менее Коля успел даже инаугурационную речь для белых накидать, вполне убедительную. А белые маги подтвердят, что он не лжет, этого должно быть достаточно и остальным. В общем, только бы гарпуном не подбили, дали слово сказать, а уж языком чесать Николай умеет на максимальном уровне.

И как раз в тот момент, когда Коля решил отрепетировать речь перед Триной, чудовище вдруг сильно дернулось и как-то протяжно завывало. Николаю уже доводилось видеть раненых драконов, и этот крик был не слишком похож на болевой, он напоминал скорее жалобный скулеж. Дракон сильно накренился, но пока не летел на землю кубарем, а планировал. Трина вытянулась в сторону, пытаясь понять, что происходит.

— Осторожнее, Киан! — крикнула она, чтобы заглушить ветер. — Дракон ранен, но я не вижу ни армий, ни орудий! Предполагаю...

Николаю некогда было дослушивать, он направил монстра на посадку. Еще один такой удар от невидимого противника — и они все вместе рухнут и разобьются, нужно успеть оказаться на твердой поверхности. И как раз там, уже спешно спрыгивая на землю, Трина с Николаем с ужасом поняли, куда пришелся удар. Точнее, удара как такового не было, по всему животу и длинной чешуйчатой шее бежали мелкие — не больше ладони — жуки и вгрызались в плотную кожу, заползая под пластины. Оттого чудовище и скулило так жалобно, болезненно и обреченно. Николай выхватил из рук Трины короткий меч, который сразу засиял знакомым голубоватым светом. Кинулся на спасение дракона, но уже и сам через минуту понял, что животинка обречена. Плодоядные тараканы умирали от оружия, запросто рассекались лезвием и даже отползали от свечения. Вот только их были сотни или тысячи, никаким оружием невозможно остановить.

— Киан, бежим! Это бессмысленно! — Трина впадала в отчаянье, предполагая, что наступил тот самый случай, когда добросердечность его погубит. — Прошу! Маг где-то близко, он уже знает, что мы не разбились.

Николай прекрасно понимал, что она права. И все-таки шагнул ближе к дракону, тот послушно подал голову, открывая шею — то ли знак преданности своему властителю, то ли в немой просьбе помочь. И Коля помог: одним ударом всадил лезвие по самую рукоять. Монстр в последний раз дернулся, и через несколько секунд голова его ударилась о землю. Все лучше, чем быть съеденным заживо, что длилось бы часами. Дракон еще в небе понимал, что ему конец, но планировал, аккуратно приземлился, хотя притом явно испытывал боль... Николай застыл в этой мысли и никак не мог из нее вынырнуть.

— Идем, — Трина кричала ему в лицо. Ударилась по рукаву, стряхивая плодоядных тварей, посмотрела в глаза — и со всего размаха залепила пощечину. — Идем, Киан! Нам нельзя оставаться на одном месте!

И опять пришлось бежать. Они, не сговариваясь, рванули к огромной, светящейся желтым, арке, так сильно заметной издали из-за непривычного для этих мест цвета. Врата в другие миры — беглецы перейдут туда, чем обеспечат себе фору. Конечно, враг может последовать за ними, но не просто так же все подряд талдычили, что никакой маг не умеет управлять вратами так же, как лорд. Так что этот способ побега должен сработать.

Не повезло и тут. До солнечной арки оставалось метров сто, когда Николай вдруг запнулся о какую-то невидимую петлю и полетел вперед. Ударился, но сразу вскочил на ноги, вскидывая меч и оглядываясь. Со стороны арки неспешно шел господин Кирир. И ни одного хоасси вокруг, неужели он их всех уже уничтожил?

Трина с двумя кинжалами в руках встала перед Николаем, но он почти равнодушно отодвинул ее:

— Ну не глупи, он тебя убьет за полторы секунды. Отойди и не атакуй, это приказ. Считай, что последний. Предсмертная просьба.

Она чуть склонила голову и сделала шаг в сторону, в кои-то веки повинувшись. Но все же прошептала:

— Я умру вместе с тобой, мой лорд.

— Знаю, — ему странным образом вообще все стало безразлично. — Даже отговаривать не буду. Но сделай одолжение — умри после меня. Я эгоист, как и положено быть черному лорду. Не подведи меня, Трина. И да, обещаю любить тебя до самой смерти.

Она не ответила. То ли не поняла, что это довольно удачный сарказм, то ли не нашла в себе силы реагировать. Николай отодвинул ее еще дальше и выступил вперед, рассматривая мага. Все гениальные злодеи обязаны быть многословными и тщеславными, не подвел и этот — вместо того чтобы просто прибить Николая на месте, он начал разглагольствовать, будто очень заботился о соответствии имиджу гениального злодея:

— Вот уж не думал, что Ноэ провернет такое! Это было бы весело, клянусь, но я уже настроился создать принципиально новые миры.

— Меня с собой в новый мир не пригласите? — без энтузиазма поинтересовался Николай. — Я прикольный и знаю много анекдотов.

— Вас? — хоасси усмехнулся. — Вас бы я с собой взял в последнюю очередь. Вы как раз и есть главный элемент этих миров. Какой смысл в создании новой вселенной, если притащить туда самое худшее из старой? Еще давайте и престолы создадим — вот праздник-то: столько сил угрохать, чтобы к тому же цирку вернуться.

Николай развел руками и улыбнулся шире:

— Так я же не престол.

— Вы источник тьмы. А по последним слухам, и света. Ну уж нет, Киан Корд, вы прикольный, но я лучше обойдусь без вас.

— Кажется, лорды с мебелью вам не слишком нравятся?

Господин Кирир рассмеялся и все-таки начал объяснять. Может, болтливость — это обратная сторона гениального злодейства, без нее никак?

— А вам они нравятся? Это же полный абсурд, взять и противопоставить друг другу две сущности, которые вообще без этого противопоставления не существуют! Добро и зло, ну какая же чушь. У создателя этого мира было отличное чувство юмора — скажем ему спасибо, что он не захотел противопоставить твердое и мягкое, зеленое и красное. Хотя какая разница? Так же веселились бы. Причем это самое разделение в других мирах он так четко провести не сумел — живут же там как-то люди, только понятиями этими оперируют и вкладывают в них сакральный смысл. Но здесь... Киан, вы уж точно меня понимаете! Ноэ бы определенно понял, если бы не был занят ерундой, но нас троих объединяет желание копать до самой сути.

— Я понимаю, — признал Николай. — И понимал эту мысль задолго до того, как попал сюда. Тоже все диву давался, как вознесут какую-нибудь идею и начинают за нее дружно убивать или умирать, по большому счету без разницы. Пророки изредка рождаются, прокричат каждый на свой манер: «Вы чего творите-то, я такого не пророчил!» Люди ненадолго притихнут, но потом снова по тем же граблям: ведь есть же добро и зло, а значит, кого-то точно надо мочить! Так что не думайте, что только этот мир доведен до абсурда, везде эти отголоски «нашенских» и «вашенских». О да, я с вами полностью согласен, господин Кирир. За исключением того момента, в котором тоже умираю.

— Что поделывать, создание новой вселенной требует издержек.

— Это ясно, дракошу только жалко, хотя все равно б погиб. Кстати, а где тот самый создатель нынешнего мира? Вы с него спросить не пытались, зачем он такое устроил? Может, ему показалось, что встроенная борьба противоположностей — это механизм диалектики? Ну, или какие еще могут быть причины, чтобы в сам исходный код вбить необходимость страдать и сражаться. У него не интересовались?

Маг пожал плечами:

— Вот уж без понятия. Или погиб при перебросе энергии, или сам удавился, когда понял, что сотворил.

— Погиб? — Николай прищурился. — Получается, и у вас никаких гарантий?

— А кто ж мне даст гарантии, сынок? — Кирр улыбался уже совсем по-приятельски. — Чистый альтруизм. Готов рискнуть жизнью, лишь бы всем вновь рожденным существовалось лучше.

— Уважаю, — почти искренне сказал Николай и поднял меч. — Но увя я тем же альтруизмом не страдаю и умирать во благо еще несуществующей жизни не хочу. А потому буду защищаться, сударь!

Он под смех мага вытянул меч лезвием вперед, изображая дуэлянта. Надо будет действительно пару уроков по фехтованию взять — таким торжественным моментам крутости прибавят. Ну а пока Николай удовлетворялся только тем, что лезвие светило синим, источая это сияние все дальше и дальше.

— Киан, — ласково потянул господин Кирр. — Вы ведь понимаете, что ничего не сможете со мной сделать? Да и драться не умеете. Хоть младенца-то победите?

Маг был справедлив в своих шутках, Киан это признавал и махал все сильнее, сам удивляясь:

— Господин Кирр, до того, как вы убьете меня, проявите свое желание копать до сути. Почему клинки в моих руках излучают только магию тьмы, а? Если во мне течет и свет, то где он? Или у металла, кованного черным кузнецом, иммунитет от света? Вот как я узнал о своей крови, с тех пор этим вопросом и задаюсь.

Кирр хмыкнул и, не видя от Николая никакой угрозы, каковой и быть не могло, на секунду замешкался. А Трина метнулась ему за спину и всадила нож в основании шеи. Маг попытался вдохнуть, что-то произнести, но начал оседать на колени.

— Наконец-то! — от перенапряжения в полную глотку заорал на Трину Николай. — Отложила лень и не подвела меня! Я чуть язык не смозолил!

Шорсир выглядела немного растерянной:

— Но... ты же приказал...

— Я тебе тут всячески сигналы подавал, его разными сторонами поворачивал — убивай не хочу. Чего ты ждала?! Когда у меня словарный запас закончится?!

— Но... — Трина тоже начала раздражаться. — Да демоны разберут эти твои сигналы! Яснее надо обозначать! Скажи спасибо, что мне так надоел этот идиотский треп о добре и зле, что я решила прекратить ваши общие страдания через уничтожение твоего собеседника — сделала-таки доброе дело, самой противно!

— Спаси-ибо! — ядовито протянул Николай и перевел взгляд на Кирра.

И все? Вот они только что прикончили главного злодея? Но так не бывает! Главные злодеи должны умирать эпически, со взрывами на заднем фоне. Кирр чуть всех живых существ не уничтожил, а сам был убит обычным кинжалчиком, пусть даже в руках профессионала?

Николай не спешил радоваться, он припоминал. Например, рассказ Ноэ о том, как тот себя по кусочкам несколько дней собирал и ведь собрал же! А Кирр еще сильнее!

— Трина! — закричал Николай, боясь рассмотреть в глазах мага появляющуюся осмысленность. — Он сейчас воскреснет! Как Ноэ! Молоти его в фарш!

Шорсир молниеносно орудовала ножом, но такую важную задачу Николай не мог оставить — так его накрыло паникой. Он махал мечом, Трина едва успевала уворачиваться от собственного лорда. А Николай все никак не мог успокоиться, боялся, что хоть на секунду замедлится — и всем конец, потому что главные злодеи обязаны умирать эпически. И не сразу заметил, что молотит в фарш с ними теперь и Лир-Дан. Хотя даже без ножа — заклинаниями. Только после этого Николай смог выдохнуть, все же белый хотя бы маг, он сейчас в молекулы, в атомы негодя разнесет. И все тому будет мало, потому что нормальные люди с драконами так не поступают. А ненормальные пусть вон, на атомы.

Николай от усталости рухнул на землю, почти сразу рядом оказалась Трина, едва коснувшись рукой его плеча. Коля развернулся, обнял ее и прижал к себе — пусть хоть ненадолго вид

создаст, что обычная девчонка, беззащитная и ищущая утешения на груди любимого. Иногда хоть притвориться надо. Она же обняла в ответ и зачем-то начала утешать его:

— Мы победили, Киан. Теперь все будет по-нашему. Тебе в белую империю сейчас... Или надо найти Ноэ? Если Ноэ погиб, то необходимо собрать остальных хоасси. Больше они не посмеют тебе указывать, не было еще фигуры в истории этого мира...

Николай не выдержал и зажал ей рот ладонью. Трина очаровательна и все больше похожа на живую девушку, вот только трещит и трещит во славу тьмы. Николай подомнет под себя все стулья в этом мире, женится на белой святоше, желательно самой блондинистой, а Трину назначит любовницей и будет каждое утро напоминать ей, что приказывал не делать хакири. Всё решено, все довольны. Тьма победила. Хотя если сын Николая окажется совсем уж блондином, то и у света появится шанс.

— Трина, найди, пожалуйста, Ноэ, — попросил он. — Сейчас мне уже ничто не угрожает, но Лир-Дан на всякий случай за мной присмотрит.

Она непонимающе посмотрела на него, но склонила голову.

— Да, Киан.

* * *

Лир-Дан до последнего пытался его переубедить.

— Слишком, слишком рискованно, мой лорд, нет никаких доказательств...

Николай перебил:

— Ваша задача — не пропустить за мной хоасси, дать минуту времени.

— Я навел морок для отвода глаз, они не должны даже заподозрить. Но, Киан, я умоляю, подумайте еще раз!

— О чем? О том, что не собираюсь жениться на белой, когда хочу жениться на черной? А может, я вообще жениться не хочу, если такой расклад! Или о том, что мне одной короны было чуть больше, чем достаточно? Или о том, что Киан был прав в самой сути, этот мир неправильный. Все миры в чем-то неправильные, но только здесь неправильность доведена до абсурда.

— Но ведь нет никаких доказательств... — почти жалобно и все так же безуспешно взмолился Лир-Дан.

— Все будет хорошо, — Николай чуть замедлил шаг. — Или не будет. Но так, как сейчас, мне самому не нужно. Я очень даже разделяю безумство Кианна, просто ищу более толерантные способы.

Лир-Дан был против, но и сам будто сгорал от любопытства — что же получится. Он много сил тратил на поддержание заклания по отводу глаз, пока они пробирались в тронный зал, а отговаривал скорее по инерции, озвучивая объяснимые страхи. Но на самом деле мог остановить Николая, если бы захотел. И не сделал этого, выбрал из двух зол новое. Хоасси же так лояльны не будут, они клялись защищать престол, это уже не вопрос свободы решений.

— Кстати, а почему мой меч излучает только тьму? — вспомнил он о недавнем своем любопытстве.

Лир-Дан ответил тоже шепотом:

— Потому что клинки, кованные черными кузнецами, имеют иммунитет от света. Это две разные магии... хотя уже ненадолго. Поспешите, что ли. Не хотелось бы быть убитым за такую странную идеологию, как смешение добра и зла.

Уничтожить престол оказалось довольно просто, но Николай и заранее в том не сомневался. Ему уже давно начало казаться, что самим артефактам, не обладающим душой и разумом, осточертело это вечное существование. Не зря же они имели встроенный механизм разрушения и будто бы только ждали тысячи лет, когда же он сработает. И не зря в самой магии лорда заложено понимание, как именно уничтожить артефакт. Было ли это знание интуитивным, присущим любому лорду, или Николай сам его придумал, уже не имело никакого значения. Однако лезвие меча вошло в металл, как в спелую мякоть, синий свет ослепительно разгорелся, почти затрещал, или так казалось из-за вибраций тени. Подлокотники засочились кровью, престол будто ожил, хотя никаких движений не создавал. И вдруг свет от лезвия померк — погас, будто прихлопнутый. По спине пробежал холодок от осознания: конечно. Теперь уже и захочешь, а не изменишь.

— Они будут здесь с минуты на минуту! — Лир-Дан уже не приглушал голос. — Трина курсирует на драконе, бегите к окну. Мы сможем полететь втроем?

— Нет, маг, вы остаетесь здесь, — Николай шел к окну, не оборачиваясь. — Это черный престол вы позволили разрушить, но к белому подпустить не сможете. И тогда нам придется ждать несколько месяцев до полного финала, а я не хочу ждать.

— Но... как же вы пробьетесь в белый замок?

Коля пожал плечами:

— У меня есть дракон. И одна буйная шорсир — слышите, как она ругается? Кажется, будет материться теперь до глубокой старости за то, что я сделал. У меня есть я и мое право на белый престол. Справлюсь как-нибудь. Или мы с драконом посидим в засаде и подождем, пока шорсир умерит свою ярость, расчищая нам дорогу.

Николай уже поставил колено на окно, готовый выпрыгнуть в любой момент. Внизу, распластав крылья, ждал дракон. Но зачем-то обернулся, вероятно, собирался увидеть первого из хоасси, который почует неладное. Ноэ схватился за голову и рухнул на оба колена, закачался в беззвучном крике ужаса и отчаянья. Николай сказал:

— Прощайте, Ноэ. Мне не понравилось быть с вами в одной партии. Прощайте, Лир-Дан.

Спасибо за помощь.

— Прощайте, Киан из династии Кордов! — белый маг церемонно поклонился. — Уверен, я увижу вас снова. И вы все-таки разрушили старый мир. Надеюсь, новый окажется хотя бы не хуже.

Николай не ответил и прыгнул из окна.

Эпилог

Петюня сменил скептическую мину на доброжелательную. Все-таки не чужие люди, а пара неприятных эпизодов настоящую дружбу не испортят. И тем не менее поначалу он шурился, всматриваясь в лицо приятеля и ожидая, когда тот начнет занимать деньги. Но ничего подобного — Николай выглядел солидным, каким-то посерьезневшим или повзрослевшим. Хорошо одетым и расслабленным — люди, собирающиеся одолжить деньги, никогда не выглядят расслабленными. Потому и Петюня ощущал себя все лучше и лучше, а со временем перестал ждать подвоха. Он развалился на удобном стуле перед столиком и уточнил в очередной раз:

— Директором филиала? Вот так быстро? У них там, в Питере, вообще, что ли, людей не осталось?

Николай улыбнулся, пропуская иронию мимо ушей:

— А вот это ты зря, Петюнь. Стоило мне за ум взяться, как сразу все выстраиваться и начало.

— Ну, в этом-то как раз чудес нет. Просто не представляю тебя за ум взявшимся. Выпьем за то, чтобы крупнейший российский филиал международного концерна не прогадал.

Кое-как Николаю удалось выдавить усмешку и продолжить:

— За них не волнуйся. Люди там серьезные, деловые, им плевать на статусы и корочки, смотрят только на результаты, — он заливал эту заготовленную чушь проникновенно, чтобы и мысли о фальшивости не возникло. — Так что да, дела идут. И так неплохо, что теперь я только жалею, что раньше за ум братья было нечем. В общем, будешь в наших краях — приходи в гости.

Это приглашение он озвучить был обязан, а иначе вся легенда вмиг бы рассыпалась. Если же Петюня действительно соберется навестить старого друга и напарника, придется Николаю выкручиваться: спешно арендовать квартиру поэлитнее и принимать дорогого гостя. Ничего, справится, особенно в мире, где все решается деньгами, а уж должность Николая бедности никак не предполагала.

Раскрасневшийся от пива Петюня покивал, а потом и руку через столик протянул:

— Тогда поздравлю, Коль. От всей души, приятель! Это отлично, когда жизнь налаживается.

Женился... совсем уму непостижимо. Так неровен час скоро и детьми обзаведешься и уже окончательно очеловечишься, — он подмигнул.

А после этого не удержался и все-таки уделил внимание единственной присутствующей даме, изначально общаться с которой не планировал. Но на фоне прочих приятностей не хотелось самому нагнетать тяжелую атмосферу. Потому Петюня улыбнулся и спросил у девушки:

— А как тебя все-таки зовут на самом деле?

Трина оторвалась от бифштекса, окатила его взглядом, полным холодной ненависти, и ответила хрипло, как выплюнула:

— Света.

Петюня, благодаря природному чутью, сразу сообразил:

— Гляжу, характер у тебя мягче не стал, красавица. Но я-то что могу поделывать? — он перевел взгляд снова на Николая. — Совет вам да любовь. Вероятно, во всем должен быть баланс — без зла не бывает добра, без света не увидишь тени, без вот такой занозы в заднице не станешь выработываться в офисе так, что карьерная лестница за тобой не успевает.

А может, он только что случайно озвучил абсолютную истину для этого мира? Может, не бывает полнейшего счастья без капли перчинки? Вот как с Триной: умная, красивая, верная, сногшибательно сексуальная — совершенство! Но в любой момент может столовый нож в глаз вонзить и трижды провернуть, до того как ее обидчик успеет выдохнуть. Не Николаю, конечно, Николай — ее самый любимый лорд. Однако и ему понятно, что черт ее разберет, преданность эту шорсирскую, если Коля окажется настолько туп, чтобы изменить ей или обидеть. Никогда раньше себя в роли верного и любящего мужа он не представлял. А тут если жить хочешь, вряд ли передумаешь быть верным и любящим. Николай был еще слишком далек от подобной идеи.

Они устроили себе отпуск на пару недель в однокомнатной квартирке, напоследок купили щенка — Трина так впечатлилась рассказами о собачьих характерах, что захотела обзавестись питомцем. Николай только радовался, хотя пропихнул ей породу позлее, чтобы милаха хоть немного друг другу соответствовали. Говорят, доброта и милосердие в детях именно через собачек и кошечек воспитывается. Кто знает, вдруг и на Трине хоть немного сработает?

Николай надежды не терял, но на всякий случай приготовился к тому, что Трина может и выпотрошить питбуля через пару дней, если посчитает его недостаточно для себя brutальным.

Затем поехали к вратам — отпуск закончился, пора приступать к делам. Для Николая вообще стало большой неожиданностью, что врата после разрушения престолов сохранились. Но магия мира никуда и не делась, потоки просто перемешались, потеряв изолированность. И еще неизвестно, не станет ли она намного сильнее той, что была. Ноэ подобное предположил, но ясно станет только через несколько поколений, а до того момента еще реформировать и реформировать массовое сознание. Маги и обычные люди несоро окончательно осознают, что больше не могут называться черными или белыми, склонными к святости или к порокам. Это очень сложно, когда привык к иному мировосприятию. Но уже их дети или внуки постепенно перейдут к мысли, что есть в них и белое, и черное, и святость, и пороки — а уж что они станут выбирать в конкретный момент времени, никто за них не решит.

На самом деле, Николай, когда увидел, что врата целы, так сильно обрадовался, что схватил Трину за руку и рванул в свой мир, на бегу обещая ей замки и караваны, и что там еще принято обещать. Она бы и без этой лапши на ушах с ним бежала, но Николай решил соблести все многовековые традиции облапошивания прекрасных дам. И как раз там их перехватили — место, наверное, несчастливое. На этот раз парочка магов не собиралась убивать Николая, но настроена была так же недружелюбно.

— Вы куда это собрались, уважаемый Киан?! — с угрозой шипел Лир-Дан.

И Ноэ подхватил за ним, будто знакомый припев из песни:

— Нет, вы действительно думали, что можете разрушить все основы и сбежать, как последний трус, оставив позади лишь руины?

— Нет, конечно, — Николай выпрямился, посмотрел на каждого по очереди, затем выпустил руку Трины. — Мы тут по личным вопросам. И что за руины, господа маги?

— Так будут руины, будут! — заорал Ноэ, который до сего дня, похоже, скрывал свой склочный характер. — Если хаосом не управлять, он будет вести себя как хаос!

Лир-Дан все-таки выразался куда спокойнее:

— Мой лорд, вы сами наметили глобальную перемену, теперь народ в смятении — людям нужны хоть какие-то ориентиры. Вы единственный ориентир и единственная фигура, способная сейчас предотвратить резню и постепенно увести от застарелых распрей. Или вы всерьез полагали, что эта хваленая торговля между черными и белыми установится сама собой? Или что черные и белые перестанут мыслить себя таковыми? Так что соберитесь и займитесь делом. У нас все равно нет кандидата, правомочного забрать всю власть, кроме вас, лорд!

Николай сначала вдохом подавился, потом прокашлялся, раскинул руки и отреагировал — постарался, чтобы прозвучало радостно, а не истерично:

— Да ладно! А я-то боялся, что меня все убить захотят, а не продолжать поклоняться. Облегчение-то какое!

Ноэ проскрипел сквозь зубы:

— Убить-то вас хотят, но мой белесый коллега в кои-то веки сказал не полную глупость: вам будут поклоняться, потому что поклоняться больше некому. Вам предстоит возглавить сразу обе системы во избежание паники и развала.

Николай уже понял и дальше не слушал. Тяжело вздохнул и посмотрел на Трину. Но ту новости будто бы и не расстроили.

— Знаешь, Трин, мне придется отложить возвращение домой и господствовать над хаосом.

Будем туда разве что в отпуск гонять... Станешь моей черной леди, чтобы я совсем не спятил?

— Стану, конечно, — она смотрела прямо и даже не улыбалась. — Но не черной. И не белой же! Эм-м. Прости, Киан, но ты натворил сущий бардак. Здесь лет двадцать разгрести.

— Хорошо если двадцать, — Николай снова посмотрел на магов, немного приосанился и приподнял подбородок. А может, он и был рожден для того, чтобы заниматься чем-то подобным? Нормальная, веселая и нескучная должность. Осознал себя вновь правителем и заявил: — Прекрасно, господа. Пойдемте меня в белом еще коронуем, а затем приступим к делам. Очень рассчитываю на вашу помощь!

Лир-Дан и Ноэ переглянулись и с облегчением закивали. Если ты уже оказался в полном дерьме, то единственное, что можешь сделать, идти дальше. И оба мудреца это осознали. С тех пор Николаю пришлось стать и политиком, и экономистом, и культурологом, и демоны знают кем еще. И казалось, что существу бардаку нет конца и края: одна решенная проблема оставляла за собой десяток других. Но в любом случае ни у кого не было выбора, оставалось только двигаться вперед.

Но иногда Николай с Триной выбирались в другие миры — отдохнуть душой и телом, немного побыть наедине и без тяжести сразу двух корон, уже давно перелитых в одну, но оттого ставшую еще тяжелее. И такие вылазки действительно помогали, а советники ведь не зря так назывались — они обязаны были хоть с какими-то мелочами справляться, пока повелитель изволит отдыхать.

Машину припрятали в лесу, накрыв брезентом и засыпав ветвями. Конечно, никакой гарантии от угона, если кто-то найдет, но в этом мире магия настолько слаба, что приходится полагаться на удачу. Когда вышли, Николай притянул Трину к себе и поцеловал. Вспомнил со смехом:

— Почему именно «Света»?

— Я не знаю имени отвратительнее, Киан. У нас так откровенно даже светлых не называют — это ж все равно что назвать кого-то «Шорсир», «Лорд» или «Племянник казначея». Глупость какая-то, Света, тьфу.

— А-а, ну да, — согласился Николай. — Пойдем уже, хорошая моя, нас уже, наверное, заждались. Я снова стану тем, кто всех спасет.

Трина усмехнулась, но проснувшийся щенок в ее руках зарычал и попытался цапнуть хозяйку, за что был удостоен улыбки, полной умиления.

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYIx81
JCIfIiEmKzcwJik0KSEiMEExNDk7Pj4+JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAAQoLCw4NDhwQEBw7KCIo
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wgAR
CAJNAZ8DASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAqMBAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAwQCBQYBAAf/xAAaAQAD
AQEB
AQAAAAAAAAAAAAAAAAABAgMEAAUG/9oADAMBAAIQAxAAAAHImExpVeLC6nnCDmT+kO3elz3Bm
XJb J9l6erNFpZwTJ6Xnyx5LncKleT+w+nYnq3K52IzU0TLqcRrMhdsUZZMtmlE09qFwM628A/k0j
l3w72T1uK2wQEYXs5ORJwtWOI2OLVDhfb4B4XnEPCQLqGCT53TwRhDiFC1TICjYBTMSJDEwM
lIwKHrwl8hYNmlzvTmj6SYep5D3me0acFyhrRPe5tGezX0jIBmNP8/19c110xhgUsKyzW3ve
9PZ73vdymIfPbwEhDmmRREArVtgg5g2teJz0vPFwkWYYyxNK6cSfP7fAYWIKwFinKS56LN8
cb25kzATK2iyzdk5YL2JyLSN7ohotjNZt/fc7j3nAXwexv8ANaKdmc9pacGguqh2i/Qi1FtO
Hfe8D73lCreZ5Rboi7E3oSQ6WvyVuFEp8sGVpQvc8gb1fMGM0HIokG9K+UOfPegyo4nVGDAY
pwLNcfK8JWNV6P0ZVKdWVJ3D9HM4Lv1cwYey2py0N3pxJn1ylLq6Lm5zNrG77+dtFbLqMIU1
oul1t6Pn+nXx3Y2+rQkyiXB+f6UuwsJuKyswF0PvBPpwu6R2z6TZ5YoMwpJYTia2o495876
zaxRWWTk3gTTTtuaC3RWUoyhI4XQrQniqEB2E50jzvEMiiNwZiRcaD6ykdbK2vPMQ2AX9Mq